

1907-
2(6).

№ 6.

Ноябрь — Декабрь.

1907.

ЖУРНАЛ

ТРУДЫ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

(Издаются съ 1766 года).

Посвящается памяти графа Петра Александровича Гейдена.

СОДЕРЖАНИЕ.

Автобиографія графа Петра Александровича Гейдена.

В. В. Хижняковъ. Графъ П. А. Гейденъ — дѣятель И. В. Э. Общества.

Д. И. Рихтеръ. Къ воспоминаніямъ о графѣ П. А. Гейденѣ.

В. Э. Кетришъ. О графѣ П. А. Гейденѣ, воспоминанія.

В. М. Козловъ. О графѣ П. А. Гейденѣ, воспоминанія.

Материалы для биографіи графа П. А. Гейдена.

Аттестатъ графа П. А. Гейдена.

Письмо гр. П. А. Гейдена къ мин. внутр. дѣлъ 26 августа 1902 г.

Записка гр. П. А. Гейдена объ общеземскихъ съездахъ (1905 г.).

Письма гр. П. А. Гейдена къ в. д. секретаря И. В. Э. О-ва Д. И. Рихтеру (1900—1903 гг.).

Письма гр. П. А. Гейдена къ секретарю И. В. Э. О-ва В. В. Хижнякову (1903—1905 гг.).

Оттекли печати на смерть гр. П. А. Гейдена.

Статьи и замѣтки изъ „Русскихъ Вѣдомостей“, „Московского Еженедѣльника“, „Рѣчь“, „Товарища“, „Слова“, „Биржевыхъ Вѣдомостей“, „Новаго Времени“, Сборника—„Партія мирнаго обновленія, ея образованіе и дѣятельности въ первой Гос. Думѣ“, „Вѣстника народной свободы“.

№ 6.

1907.

TRAVAUX

DE LA SOCIÉTÉ IMPÉRIALE LIBRE ÉCONOMIQUE.

(Publiés depuis l'année 1766).

ARBEITEN

DER KAISERLICHEN FREIEN OEKONOMISCHEN GESELLSCHAFT.

(Erscheinen seit 1766).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія М. П. Фроловой. Галерная улица, д. № 6.

1907.

Послѣднія изданія И. В. Э. Общества:

1. Начальное народное образованіе въ Россіи. Статистическое изслѣдованіе подъ редакціей Г. А. Фальборка и В. И. Чарнолукаго, I, II, III, IV томы in 4°. Цѣна за изданіе по 6 р. за томъ.

2. А. М. Бутлеровъ. **Какъ водить пчелъ**. 6-ое изданіе. 1904 г., съ мног. рисунками, стр. 44 + IV. Цѣна 10 к.

3. В. И. Ш. **Указатель** къ „Трудамъ И. В. Э. О.“ за послѣднія 15 лѣтъ изданія (1889—1903 гг.). Спб. Стр. 58. Ц. 30 к.

4. Н. Г. Кулябко-Корецкій. **Районы хлѣбной производительности** Европ. Россіи и Запада. Сибири, съ приложеніемъ таблицъ и 9 картограммъ. 1903 г. Стр. 45 + 77. Ц. 75 к.

5. В. И. Логиновъ и К. В. Крыловъ. **Указатель статей, помѣщенныхъ въ „Русскомъ Пчел. Листкѣ“** за періодъ 1886—1903 гг. Стр. 80. Спб. 1904 г., ц. 40 к.

6. **Труды подкомиссіи по вопросу о введеніи преподаванія статистики** въ курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. 1904 г. Стр. 24 + 20. Ц. 30 к.

7. В. Ф. Караваевъ. **Библиографическій обзоръ земской статистич. и оцѣночной литературы** со времени учрежденія земства. 1864—1903 гг. Вып. I. Губерніи: Бессарабская, Владимірская, Вологодская, Воронежская, Вятская, Екатеринославская, Казанская, Калужская, Костромская, Курская, Московская и Нижегородская. Спб. 1906 г. Стр. VIII + 426. Ц. 2 р.

8. А. А. Аловъ. **Американскіе самоподаватели при молотилкахъ**. Спб. 1906 г. Стр. 20, съ 30 рис. Ц. 25 к.

9. А. А. Аловъ. **О травматическихъ поврежденіяхъ рабочихъ при работахъ на сельскохоз. машинахъ**. 1906 г. Стр. 268. Ц. 1 р. 50 к.

10. А. М. Бутлеровъ. **Правильное (раціональное) пчеловодство, его выгодность, его задачи и средства**. 5-ое изданіе. Примѣчанія къ 5-му изд. сдѣланы проф. Н. М. Кулагинымъ. 1908 г. Стр. 16. Ц. 2 к.

Педологическій (почвенный) музей И. В. Э. Общества открытъ для осмотра и занятій, какъ членовъ Общества, такъ и постороннихъ лицъ, ежедневно отъ 11 до 3 час. дня, за исключеніемъ дней воскресныхъ и праздничныхъ; въ остальное время — по распоряженію съ завѣдывающимъ музеемъ.

Библиотека И. В. Э. Общества открыта ежедневно (за исключеніемъ праздничныхъ дней, отъ 2 ч. дня до 10 ч. вечера, по воскресеньямъ 2—5 ч.). Пользованіе библиотекою обществу членовъ бесплатно. На домъ книги выдаются подъ залогъ или за поручительствомъ членовъ Общества. Въ теченіе двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ (съ 15 іюня по 15 августа, библиотечка закрыта.

Продажа изданій И. В. Э. Общества производится въ пчеларіи Совѣта Общества ежедневно (исключая неприсутств. дней) отъ 11—4 ч. дня и въ библиотекѣ Общества въ дни и часы, когда она открыта для выдачи книгъ.

360
1307.
2(6)

Центральная Научная
Сельско-Хозяйственная
Библиотека

ЦНСКА
ДУБАЕТ

ТРУДЫ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

1907.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Книга 6.

Посвящается памяти графа Петра Александровича Гейдена.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія М. П. Фроловой. Галерная улица, д. № 6.

1907.

05050117

Печатано по распоряженію Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества.

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

	СТРАН.
Автобіографія графа Петра Александровича Гейдена	1
В. В. Хижняковъ. Графъ П. А. Гейденъ — дѣятель Императорскаго Вольнаго-Экономическаго Общества	2
Д. И. Рихтеръ. Къ воспоминаніямъ о графѣ Петрѣ Александровичѣ Гейденѣ	11
Б. Э. Кетрицъ. О графѣ П. А. Гейденѣ, воспоминанія	17
В. М. Козловъ. О графѣ П. А. Гейденѣ, воспоминанія	19
Матеріалы для біографіи графа П. А. Гейдена.	
I. Аттестатъ графа П. А. Гейдена	1
II. Письмо гр. П. А. Гейдена къ министру внутр. дѣлъ В. К. Плеве, 26 августа 1902 г.	3
III. Записка графа П. А. Гейдена объ общеземскихъ сѣздахъ (1905 г.).	6
IV. Письма гр. П. А. Гейдена къ и. д. секретаря И. В. Э. О-ва Д. И. Рихтеру	10
V. Письма гр. П. А. Гейдена къ секретарю И. В. Э. О-ва В. В. Хижнякову.	17
Отклики печати на смерть графа П. А. Гейдена.	
Предисловіе	27
„Русскія Вѣдомости“. Статья кн. П. Д. Долгорукова	27
„ „ „ „ С. А. Котляревскаго	28
„Московскій Ежедневникъ“. Статья кн. Евг. Н. Трубецкого	28
„ „ „ „ П. Б. Струве	30
„Речь“. Статья П. Н. Милюкова	30
„Товарищъ“. Статья Х.	32
„ „ „ Замѣтки	34—35
„ „ „ Корресп. изъ Псковск. губ.	35
„Слово“. Редакціонная статья	37
„Биржевыя Вѣдомости“. Статья В. Рeginина	39
„Новое Время“. Статья Ал. Ксюнина	40
Сборникъ—„Партія мирнаго обновленія, ея образованіе и дѣятельность въ первой Гос. Думѣ“:	
Статья М. А. Стаховича	41
„ „ „ И. Н. Ефремова	45
„Вѣстникъ народной свободы“. Статья В. Д. Набокова	47

Автобіографія графа Петра Александровича Гейдена.

Вы настойчиво требуете отвѣта ¹⁾, но мнѣ трудно сообщить Вамъ свою автобіографію, т. к. она будетъ состоять исключительно изъ чиселъ, пригодныхъ только для формулярнаго списка. Родился я въ октябрѣ 1840 года въ Ревелѣ, гдѣ мой дѣдъ, по отцу, былъ Военнымъ Губернаторомъ и Главнымъ Командиромъ надъ портомъ. Голландецъ по происхожденію, онъ пріѣхалъ въ Россію въ концѣ царствованія Императрицы Екатерины II, вынужденный покинуть родину, какъ приверженецъ низложеннаго штатгалтера, семью котораго онъ, будучи морскимъ офицеромъ, помогъ перевезти въ Англію. Послѣ упраздненія Наполеономъ Голландскаго Королевства и присоединенія Нидерландовъ къ Франціи, дѣдъ мой принялъ Русское подданство. Когда же родина его вновь сдѣлалась самостоятельной, то семейное положеніе уже связывало его съ Россіею и онъ остался въ ней навсегда. Принявъ это рѣшеніе, онъ понялъ, что дѣти его должны вырасти въ любви къ его новой родинѣ. Мои отецъ и дядя душою были русскіе, что несомнѣнно повліяло и на мое воспитаніе, тѣмъ болѣе, что моя мать была кореннаго русскаго происхожденія.—Воспитывался я въ Пажескомъ Корпусѣ, произведенъ въ офицеры въ іюнѣ 1858 г., тотчасъ-же вступилъ въ Михайловскую Артиллерійскую Академію, гдѣ и кончилъ курсъ весною 1860 года. Не имѣя никакого призванія къ военной службѣ, я въ томъ же году вышелъ въ отставку и прожилъ въ Орловской губерніи всѣ первые годы крестьянской реформы. Въ 1866 году я поступилъ на гражданскую службу. Былъ Совѣтникомъ Воронежскаго губернскаго управления, а вскорѣ послѣ введенія Судебной реформы, въ концѣ 1868 г. тамъ же назначенъ членомъ Окружного Суда. Въ 1870 г. перешелъ на ту же должность въ Петербургъ, гдѣ былъ Членомъ Окружного Суда, Товарищемъ Предсѣдателя и Членомъ Судебной Палаты. Вся судебная служба была по гражданскому отдѣленію. Въ концѣ 1886 года я былъ назначенъ начальникомъ канцеляріи по принятію прошеній на Высочайшее Имя. Привычка дѣйствовать по закону, освоенная 18-лѣтней судебной практикой, столкнулась съ установившеюся въ новомъ моемъ мѣстѣ служенія внѣзаконной практикой. Я пришелся не ко двору и вынужденъ былъ въ концѣ 1890 г. оставить эту службу и вышелъ въ отставку.

¹⁾ Автобіографія написана 20 іюня 1905 года по просьбѣ Д. И. Рихтера изъ с. Звоны, Опочецкаго уѣзда.

Живя то въ Петербургѣ, то въ деревнѣ въ Псковской губ., я занялся личными дѣлами. Состоя еще на службѣ, я въ 1883 г. былъ избранъ уѣзднымъ гласнымъ въ Опочецкомъ уѣздѣ, Псковской губ., и постоянно принималъ участіе въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ, а съ 1889 г. постоянно избираюсь въ Губернскіе Гласные. Состоя кандидатомъ уѣзднаго предводителя дворянства, я за смертью предводителя въ 1895 г. вступилъ въ исправленіе этой должности и исполняю ее и до сихъ поръ. Въ апрѣлѣ того-же года я былъ избранъ Президентомъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества послѣ сложившаго съ себя до срока это званіе графа А. А. Бобринскаго. Во время кустарнаго съѣзда въ Петербургѣ въ 1902 г. я былъ избранъ въ предсѣдатели одного изъ отдѣленій. Предсѣдателемъ другого отдѣленія былъ кн. П. Д. Долгоруковъ. Въ этомъ же году въ маѣ принялъ участіе въ организованномъ Д. Н. Шиповымъ съѣздѣ земскихъ дѣятелей и наравнѣ съ многими другими удостоился получить выраженіе Высочайшаго неодобренія и предупрежденіе, что дальнѣйшая дѣятельность въ томъ же направленіи повлечетъ за собой устраненіе мое отъ общественной дѣятельности. Но съѣзды продолжали собираться и въ ноябрѣ 1904 года я принялъ участіе въ томъ земскомъ съѣздѣ, который выработалъ извѣстныя ноябрьскія постановленія. Съѣзды повторились въ апрѣлѣ и въ маѣ 1905 г. Вотъ весь перечень моей разнообразной и скромной дѣятельности, которая врядъ-ли заслуживаетъ какого нибудь вниманія.

Графъ П. А. Гейденъ — дѣятель Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества ¹⁾).

Исторія въ свое время сдѣлаетъ общую оцѣнку значенія покойнаго графа Петра Александровича Гейдена; моя же задача набросать одну лишь страничку разносторонней общественной жизни графа въ краткомъ очеркѣ дѣятельности его въ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ.

Разсказывать, что сдѣлано было Петромъ Александровичемъ для Вольнаго Экономическаго Общества это значитъ разсказывать исторію Общества съ 1895 года до послѣднихъ лѣтъ. Печальное десятилѣтіе, прошедшее въ сплошной борьбѣ за право свободнаго научнаго сужденія и право работать на благо родной страны, тѣсно сплелось съ жизнью покойнаго графа. Въ теченіе ряда лѣтъ главной его заботой было обереганіе Общества отъ враждебныхъ силъ и защита Общества отъ тѣхъ внезапныхъ натисковъ бюрократіи, которые дѣлались на него въ теченіе многихъ лѣтъ. Борьба была неравная, у Общества отрывали куски живого его тѣла, оно все болѣе и болѣе обезсиливало и въ концѣ концовъ оказалось вовсе связаннымъ по рукамъ и по ногамъ...

Нужно перенестись мысленно на 10 лѣтъ назадъ, чтобы ярко

¹⁾ Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ Собраніи 25-го марта, посвященномъ памяти покойнаго.

представить себѣ сущность этой борьбы. Въ то несложное и молчаливое время расцвѣта бюрократическаго самовластия, почти не встрѣчавшаго себѣ препонъ, сосредоточіемъ самодѣятельности и самостоятельной мысли было Вольное Экономическое Общество, олицетворявшее собою общественное мнѣніе и совѣсть забытой страны. И оно стало главнымъ врагомъ въ представленіи правящей бюрократіи. Общество, позволявшее себѣ имѣть свое сужденіе о дѣйствіяхъ правительства и указывавшее другіе пути экономическаго развитія страны, чѣмъ тѣ, по которымъ желали ее толкать бюрократическія канцеляріи, были невыносимы для чиновничества. Съ обычной своей близорукостью, думая уничтожить процессъ пробужденія русскаго общества, уничтожить одно изъ его проявленій, бюрократія взялась за разрушеніе Вольнаго Экономическаго Общества. Въ началѣ этой кампаніи во главѣ Общества его президентомъ сталъ Петръ Александровичъ и съ первыхъ же шаговъ показалъ, что Общество не ошиблось въ своемъ выборѣ. Въ полномъ согласіи со своими избранниками онъ въ теченіе болѣе, чѣмъ 12 лѣтъ, съ свойственной ему твердостью отстаивалъ Общество. Его защита не была заступничествомъ вліятельнаго лица, она не бывала никогда униженною просьбою передъ сильными міра сего— это была борьба на почвѣ яснаго сознанія своего права и безправія противной стороны, борьба, которую покойный неустанно велъ, съ чрезвычайной бережностью относясь къ достоинству заслуженнаго и старѣйшаго въ Россіи Общества. Когда теперь перечитываешь документы В. Эк. Общества, относящіеся къ тому времени, то поражаетъ мелочность придирокъ, противообщественный характеръ притязаній, оскорбительность самой постановки вопросовъ, противъ которыхъ приходилось покойному президенту Общества выступать въ его неравной борьбѣ. И обидно становится, что столько энергіи и силъ у лучшихъ русскихъ людей ушло—и, увы, продолжаетъ уходить—на такую мелочную борьбу.

1895 годъ, когда былъ избранъ графъ Гейденъ президентомъ Вольнаго Экономическаго Общества, былъ годомъ, въ который нанесенъ былъ первый тяжелый ударъ Обществу— у него былъ оторгнутъ Комитетъ грамотности, огромныя заслуги котораго въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія общеизвѣстны. Графъ пытался предупредить катастрофу: ѣздилъ, убѣждалъ, писалъ записки, подалъ прошеніе на Высочайшее Имя, но ему не удалось сохранить Комитетъ, и необходимое для страны дѣло было убито. Долго еще потомъ Общество въ лицѣ графа отстаивало свои права на часть имущества Комитета; графъ проводилъ многіе часы надъ скучною и кропотливою работою по ликвидаціи дѣлъ погубленнаго учрежденія и опять ѣздилъ, хлопоталъ, почти безрезультатно.

Съ 1896 года правительство стало вторгаться въ сферу научной дѣятельности Общества. Сначала дѣло ограничивалось одними письмами президенту съ туманными общими нареканіями. Въ слѣдующемъ году по требованію министра внутреннихъ дѣлъ были сняты доклады гг. Струве и Туганъ-Барановскаго по вопросу о фабричномъ законодательствѣ. Затѣмъ въ началѣ 1898 года министръ земледѣлія въ рѣшительныхъ выраженіяхъ выступалъ въ письмѣ къ президенту противъ ненормальныхъ по его мнѣнію явленій, извращающихъ, какъ онъ писалъ, ученый характеръ дѣятельности Общества, въ которое пере-

несена прекращенная правительствомъ вредная полемика журнала „Новое Слово“. Безпокоила министра также слушавшая доклады и пренія учащаяся молодежь. Одновременно на Общество посыпались „обвиненія“ въ томъ, что оно безъ особаго на то разрѣшенія образовало Комитетъ для оказанія помощи пострадавшимъ отъ неурожая, что Общество обезпокоилась ненормальной постановкою у насъ продовольственнаго дѣла и собирало въ своихъ стѣнахъ многихъ земскихъ дѣятелей для обсужденія этого дѣла. Наконецъ, Комитетъ для пострадавшихъ отъ неурожая былъ закрытъ вовсе распоряженіемъ свѣше, было признано, что Вольное Экономическое Общество не имѣло права собирать пожертвованія на голодающихъ, и Обществу предложено было собранныя деньги передать въ Красный Крестъ. Мало того: въ письмѣ министра Ермолова президенту было чернымъ по бѣлому написано, что продовольственная дѣятельность Общества въ тотъ голодный годъ „не вызывалась необходимостью“.

Паутина этихъ и имъ подобныхъ обвиненій неустанно плелась въ тайникахъ бюрократическихъ канцелярій. Обществу достовѣрно ничего не было извѣстно и оно стороною принуждено было узнавать о томъ, что на него возводится, и предугадывать то, что противъ него затѣвается. Въ томъ же 1898 г. былъ составленъ въ Д-тѣ полиціи документъ, который являлся сводкою обвиненій противъ Общества и дальнѣйшимъ ихъ источникомъ и который сдѣлался общеизвѣстнымъ только нѣсколько лѣтъ спустя. Характеръ обвиненій, изложенныхъ въ этомъ, доведенномъ до самыхъ верховъ власти, документѣ исчерпывающе можетъ быть постигнутъ изъ такого отрывка: „въ засѣданіи 9 апрѣля, по объявленіи предсѣдателемъ скоропостижной смерти члена Общества, покончившаго свою жизнь самоубійствомъ въ домѣ предварительнаго заключенія, гдѣ онъ содержался по обвиненію въ государственномъ преступленіи, присутствовавшіе почтили его память вставаніемъ“. Такимъ образомъ въ преступленіе Обществу вмѣнялось то, что оно простымъ вставаніемъ отмѣтило смерть своего трагически погибшаго члена (это былъ извѣстный статистикъ Костромицъ).

Приведенныя немногія строки достаточно показываютъ, въ какой атмосферѣ приходилось работать графу Петру Александровичу, какъ президенту Вольнаго Экономическаго Общества.

Неустанно хлопоча за Общество, стараясь отвести егущавшіяся надъ Обществомъ тучи и дѣлая все, что отъ него зависѣло въ этомъ направленіи, Петръ Александровичъ ясно понималъ существо тогдашняго положенія вещей. Онъ понималъ, что тамъ, гдѣ сталкивались два общественно-политическихъ принципа, изъ которыхъ одно взаимно исключало другое, выхода не было. Но онъ не покладалъ своихъ рукъ, стремясь хотя бы частью ослабить или отдалить готовившійся ударъ. Въ 1898 году ему удалось предупредить пріостановку дѣятельности Общества, которая все же послѣдовала въ 1900 году.

Здѣсь невозможно изложить даже небольшою части тѣхъ многочисленныхъ писемъ, докладныхъ записокъ и всеподданнѣйшихъ ходатайствъ, которыя были написаны въ защиту Общества Петромъ Александровичемъ въ 1898 и 1899 годахъ. Въ нихъ, несмотря на ихъ официальный характеръ, въ значительной степени отразились черты общественной фізіономіи ихъ автора. Въ нихъ проявился также извѣстный

юморъ Петра Александровича, отъ котораго, вѣроятно, не разъ приходилось морщиться сановнымъ адресатамъ его писемъ.

3-го юля 1898 года въ письмѣ къ министру земледѣлія, утверждая, что часть обвиненій Общества просто выдуманна, частью раздута, графъ писалъ: „остаются обвиненія, письменно непредъявленные, а именно, что И. В. Э. Общество, стараясь возбудить общественный интересъ къ разнымъ вопросамъ современной экономической жизни, стремится заинтересовать въ нихъ наивозможно болѣе кругъ обывателей и на сколько возможно способствовать разрѣшенію такихъ вопросовъ. Но вѣдь подобная дѣятельность всегда составляла главную задачу и цѣль В. Э. Общества и поскольку эта дѣятельность не нарушаетъ общихъ законовъ Имперіи, она допустима и не преступна. Что она не преступна, это мнѣ высказалъ и И. Л. Горемыкинъ въ частномъ разговорѣ, который я съ нимъ имѣлъ; но онъ прибавилъ, что она нежелательна для правительства. Я нѣсколько недоумѣваю, кто это правительство, о которомъ онъ мнѣ говорилъ, и не есть ли это одинъ министръ внутр. дѣлъ, недовольный, что нами поднятъ былъ вопросъ о недостаткѣ продовольствія, о которомъ онъ усиленно хотѣлъ и хотеть замолчать. Но такъ какъ факты на лицо и говорятъ не за него—то я полагаю, что поднятіе этого вопроса одна изъ заслугъ В. Э. Общества передъ Россіей, а никакъ не поводъ къ ограниченію его дѣятельности. Вѣдь обязанность благонамѣреннаго чело-вѣка не хвалить все не по разуму, не поддѣлываться подъ теченіе и взгляды стоящихъ у власти людей, а проявлять свою истинную любовь къ отечеству и порядку, говоря правду и одну только правду. А правда въ данномъ случаѣ на нашей сторонѣ—это признано объявленной подпиской Краснаго Креста и отчетами. Министръ вн. дѣлъ мнѣ сказалъ, что мы дѣйствуемъ въ предѣлахъ устава, но что уставъ слишкомъ широкъ. Но тогда пускай такъ и поставятъ вопросъ и объявятъ это намъ письменно. Мы на это будемъ отвѣчать, но зачѣмъ же министръ вн. дѣлъ прибѣгаетъ къ мелочнымъ придиркамъ и обвиненіямъ. Обвиняютъ отдѣльныхъ членовъ за ихъ антиправительственное направленіе, но въ этомъ должны вѣдаться съ ними лично, а не съ Обществомъ, за нихъ неответственнымъ. Можетъ быть и среди чиновниковъ есть, какъ это впрочемъ и было, государственные преступники. Но вѣдь расправлялись съ ними, а не съ министерствами, въ которыхъ они служили. Я прошу о примѣненіи и къ намъ этого элементарнаго правила. Самое трудное защищаться противъ неуловимыхъ и неопредѣленныхъ обвиненій. Министръ вн. дѣлъ призналъ даже возможнымъ обвинять председателя Комитета о вспомооществованіи и косвенно наше Общество въ томъ, что русскіе выходцы въ Женевѣ сдѣлали сборъ въ пользу голодающихъ. Какъ можно связывать одно съ другимъ? Вѣдь изъ этого можетъ быть и такой выводъ: начина русскіе выходцы утверждать, что голода нѣтъ, это бы означало, что съ ними солидаренъ министръ вн. дѣлъ. — Я положительно прихожу къ тому заключенію, что все то, что противъ насъ воздвигнуто, есть ничто иное, какъ походъ противъ проявленія какой либо самостоятельной инициативы, на которую не испрошено было предварительнаго административнаго разрѣшенія. Между тѣмъ такая самостоятельная инициатива крайне желательна и необходима“.

Въ другой разъ Петръ Александровичъ писалъ тому же министру: „позволяю себѣ остановиться на указаніи Вашего Высокопревосходительства на томъ, что молодежь въ сущности мало интересуется разбираемыми вопросами и повидимому посѣщаетъ засѣданія исключительно въ цѣляхъ, ничего общаго съ задачами Общества неимѣющихъ. Я позволю себѣ горячо протестовать противъ такого обвиненія молодежи и думаю, что самое лучшее и самое отрадное свойство молодежи— это живой интересъ ко всѣмъ общимъ научнымъ вопросамъ. Я съ отраднымъ чувствомъ вспоминаю, какъ я и мои сверстники горячо интересовались всѣмъ, что вокругъ насъ происходило и обсуждалось, и теперь, приближаясь къ старости, твердо вѣрю, что даже излишняя горячность юности является утѣшительнымъ залогомъ ея жизнеспособности“.

Таковъ открытый характеръ объясненій Петра Александровича въ отвѣтъ на неискреннія нападенія нежелавшихъ высказываться до конца противниковъ. Доказывая научность доклада Туганъ-Барановскаго, указывая на тенденціозность получаемыхъ министрами донесеній, на нелогичность выводовъ, которые изъ выставляемыхъ посылокъ дѣлали министры и т. п., Петръ Александровичъ все время настойчиво требовалъ, чтобы Общество обвиняли открыто, чтобы надъ дѣйствіями Общества было назначено гласное разслѣдованіе и чтобы прекратилась закулисная игра.

Во всеподданнѣйшемъ прошеніи въ началѣ 1898 года онъ обращался съ ходатайствомъ дать возможность быть выслушаннымъ и дать ему право представить опроверженіе. „Законъ даетъ это право самымъ тяжкимъ преступникамъ“, прибавлялъ графъ...

Черезъ полгода въ новомъ ходатайствѣ на Высочайшее Имя графъ опять просилъ гласнаго разслѣдованія и затѣмъ прибавлялъ:

„Только истинное добросовѣстное раскрытіе и освѣщеніе дѣла со всѣхъ сторонъ открываетъ самодержавной власти возможность обнаруживать истину, узнавать положеніе вещей и съ новымъ сознаніемъ свой власти проявлять себя на благо страны; одностороннее освѣщеніе жизни безусловно опасно и особенно вредно, когда нѣтъ возможности указывать на то, что на мѣстахъ, иногда умышленно или по невѣдѣнью, оставляется въ тѣни“.

Графъ Петръ Александровичъ ясно понималъ характеръ борьбы, которую велъ. 14 марта 1900 года онъ писалъ министру земледѣлія: „что касается нареканій на Общество, то я пришелъ къ глубокому убѣжденію, что они истекаютъ не изъ явленій, у насъ происходящихъ, а ихъ подводятъ и подбираютъ, чтобы создать нареканіе. Прежде упрекали въ демонстративныхъ проявленіяхъ симпатій слушателей. Когда это вполне устранилось, обвиняютъ въ проявленіи интереса. Но вѣдь это цѣль каждаго доклада и всякихъ преній. Исчезнетъ интересъ, не будетъ докладчиковъ и тогда лучше приостановить всякую дѣятельность“...

Приостановить неудобную для тогдашняго правительства дѣятельность Вольнаго Экономическаго Общества было дѣйствительною цѣлью министровъ. Президентъ, отстаивавшій свободную научную работу, былъ неудобенъ для нихъ. И въ началѣ 1900 года всѣ усилія были направлены къ тому, чтобы во главѣ Общества сталъ другой человекъ.

Графъ хотѣлъ было устранить вопросъ о своей личности, затронувшей самолюбіе высокопоставленныхъ лицъ, и снималъ свою кандидатуру на постъ президента на новое трехлѣтіе, но Общество воспротивилось этому отреченію. Ко дню выборовъ въ хорошо членамъ Общества памятный вечеръ 23 марта 1900 года бюрократія мобилизовала все свои силы. Историческій залъ Общества представлялъ собою невиданное зрѣлище. На выборы явились все чиновники, никогда не посѣщавшіе Общества; нѣкоторые платили помногу десятирублевокъ—недоимокъ, накопившихся за ними по членскому взносу, чтобы пріобрѣсти право положить въ улогу начальству шаръ противъ графа Гейдена. На исключительно многолюдномъ собраніи присутствовали начальники различныхъ канцелярій, департаментовъ, даже товарищи министровъ. Шелъ настоящій бой, и онъ окончился поражениемъ бюрократіи: ея кандидатъ получилъ 85 избирательныхъ и 104 неизбирательныхъ голосовъ; графъ Гейденъ былъ избранъ 115 голосами противъ 70.

Бой кончился поражениемъ бюрократіи, но она не сложила того оружія, которое всегда находится въ ея рукахъ. Черезъ двѣ недѣли была исходатайствована мѣра, пріостановившая научную дѣятельность Общества.

Но все, что дѣлалось тогда, было неискренно, обставлялось предложениями, давались обѣщанія, которыя остались неисполненными. Ограничившія права О-ва мѣропріятія были обусловлены пересмотромъ устава, на что былъ положенъ срокъ, — нѣсколько нерабочихъ лѣтнихъ мѣсяцевъ. Затѣмъ, хотя срокъ истекъ и работы уставной комиссіи закончились, ограниченія остались дѣйствовать и остаются дѣйствовать до сихъ поръ, несмотря на все послѣдовавшія событія и несмотря на манифестъ 17 октября.

Въ этотъ печальный періодъ постепеннаго разрушенія Общества графъ оставался на своемъ президентскомъ посту, употребляя все усилія, чтобы прекратить или ослабить совершенный надъ Обществомъ произволъ и снять наложенныя на него ограниченія. Въ этихъ напрасныхъ хлопотахъ прошли 1901, 1902, 1903, 1904 и 1905 годы. „Ни во что доброе болѣе не вѣрю“, писалъ Петръ Александровичъ въ одномъ изъ своихъ частныхъ писемъ въ началѣ 1902 года...

Настали новыя времена. Народились новыя потребности. Русское общество и въ рядахъ его дѣятели Вольнаго Экономическаго Общества переживали чрезвычайныя событія. Во весь свой ростъ всталъ передъ страной политическій вопросъ. Разныя его рѣшенія расчленили общество. Графъ Гейденъ занялъ свою позицію въ общемъ движеніи. Въ 1906 году при новыхъ выборахъ онъ снялъ свою кандидатуру на постъ президента.

Несомнѣнно, что общественно-политическая позиція, занятая въ то время графомъ, не раздѣлялась большинствомъ принимавшихъ близкое участіе въ дѣлахъ Вольнаго Экономическаго Общества его членовъ. Но отношеніе лично къ графу не измѣнилось. И когда Совѣтъ Общества предложилъ графа къ избранію въ почетные члены, то не нашлось никого, кто бы положилъ графу черный шаръ, и онъ былъ избранъ въ первый, кажется, разъ за все существованіе Общества единогласно при закрытой подачѣ голосовъ.

Въ своемъ очеркѣ я ограничивался областью дѣятельности графа

Петра Александровича въ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ. Но графа, какъ извѣстно, захватывала вся большая, во всемъ ея разнообразіи, жизнь. Всегда чуткій и отзывчивый, онъ откликался на всякое общественное дѣло, даже если не принималъ въ немъ непосредственнаго участія. Въ Обществѣ сохранилась порядочная пачка его писемъ, въ которыхъ онъ во время пребыванія за границею и у себя въ деревнѣ, проявляя огромную заботливость по отношенію ко всемъ мельчайшимъ вопросамъ внутренней жизни Общества, обыкновенно затрагивалъ и общія темы; и въ этихъ отступленіяхъ виденъ тотъ человѣкъ и гражданинъ, котораго уважала Россія въ графѣ П. А. Гейденѣ.

Вотъ нѣсколько отрывковъ изъ этихъ писемъ.

31 марта 1901 г. графъ писалъ: „Читая газеты, думаю, что все отлично идетъ. Это безусловно хорошая сторона цензуры. Васъ помимо Вашей воли дѣлаютъ страусомъ, который, говорятъ, прячетъ голову, чтобы не видать опасности“.

Въ письмѣ 26 мая 1901 г., говоря о министрахъ, графъ коснулся сущности тогдашняго госуд. строя, какъ онъ выражался въ дѣйствительности: „Теперь существуетъ теорія, что основные законы сами по себѣ, а Высочайшее повелѣніе само по себѣ. Я думаю, что это мнѣніе анархическое. Строгое соблюденіе границъ и пространства правъ учреждений и лицъ правительственныхъ учреждений ограждаетъ верховную власть отъ чиновничьяго самовластія, которое теперь замѣнило самодержавіе и хочетъ всѣхъ увѣрить, что только ихъ самовластіе и есть правительство и что они одни охраняютъ и спасаютъ верховную власть“.

Въ письмѣ 24-го октября 1901 года графъ зло смѣется надъ бюрократами: „Читалъ, что Е. и В. ¹⁾ „прослѣдовали“ по восточному берегу Чернаго моря и „оживили“ край. Чтобы имъ прослѣдовать въ другихъ мѣстахъ? А то все процвѣтаютъ только Портъ-Артуры да дачныя мѣстности на Кавказѣ“.

Въ другомъ письмѣ 1902 г. онъ писалъ: „Читалъ Всеподдан. докладъ Витте. Судя по немъ Россія благоденствуетъ и богатѣетъ, уменьшаетъ свою задолженность и обывательскій карманъ чуть ли не рвется отъ избытка денегъ... Ростъ бюджета напоминаетъ мнѣ громы, вызвавшіе предѣльность земскаго обложенія. А въ концѣ концовъ только этотъ несчастный предѣльный бюджетъ даетъ что нибудь на насущныя мѣстныя потребности. Безпредѣльный же осыпаетъ своими дарами чиновниковъ и окраины“.

Въ письмѣ отъ 27 ноября 1902 г. читаемъ: „Вычиталъ въ Berliner Tageblatt, что Сергѣй I проѣхалъ Иркутскъ и ѣдетъ въ Манчурію, Корею и можетъ быть въ Пекинъ. Почему русскимъ газетамъ запрещено объ этомъ говорить? Развѣ онъ будетъ дѣлать тамъ что либо предосудительное? Или не хотятъ, чтобы русскіе города позавидовали тому, что Дальній востокъ болѣе близокъ къ сердцу, чѣмъ коренныя русскія области?“

„Теперь нѣтъ гражданскихъ убѣжденій, — съ горечью пишетъ графъ 2 ноября 1903 года, а вездѣ пошелъ хамъ. И хамы ведутъ, не вѣдая того, Россію къ гибели. Не можетъ человѣкъ зависимый имѣть чест-

¹⁾ Тогдашніе министры. Ред.

ныхъ и смѣлыхъ убѣжденій. Не можетъ кастрированное общество полезно работать. Но пока свободу смѣшиваютъ съ революціей, ничего путнаго не выйдетъ“...

Въ письмѣ 6-го февраля 1904 г. графъ писалъ: „Наше дворянское собраніе привело меня въ уныніе. Сословіе желаетъ быть первенствующимъ, а политическаго смысла и пониманія окружающихъ условий у него нѣтъ“...

Во время несчастій русско-японской войны, о которой онъ не разъ заговаривалъ въ своихъ письмахъ, Петръ Александровичъ писалъ: „Казалось бы, что при такомъ мрачномъ горизонтѣ и массѣ серьезныхъ вопросовъ нечего заниматься такимъ мелочнымъ вопросомъ, какъ уничтоженіе нашего устава. Но все возможно. Бывшій мой инспекторъ классовъ въ дни моей молодости говаривалъ, что бываетъ иногда то, чего никогда не бываетъ“...

Въ письмѣ отъ 7-го марта 1906 года, осуждая одного изъ общественныхъ дѣятелей, нетактично выступившаго съ своею рѣчью на одномъ изъ тогдашнихъ собраній, графъ сдѣлалъ замѣчаніе очень характерное для него, всегда противопоставлявшаго разумъ чувству: „Можетъ быть я и отсталый, но я думаю, что народъ идетъ впередъ не нутромъ, а зрѣлымъ разсудкомъ“.

Я не могу продолжать больше своихъ выписокъ. Но и приведеннаго довольно, чтобы обрисовалась фигура графа Петра Александровича какъ общественнаго дѣятеля, поскольку она выразилась въ нашемъ Обществѣ. Въ другихъ областяхъ жизни съ болѣе широкимъ поприщемъ и въ другое время, когда выступили на историческую сцену широкія общественныя задачи,—фигура его проявилась разностороннѣе и полнѣе.

Но всегда и во всемъ ярко проявлялась основная черта Петра Александровича—его глубокая проникнутость идеей права. Она опредѣляла его, какъ человѣка, какъ общественнаго и государственнаго дѣятеля. Вмѣстѣ съ удивительнымъ безпристрастіемъ, объективностью и уваженіемъ къ чужой личности и чужому мнѣнію и рѣдкой любовью къ правдѣ, эта черта создала тотъ свѣтлый образъ, который привлекалъ къ себѣ всеобщія симпатіи, примиряя собою различныя направленія политическихъ настроеній. Она же дала въ лицѣ графа Петра Александровича идеальнаго президента Вольному Экономическому Обществу, для котораго его смерть является утратою тяжкою и по истинѣ невознаградимою.

Покойный былъ несомнѣннымъ служителемъ свободы. „Я искренне желаю моей родинѣ, писалъ онъ мнѣ въ своемъ послѣднемъ письмѣ, движенія впередъ и проникновенія въ массы истиннаго понятія о свободѣ“. Мы, близко знавшіе графа, хорошо знаемъ, что эти слова были дѣйствительно искренними его словами и основой его дѣла. Онъ, для котораго правовое начало, враждебное произволу, и свободное развитие самодѣятельности народа были общественною платформою, стоялъ въ рядахъ непримиримыхъ противниковъ бюрократическаго произвола и самовластия. „Государство сильно духомъ своего народа, а не усердіемъ чиновниковъ“, говорилъ онъ. И несмотря на то, что въ политической дѣятельности Петру Александровичу приходилось рѣзко выступать противъ крайнихъ лагерей оппозиціи, имя его принадлежитъ оппозиціи,

и вся она въ почтеніи безъ различія отдѣльныхъ лагерей преклоняетъ голову передъ свѣтлою и чистою памятью покойнаго.

В. Хижняковъ.

Р. С. Графъ Петръ Александровичъ Гейденъ сталъ членомъ И. В. Э. Общества въ 1885 году. Президентомъ Общества онъ былъ избранъ 23 марта 1895 года въ Общемъ Собраніи, на которомъ присутствовало 75 членовъ Общества. Онъ получилъ 50 голосовъ записками; при баллотировкѣ шарами за него было подано 50 избирательныхъ и 19 неизбирательныхъ голосовъ. Первымъ словомъ новаго президента въ общемъ собраніи 4-го мая 1895 года было приглашеніе, обращенное къ членамъ Общества, которыхъ онъ благодарилъ за оказанное довѣріе — „приступить съ полнымъ безпристрастіемъ и полною взаимною свободою къ обсужденію стоящихъ на очереди вопросовъ“. То же характерное для П. А. Гейдена, какъ президента В. Э. Общества, руководящее начало прозвучало въ его рѣчи, сказанной имъ въ торжественномъ собраніи Общества, посвященномъ памяти Императрицы Екатерины II (6 ноября 1896 года): позвольте пожелать, чтобы вся дальнѣйшая дѣятельность наша была проникнута полнымъ единеніемъ и согласіемъ въ трудѣ; чтобы возникающіе у насъ вопросы были всесторонне обсуждены и каждое мнѣніе было заслушано съ полнымъ безпристрастіемъ; чтобы мы постоянно стремились къ истинѣ и правдѣ, намъ въсѣмъ одинаково дорогимъ. Да сохранится между нами тотъ духъ, который очерченъ словами одного изъ нашихъ основателей, что „Общество состоитъ изъ такихъ особъ, кои совсѣмъ не имѣютъ намѣренія ни къ полученію собственной корысти, ни къ тщеславному показанію своихъ способностей, но одною охотою и желаніемъ быть полезными отечеству къ принятію на себя сего труда побуждены“.

Слѣдующее избраніе гр. П. А. Гейдена президентомъ Общества состоялось 20 марта 1897 года. Изъ 85 поданныхъ записокъ онъ получилъ 68; при баллотировкѣ шарами за него было подано 68 избирательныхъ и 21 неизбирательныхъ голосовъ.

Черезъ 3 года, 23 марта 1900 года при избраніи президента Общества графъ П. А. Гейденъ получилъ 85 записокъ, баронъ П. Л. Корфъ 85 записокъ и И. А. Стебуть 3 записки. Результаты баллотировки шарами были таковы: гр. Гейденъ 115 избирательныхъ и 70 неизбирательныхъ, баронъ П. Л. Корфъ 85 изб. и 104 неизб., И. А. Стебуть 81 изб. и 90 неизб.

Въ избирательномъ собраніи 26 марта 1903 года присутствовало 82 члена Общества. За графа Гейдена было подано 67 записокъ. При баллотировкѣ шарами онъ получилъ 64 избирательныхъ и 14 неизбирательныхъ голосовъ.

Къ воспоминаніямъ о графѣ Петрѣ Александровичѣ Гейденѣ.

Покойнаго Петра Александровича Гейдена я впервые увидѣлъ весною 1895 года на одномъ изъ общихъ собраній Вольнаго Экономическаго Общества, президентомъ котораго онъ незадолго передъ тѣмъ былъ избранъ; тогда же съ нимъ и познакомился.

Кому пришла мысль избрать П. А. въ президенты В. Э. Общества, не помню; но до того онъ, хотя и состоялъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ членомъ Общества, рѣдко посѣщалъ собранія, такъ что многіе, въ томъ числѣ и я, лично его и не знали. А потому естественно, всѣ мы, незнакомые съ П. А., съ интересомъ присматривались къ нашему новому президенту, какъ только онъ сѣлъ на председательское кресло. Какъ-то сразу почувствовалось, что мы въ своемъ выборѣ не ошиблись; почувствовалось, что это именно то лицо, которое намъ нужно въ тревожное для Общества время; тогда вопросъ о закрытіи состоявшаго при Обществѣ Комитета грамотности въ „сферахъ“ (какъ нынѣ принято выражаться) былъ предрѣшенъ.

Меня лично покойный П. А. или „графъ“ (такъ обыкновенно за глаза и въ глаза называли его въ Обществѣ) какъ-то сразу поразилъ: я не ожидалъ встрѣтить его такимъ, каковымъ онъ оказался. Все въ немъ было необычно: совершенно не русская внѣшность П. А., болѣе напоминая американца-сектанта, чѣмъ русскаго аристократа, простая и, несмотря на прирожденный недостатокъ — легкое заиканіе, ясная рѣчь, невольно приковывали къ нему вниманіе; сразу какъ-то почувствовалось, что съ этимъ человѣкомъ можно вести дѣло и притомъ — прямо, открыто, безъ всякаго политиканства. Все мое дальнѣйшее знакомство съ П. А. оправдало первое впечатлѣніе, особенно же, когда мнѣ, одно время исполнявшему обязанности секретаря Общества, приходилось быть съ покойнымъ П. А. въ постоянныхъ сношеніяхъ.

Мое секретарство совпало съ началомъ глухого періода жизни Общества; дѣятельность его, ранѣе столь горячая, была какъ-бы обрублена. Была назначена такъ называемая Вешняковская ¹⁾ комиссія для пересмотра устава Общества, происходила сдача находившагося въ пользованіи бывшаго при Обществѣ Комитета грамотности имущества вновь учрежденному Обществу грамотности, наконецъ — длительныя хлопоты объ утвержденіи новаго или, вѣрнѣе, исправленнаго комиссіей устава и т. п., все тяжелыя и по существу крайне непріятныя дѣла. П. А. въ это время, хотя и имѣлъ въ Петербургѣ постоянную квартиру, большею частью жилъ въ своемъ псковскомъ имѣніи, часто бывалъ въ разѣздахъ по личнымъ и разнаго рода общественнымъ, преимущественно земскимъ дѣламъ, а тѣхъ и другихъ у него всегда было много. Приходилось вести съ нимъ постоянную переписку, а во время его пріѣздовъ въ Петербургъ бывать

¹⁾ Уставная комиссія такъ названа по имени нынѣ покойнаго почетнаго члена Общества В. И. Вешнякова, назначеннаго председателемъ ея.

у него. Какъ въ перепискѣ, такъ и при личныхъ свиданіяхъ, кромѣ общаго намъ дѣла по Обществу, невольно приходилось затрагивать вопросы, не имѣвшіе къ послѣднему непосредственнаго отношенія; приходилось касаться и политики и общественныхъ вопросовъ въ широкомъ смыслѣ словъ, не смотря на глухое тогда время, когда, какъ выразился однажды П. А., часто бывало „хорошо, что новаго ничего нѣтъ, такъ какъ новое все плохое“.

При дѣловыхъ сношеніяхъ съ П. А. и въ частныхъ бесѣдахъ съ нимъ мнѣ всегда особенно бросалось въ глаза присущее ему чувство законности. Онъ всегда согласовалъ свои дѣйствія съ существующими законами, требовалъ того-же и отъ другихъ. Всякое проявленіе неуваженія къ законамъ считалъ поступкомъ недостойнымъ культурныхъ людей. Это, конечно, не значило, чтобы П. А. считалъ всѣ существующіе законы хорошими и пригодными для современной жизни. Далеко нѣтъ, многіе изъ нихъ онъ подвергалъ жестокой критикѣ, находилъ, что они должны быть измѣнены и что необходимо всѣми законными средствами стремиться къ ихъ измѣненію, но пока этого не сдѣлано, нарушать ихъ не слѣдуетъ. Вотъ причина, почему покойный въ разговорѣ любилъ ссылаться на свою судебную практику, не могъ ужиться въ канцелярской средѣ, куда одно время онъ попалъ, почему, какъ самъ выразился въ своей автобіографіи, „пришелся не ко двору“ въ бюрократической средѣ съ ея часто „внѣзаконной практикой“, такъ что, послуживши недолго, навсегда оставилъ государственную (въ тѣсномъ смыслѣ слова) службу.

Помню одно совѣщаніе въ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ, на которомъ присутствовали съ одной стороны — покойный П. А., одинъ членъ Совѣта Общества и я, какъ представители Общества, а съ другой — „чиновники“. Какъ П. А. ни доказывалъ, что требованія „чиновниковъ“ противорѣчатъ уставу Общества, а слѣдовательно являются незаконными, наши собесѣдники оставались непреклонными, причемъ, не опровергая доводовъ П. А., ссылались на полученныя ими инструкціи отъ „начальства“. Какъ ни былъ П. А. въ подобныхъ случаяхъ спокоенъ, не утерпѣлъ и сказалъ приблизительно слѣдующее: „вотъ я долго служилъ по судебному вѣдомству и всегда съ удовольствіемъ вспоминаю это время, такъ какъ въ судѣ законы знаютъ и привыкли ихъ уважать; въ чиновничьей-же средѣ обыкновенно плохо или совсѣмъ не знаютъ законовъ, а потому ихъ не уважаютъ, знать не хотятъ и руководствуются единственно указаніями своего начальства, хотя-бы оно было даже безмысленно, такъ поступаете и вы въ настоящемъ случаѣ“... Я посмотрѣлъ на нашихъ собесѣдниковъ, среди которыхъ были и высокочиновные господа, и, къ немалому удивленію, ничего не увидѣлъ на ихъ какъ-бы застывшихъ лицахъ, точно они и не слышали словъ П. А. и попрежнему продолжали повторять своё, очевидно, будучи увѣренными, что власть имущее „начальство“ на ихъ сторонѣ...

На почвѣ строгой законности П. А. постоянно стоялъ какъ въ засѣданіяхъ вышеупомянутой Вешняковской уставной комиссіи, такъ и при всѣхъ дальнѣйшихъ переговорахъ и сношеніяхъ по дѣламъ Общества съ разнаго рода вѣдомствами и сановниками. При случаѣ и подчеркивалъ свою лояльность. На одномъ изъ засѣданій Вешня-

ковской комиссії, однимъ изъ членовъ ея по назначенію или, правильнѣе, по приглашенію министерства, думая, вѣроятно, осадить П. А., высказалъ удивленіе, что президентъ В. Э. Общества, въ своихъ разсужденіяхъ идетъ какъ-бы противъ Высочайшаго повелѣнія. Маневръ не удался, П. А., вмѣсто того, чтобы сконфузиться и притихнуть, прочелъ рѣшительную отвѣдь, въ которой выяснилъ, что въ его словахъ ничего идущаго въ разрѣзъ съ Высочайшимъ повелѣніемъ не было, если-же таковое будетъ доказано, онъ первый будетъ настаивать на отдачѣ его, Гейдена, подѣ судъ. Дѣло окончилось объясненіемъ сановника, что графъ неправильно его понялъ и извиненіемъ за невольную рѣзкость самаго выраженія.

Нарушеніе законныхъ правъ В. Э. Общества всегда рѣзко порицалось П. А.: „Петръ Великій, писалъ онъ въ одномъ письмѣ ко мнѣ, лучше ихъ (членовъ комитета министровъ, которые тогда разсматривали дѣло объ уставѣ Общества) понималъ дѣло и находилъ, что строгое соблюденіе законовъ — лучшая основа для верховной власти“... „Мы (Совѣтъ В. Э. Общества) просили копии постановленія комитета министровъ, чтобы воспользоваться правомъ нашимъ на обжалованіе его постановленія. Но этого законнаго права обжалованія насъ лишаютъ путемъ отказа въ выдачѣ копии. Интересный юридическій вопросъ (добродушно иронизируетъ П. А.): законъ говоритъ— можешь жаловаться, а затѣмъ объявляютъ, что не долженъ знать то, на что жалуешься“.

Всякое проявленіе административнаго произвола какъ-то болѣзненно отзывалось на законникѣ Гейденѣ. Такъ по поводу встрѣчи съ однимъ изъ высланныхъ административнымъ порядкомъ членомъ В. Э. Общества онъ писалъ мнѣ: „жестоко безъ суда такъ выбрасывать людей изъ колеи и разорять“. При особо рѣзкихъ проявленіяхъ произвола онъ не задумывался открыто протестовать; оставаться въ подобныхъ случаяхъ въ сторонѣ онъ не могъ, наоборотъ, возвысить свой голосъ—считалъ гражданскою обязанностью. Вотъ почему мы встречаемъ его подпись подѣ извѣстнымъ письмомъ представителей петербургской интеллигенціи къ всеильному въ то время министру внутреннихъ дѣлъ Плеве, въ которомъ требовалось преданіе суду виновниковъ избіенія молодежи на Казанской площади въ Петербургѣ 4 марта 1899 года. Это письмо сочтено было за выступленіе демонстративнаго характера, что совершенно не соответствуетъ дѣйствительности (между прочимъ, тому порукой можетъ служить самая подпись Гейдена— этого органическаго противника какихъ либо демонстративныхъ выступленій), а потому многіе изъ подписавшихъ его, особенно состоящіе на государственной службѣ, получили выговоръ. Если не ошибаюсь, выговоръ былъ объявленъ и П. А., какъ уѣздному предводителю дворянства (въ Опочечкомъ уѣздѣ).

Естественное чувство человѣка, проникнутаго уваженіемъ къ законности, заставило П. А. приѣхать и на засѣданіе III-го Отдѣленія В. Э. Общества 25 апрѣля 1906 г. Дѣло было передѣ открытіемъ Государственной Думы перваго созыва. Въ Обществѣ были назначены два засѣданія для заслушанія и обсужденія докладовъ по аграрному вопросу; на первое засѣданіе (24 апрѣля) явились многіе прибывшіе въ Петербургъ члены Государственной Думы и Государственнаго Совѣта.

Засѣданіе 24 апрѣля было пріостановлено вслѣдствіе появленія въ залѣ наряда вооруженныхъ полицейскихъ по распоряженію градоначальника. Распоряженіе это базировалось на неправильномъ пониманіи градоначальникомъ своихъ правъ. Казалось, что переговоры представителей В. Э. Общества съ градоначальникомъ выяснятъ недоразумѣніе и назначенное на слѣдующій день засѣданіе состоится безпрепятственно. Такъ ясно представлялось дѣло большинству членовъ Общества, въ томъ числѣ и мнѣ, въ то время болѣе не участвовавшему въ Совѣтѣ. Придя въ Общество 25 апрѣля, я узналъ, что и настоящее засѣданіе, какъ и вчерашнее, не состоится, вслѣдствіе вмѣшательства полиціи. Увидя въ залѣ П. А., который уже болѣе не былъ президентомъ Общества и котораго давно не видѣлъ, я подѣлъ къ нему. „Занять я очень, сказалъ мнѣ П. А., на дняхъ открытіе Думы, вотъ и сегодня у меня засѣданіе, но не могъ не пріѣхать и сюда—нельзя уклониться отъ роли свидѣтеля явнаго нарушенія законныхъ правъ нашего Общества“. Дѣйствительно, какъ и наканунѣ, въ собраніе явился взводъ вооруженныхъ полицейскихъ, засѣданіе пришлось прервать и П. А., вмѣстѣ съ другими, громко заявилъ свой протестъ противъ распоряженій градоначальника, „нарушающихъ закон“, заявилъ, что „собраніе разойдется, уступая насилію“ и, подписавши составленный въ этомъ смыслѣ протоколъ, уѣхалъ на другое неотложное и, по существу, вѣроятно, въ то время болѣе интересное для него засѣданіе.

Другая въ высшей степени симпатичная особенность характера покойнаго П. А., рѣзко бросающаяся въ глаза всякому, имѣвшему съ нимъ какое-либо дѣло, было то уваженіе, съ какимъ онъ обыкновенно относился къ мнѣніямъ другихъ. Это уваженіе, какъ мнѣ кажется, было результатомъ присущей ему скромности и въ то-же время инстинктивнаго сознанія собственныхъ духовныхъ силъ. Къ самому себѣ П. А. былъ очень строгъ, никогда ни передъ кѣмъ не скрывалъ, что то или другое ему мало или совершенно неизвѣстно и всегда просто и откровенно высказывалъ это. Если приходилось ему заняться чѣмъ-либо, мало знакомымъ, онъ, не стѣсняясь, обращался съ просьбой разъяснить ему, снабдить его необходимыми книгами и т. п. Будучи строгимъ къ самому себѣ, онъ всегда стоялъ за полную независимость сужденій, считалъ насильственную борьбу съ мыслью несомнѣстимымъ съ человѣческимъ достоинствомъ. Говоря какъ-то о такъ называемыхъ „марксистахъ“ идей которыхъ П. А. далеко не раздѣлялъ, онъ рѣзко порицалъ всякія гоненія противъ нихъ: „ихъ надо разубѣдить, а не насильственно затыкать имъ ротъ“. Упомянувъ въ одномъ изъ писемъ ко мнѣ о репрессіяхъ, предпринятыхъ въ то время министерствомъ вн. дѣлъ противъ земскихъ статистиковъ, П. А. пишетъ: „...хотятъ разеѣять центры, чтобы не зараждались мысли: но увы, эта работа непосильна не только для русскихъ администраторовъ, но и ни для кого“...

Широкая терпимость къ чужимъ, часто чуждымъ для П. А. мнѣніямъ не мѣшала ему по временамъ добродушно посмѣяться надъ противникомъ, чему немало способствовалъ прирожденный тонкій юморъ. Подсмѣивался П. А. болѣе въ частной бесѣдѣ, но иногда не удерживался и на собраніяхъ, въ послѣднемъ случаѣ дѣлалъ это такъ мягко, что никто на него не обижался; наоборотъ, остроты Гейдена всегда вызывали веселый смѣхъ присутствовавшихъ, въ томъ числѣ и тѣхъ,

противъ кого онѣ были направлены. Трудно было найти противника болѣе правдиваго и добродушнаго, чѣмъ былъ Гейденъ... Вообще природная доброта и правдивость были тоже однимъ изъ отличительныхъ качествъ покойнаго. Разъ человекъ попалъ въ бѣду, онъ не разбирался въ своихъ къ нему отношеніяхъ и, если могъ, помогалъ, хотябы то стоило ему хлопотъ и требовало сношеній съ неприятными людьми, если вообще таковые существовали для покойнаго.

При живости своего характера, вдумчивый П. А. не могъ оставаться въ сторонѣ отъ общественной дѣятельности, не могъ не принимать въ ней активнаго участія. Онъ былъ много лѣтъ дѣятельнымъ земцемъ въ своей Псковской губерніи. Какъ только пробудилась въ Россіи общественная жизнь, П. А., несмотря на свои немолодые годы, совершенно ушелъ въ политику.

Начиная съ кустарнаго съѣзда въ Петербургѣ въ 1902 г., онъ игралъ видную роль во всевозможныхъ совѣщаніяхъ общественно-политическаго характера; всюду цѣнными были его умъ, прямота характера и тактъ, его почти постоянно выбирали въ председатели засѣданій; такъ было и на извѣстныхъ съѣздахъ земскихъ дѣятелей — этомъ провозвѣстникѣ русскаго парламента.

Кипучая политическая дѣятельность Гейдена совпала со временемъ, когда я болѣе не былъ секретаремъ В. Э. Общества, когда наши дѣловыя отношенія прекратились и мнѣ рѣдко приходилось видѣть его, тѣмъ болѣе, что онъ совсѣмъ переселился въ деревню, являясь-же въ Петербургѣ по дѣламъ, былъ очень занятъ. Не будучи непосредственнымъ свидѣтелемъ дѣятельности графа за эти послѣдніе въ его жизни годы, я могу судить о ней только со словъ другихъ лицъ или по газетамъ, а потому, не останавливаясь на подробностяхъ, скажу только нѣсколько словъ.

Не подвергая критикѣ политическаго credo покойнаго, скажу одно — и въ этотъ, быть можетъ, самый кипучій періодъ жизни П. А., онъ остался прежнимъ правдивымъ Г., всегда и всюду прямо высказывающимъ свои мнѣнія, способнымъ откровенно сознаться въ тѣхъ перемѣнахъ взглядовъ, которыя ему приходилось переживать подъ влияніемъ требованій времени.

Пересматривая стенографическіе отчеты о засѣданіяхъ Государственной Думы перваго призыва, я невольно остановился на отрывкахъ нѣкоторыхъ рѣчей покойнаго.

Въ одномъ изъ засѣданій, посвященномъ аграрному вопросу, П. А., самъ крупный землевладѣлецъ и ранѣе далеко нераздѣлявшій господствовавшего въ Думѣ взгляда на рѣшеніе вопроса, подъ влияніемъ доводовъ своихъ „противниковъ“, откровенно сказалъ: „...вопросъ о принудительномъ отчужденіи есть крайняя мѣра, къ которой слѣдуетъ приступить, когда другого исхода не будетъ. Я думаю, что частная собственность священна и неприкосновенна, но она должна уступить государственной потребности“.

Въ другомъ засѣданіи, когда члены Думы требовали отставки министерства, Гейденъ еще опредѣленнѣе высказалъ вышеприведенную мысль о неприкосновенности права собственности, этомъ „созданіи человѣческомъ“, которое какъ таковое „можетъ быть видоизмѣнено тѣми-же человѣческими руками“. Обращаясь затѣмъ къ требованію выхода въ

отставку министерства, П. А., какъ законникъ и какъ политикъ, считаетъ подобное заявленіе неправильнымъ, но въ то-же время не считаетъ себя вправѣ и скрывать, что нѣтъ надежды на возможность совмѣстной работы Думы съ даннымъ составомъ министерства, такъ какъ, по его Гейдена мнѣнію, „представителями власти должны быть представители современныхъ идей, а не носители тѣхъ ветхозавѣтныхъ мыслей, того ветхозавѣтнаго строя, какимъ является большинство теперешняго министерства, и мое глубокое убѣжденіе (оканчиваетъ свою рѣчь П. А.), что это министерство должно уступить мѣсто другому, пользующемуся довѣріемъ Думы“.

Дума была распущена, въ „сферахъ“ зашла рѣчь о привлеченіи въ ряды правительства представителей общества. Среди кандидатовъ на министерскій постъ былъ и П. А. Начались переговоры. Вѣроятно, не отчаяваясь быть полезнымъ и здѣсь, Гейденъ принялъ участіе въ переговорахъ. Но, очевидно, въ „сферахъ“ мало понимали П. А. и его оптимизму было нанесено злое разочарованіе, о чемъ, со свойственной ему откровенностью, покойный и высказалъ въ письмѣ, напечатанномъ имъ въ „Новомъ Времени“ съ цѣлью исправить попавшія въ эту газету неточности о фактѣ приглашенія общественныхъ дѣятелей въ составъ „кабинета“. „Если намъ, пишетъ Гейденъ, что либо не удалось, то это умѣнье убѣдить правительство въ томъ, что не было смысла дѣлать изъ насъ министровъ-чиновниковъ, а вся суть нашего приглашенія была въ томъ, что мы шли не какъ чиновники, а какъ общественные дѣятели, и съ своей программой...“

Въ Государственную Думу второго призыва Гейденъ избранъ не былъ. Дѣла въ организованной имъ партіи „мирнаго обновленія“, очевидно, было немного, и П. А. снова занялся своими личными дѣлами, сталъ бывать и въ В. Э. Обществѣ, къ которому сохранилъ трогательную любовь. Помню — весною 1907 года, незадолго до смерти П. А., въ общемъ собраніи Общества почти единогласно избрали его въ члены Совѣта. Когда результатъ баллотировки былъ оглашенъ и раздались рукоплесканія, я взглянулъ на присутствовавшего въ собраніи Гейдена; хорошо знакомое лицо П. А. было необыкновенно радостно; очевидно, ему было пріятно, онъ былъ какъ-бы польщенъ тѣмъ, что его продолжаютъ цѣнить въ Обществѣ, на борьбу за права котораго онъ нѣкогда вложилъ столько энергіи.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ П. А. въ концѣ мая 1907 года, незадолго до роспуска Государственной Думы второго призыва и недѣли за двѣ, за три до его внезапной смерти. Разговоръ зашелъ о Думѣ. П. А. съ восторгомъ отзывался о первой Думѣ, о массѣ произведенной ею работы, о „великолѣпномъ“ ея предсѣдателѣ; говорилъ, что первая Дума состояла изъ цвѣта русской интеллигенціи. Вторая Дума, по мнѣнію его, далеко уступаетъ первой. Когда, при прощаніи, я спросилъ, какъ онъ думаетъ о правомъ составѣ второй Думы, П. А. съ необычной для него рѣзкостью замѣтилъ: „эти правые — это нѣчто невозможное...“ Это были послѣднія слова, слышанныя мною отъ покойнаго Гейдена...

Д. Рихтеръ.

О гр. П. А. Гейденѣ.

(Воспоминанія).

Встрѣчи мои съ гр. Гейденомъ, кромѣ засѣданій Вольнаго Экономическаго Общества были крайне малочисленны, поэтому могу прибавить къ характеристикѣ его очень немного чертъ.

Въ первый разъ я встрѣтилъ графа Гейдена въ началѣ 70-ыхъ годовъ въ Спб. окружномъ судѣ, когда онъ былъ назначенъ товарищемъ предсѣдателя по 7-му охранительному отдѣленію. Это былъ высокій, тонкій, стройный молодой человѣкъ съ аристократическою внѣшностью и красивымъ шотландскимъ типомъ лица. На приѣмахъ „просителей“ онъ обращалъ на себя вниманіе тѣмъ, что глядывался пристально и доброжелательно въ глаза просителя, очевидно интересуясь не только содержаніемъ бумагъ, которымъ ограничиваются заматорьные судьи, но пожалуй даже больше душевною фізіономіею и индивидуальностью каждаго просителя.

Помню позднѣйшій случай съ графомъ Гейденомъ, о которомъ рассказывали въ Петербургѣ, когда П. А. былъ членомъ Спб. судебной палаты. Ъхалъ онъ по Невскому по конкѣ и, захотѣлось-ли ему покурить или по чему другому, — но онъ сѣлъ на имперіаль конки. Многія лица, проходившія по Невскому, узнали его и стѣснялись здороваться съ нимъ, чтобы не сконфузить графа или себя: графъ съ великосвѣтскими связями, и вдругъ ѣдетъ по Невскому на верхотуркѣ! Но графъ Гейденъ со всѣми ими усердно здоровался съ верха вагона, снимая шляпу и приводя ихъ въ конфузъ за себя и за нихъ.

О томъ, какъ графъ Гейденъ послѣ своей судебной службы занималъ должность помощника начальника Канцеляріи прошеній на Высочайшее имя, говорили, что служба его въ этой Канцеляріи вышла очень непродолжительною, потому что этою Канцеляріею пользовались не столько „труждающіеся и обремененные“, сколько лица съ хорошимъ обеспеченнымъ положеніемъ, которыя, пользуясь протекціями и знакомствами, выхлопывали себѣ всякія пособія, пенсіи и иныя льготы. Графъ Гейденъ хотѣлъ ввести въ эту Канцелярію „правовой порядокъ“ и направлялъ просьбы подобныхъ лицъ къ отказу въ ихъ домогательствахъ. Но тогда эти просители обращались къ начальнику Канцеляріи прошеній ген.-адъют. Рихтеру, который отмѣнялъ распоряженія гр. Гейдена и удовлетворялъ ходатайства такихъ просителей. Послѣ нѣсколькихъ подобныхъ случаевъ, одна новая просительница обратилась въ Канцелярію прошеній съ просьбой о назначеніи ей пенсіи. Такъ какъ дама не скрывала, что она не бѣдная и хорошо обеспечена, то графъ Гейденъ отказалъ въ ея просьбѣ. Дама, обладавшая большою протекціею, обратилась къ ген.-адъют. Рихтеру и тотъ сейчасъ же устроилъ ей пенсію и немаленькую. Дама на радостяхъ устроила блистательный обѣдъ, обошедшійся ей, говорятъ, около тысячи руб., и на этотъ обѣдъ разослала приглашенія всѣмъ помогавшимъ ей особамъ, и кстаи послала приглашеніе и гр. Гейдену, — по наивности или чтобы дать ему почувствовать ея побѣду. Этотъ случай окончательно взорвалъ графа Гейдена, онъ подалъ прошеніе

объ отставкѣ и на много лѣтъ удалился въ свое псковское имѣніе въ Опочецкомъ уѣздѣ, въ которомъ занялъ на много лѣтъ должность предводителя дворянства. Въ 1887 году, во время чествованія пятидесятилѣтія со дня смерти А. С. Пушкина гр. П. А. Гейдену, въ качествѣ Опочецкаго предводителя дворянства пришлось участвовать въ чествованіи А. С. Пушкина на его родинѣ и принимать депутаціи и гостей, пріѣзжавшихъ въ с. Михайловское и въ Святые Горы.

Послѣ того, я встрѣтилъ графа Гейдена въ эпоху закрытія Комитета Грамотности, когда онъ послѣ оказавшейся невозможности спасти существованіе Комитета Грам., потратилъ огромныя горячія усилія на оставленіе за Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ капиталовъ Комитета, но всетаки безуспѣшно.

Продолжались одинъ за другимъ голодные годы, и В. Эк. О-во продолжало въ своихъ общихъ собраніяхъ и въ специально избранномъ имъ „Голодномъ Комитетѣ“ свое дѣло помощи голодающимъ, начатое еще въ голодовки 1891—92 и 1892—93 годовъ.

Около 1899 или 1900 года сильный неурожай и нужда постигли въ числѣ прочихъ Елисаветградскій уѣздъ Херсонской губ., въ которой губернаторомъ въ то время былъ извѣстный кн. Ив. Мих. Оболенскій, переведенный затѣмъ вскорѣ Харьковскимъ губернаторомъ и въ Финляндію помощникомъ ген. Бобрикова. Въ Елисаветградскій уѣздъ поѣхали изъ Екатеринослава г-жа Журавская съ рекомендательнымъ письмомъ отъ тогдашняго Екатеринославскаго губернатора кн. П. Д. Святополкъ-Мирскаго (впослѣдствіи министра внутр. дѣлъ) и изъ Петербурга А. М. Померанцева съ рекомендаціею, подписанною принцемъ А. П. Ольденбургскимъ по О-ву борьбы съ заразными болѣзнями. Обѣ онѣ занялись своимъ дѣломъ на мѣстѣ съ крайнею энергіею и любовью и основали въ Елисаветградскомъ уѣздѣ въ короткое время нѣсколько десятковъ питательныхъ пунктовъ и дѣтскихъ яслей. Но губернаторъ кн. Оболенскій немедленно самымъ рѣшительнымъ образомъ преемъкъ помощь голодающимъ, собралъ въ Елисаветградѣ подъ своимъ предсѣдательствомъ комиссію изъ земскихъ начальниковъ и другихъ администраторовъ, которые признали, что голода нѣтъ и кн. Оболенскій предписалъ обѣимъ г-жамъ Журавской и Померанцевой немедленно выѣхать изъ Херсонской губерніи.

Я попытался хлопотать объ отмініи этой высылки и обратился за помощью къ гр. П. А. Гейдену. Когда я назвалъ ему кн. И. М. Оболенскаго, гр. Гейденъ отвѣтилъ мнѣ приблизительно слѣдующее:

„Какъ-же, кн. И. М. Оболенскаго я знаю и могу вамъ помочь. Въ голодъ 1891—1892 года когда, власти тоже увѣряли, что голодъ увеличивается, и стѣсняли помощь голодающимъ, изъ Англии пріѣхали два квакера Джонсъ и Бруксъ съ суммою около 50.000 руб., собранныхъ ими между англійскими квакерами въ пользу русскихъ голодающихъ. Джонсъ и Бруксъ обратились въ Петербургъ ко мнѣ, просили меня объѣхать съ ними голодающія губерніи Симбирскую и сосѣднія для распредѣленія привезенныхъ ими денегъ, но предупредили меня, что непремѣнное условіе жертвователей такое, что помощь должна оказываться совершенно помимо русскихъ официальныхъ властей, въ руки властей не можетъ быть дано ни одной копѣйки привезенныхъ денегъ. Я согласился на ихъ просьбу и мы

втроемъ поѣхали на голодъ. Въ Симбирскѣ я обратился первымъ дѣломъ къ тогдашнему Симбирскому губ. предводителю дворянства кн. Ив. Мих. Оболенскому. Онъ съ полною готовностью согласился на наше предложеніе,—въ то время кн. Оболенскій еще не вступилъ въ ряды бюрократіи и, видно, еще не усвоилъ ея принциповъ,—и мы съ квакерами вчетверомъ объѣхали Симбирскую губернію, собирали въ деревняхъ деревенскіе сходы и распредѣлили англійскія деньги при участіи самихъ крестьянъ, земскихъ врачей, сельскихъ учителей, учительницъ и т. п., безъ всякаго участія властей. Я сейчасъ же напишу кн. И. М. Оболенскому въ Херсонъ“.

Графъ Гейденъ написалъ кн. И. М. Оболенскому, но письмо его уже не оказало никакого дѣйствія, высылка госпожѣ Журавской и Померанцевой не была отмѣнена и дѣятельность ихъ была немедленно прекращена.

Въ одинъ изъ слѣдующихъ голодныхъ годовъ, въ концѣ 1905 года я принималъ участіе въ организаціи помощи голодающимъ, устроенной С.-Петербургскимъ Обществомъ охраненія народн. здравія вмѣстѣ съ 20-ю другими Спб. Обществами. Въ тотъ годъ неурожаемъ распространился и на Псковскую губернію, въ которой раньше не бывало признанныхъ неурожаевъ и съ которою поэтому у петербуржцевъ не было связей этого рода. Я засталъ графа Гейдена въ Европейской гостинницѣ въ крошечномъ номерѣ чуть-ли не въ 6-омъ этажѣ, въ которомъ онъ остановился на нѣсколько дней, пріѣхавъ со своей родины, изъ Опочецкаго уѣзда. Графъ Гейденъ отвѣтилъ мнѣ, что нужда происходитъ въ Опочецкомъ уѣздѣ на половину отъ неурожая льна и хлѣбовъ и на половину отъ петербургскихъ забастовокъ, вслѣдствіе которыхъ множество псковскихъ крестьянъ, обыкновенно работающих въ Петербургѣ на фабрикахъ и содержащихъ этою работою себя и свои деревенскія хозяйства, вернулись на зиму въ деревню, гдѣ никакихъ заработковъ нѣтъ и гдѣ имъ вѣтъ нечего. Онъ обѣщалъ прислать мнѣ изъ деревни адреса нѣкоторыхъ жителей Опочецкаго уѣзда, которые могутъ быть полезными посредниками между Петербургскими обществами и опочецкими голодающими.

Вскорѣ я получилъ отъ гр. Гейдена изъ Опочецкаго уѣзда письмо, въ которомъ онъ рекомендовалъ мнѣ нѣсколькихъ мѣстныхъ жителей.

Б. Кетрицъ.

О гр. П. А. Гейденѣ.

(Воспоминанія).

Наравнѣ со всѣми знавшими графа Петра Александровича Гейдена я всегда питалъ чувство глубокаго уваженія и симпатіи къ обаятельной личности этого истиннаго гражданина и убѣжденнаго общественнаго дѣятеля.

Мнѣ не довелось, къ сожалѣнію, завязать узы не только дружбы, но и интимнаго съ нимъ знакомства; во всю нашу жизнь насъ раздѣляло пространство: онъ былъ, по преимуществу, Петербургскимъ жителемъ, я же, вслѣдствіе своей службы въ провинціи, посѣщалъ Пе-

тербургъ, хотя и ежегодно, но не на долго и наши встрѣчи были мимолетныя.

Познакомился я съ Петромъ Александровичемъ въ Орлѣ осенью 1863 года. Оба мы были очень молоды и только что вступали на жизненное поприще. Въ Орлѣ собрался въ то время кружокъ людей проникнутыхъ чувствомъ радости подъ впечатлѣніемъ совершившейся реформы и преисполненныхъ стремленія къ труду въ атмосферѣ, созданной проводившимся въ жизнь освобожденіемъ крестьянъ. Тамъ работали въ то время въ качествѣ Мирowychъ Посредниковъ Александръ Карловичъ ф. Рутцень, графъ Евграфъ Егоровичъ Комаровскій, членами Губернскаго Крестьянскаго Присутствія были Аркадій Дмитріевичъ Карповъ и Алексѣй Ивановичъ Нарышкинъ, а секретаремъ мой товарищъ по университету Иванъ Матвѣевичъ Лазаревскій; къ людямъ 40-хъ годовъ, какъ Карповъ и Рутцень, примкнула молодежь: графъ Комаровскій, Лазаревскій и другіе. Къ этому кружку мѣстныхъ дѣятелей крестьянскаго дѣла въ духѣ реформы, неискаженной послѣдующими разъясненіями и ограниченіями, присоединился и Петръ Александровичъ, чиновникъ особыхъ порученій при Губернаторѣ графѣ Ник. Вас. Левашовѣ.

Не знаю, сколько времени прослужилъ графъ Гейденъ въ Орлѣ. Послѣ 1863 года я долго съ нимъ не встрѣчался. Лишь осенью 1871 года мнѣ удалось свидѣться съ нимъ у нашего общаго пріятели, нынѣ также умершаго, Н. В. Корсакова, временно жившаго въ Орлѣ, Н. В. Корсаковъ, по своей дѣятельности, принадлежалъ также къ Мировымъ Посредникамъ „перваго призыва“ и также былъ восторженнымъ поклонникомъ Манифеста 19 Февраля. Графъ Гейденъ, въ то время, сколько помнится, состоялъ членомъ Воронежскаго Окружнаго Суда, пріобщившись къ работѣ, направленной реформами Александра II къ обновленію русской жизни.

Во все время послѣдовавшее за реакціоннымъ движеніемъ, начало котораго нужно считать съ конца шестидесятыхъ годовъ вплоть до настоящаго столѣтія, какъ только сходились шестидесятники, пережившіе реформы и проникнутые ихъ духомъ, разговоръ между единомышленниками сводился къ изліянію „гражданской скорби“: устанавливая грустную дѣйствительность, друзья сокрушались о невозможности противостоять реакціи. Увлеченные мыслию объ октроированныхъ преобразованияхъ по слову Государя, что реформы слѣдуетъ проводить сверху, тому кругу людей, къ которому принадлежалъ графъ Гейденъ, не приходило въ мысль, чтобы могло произойти обратное. Лишь позднѣе къ срединѣ и концу семидесятыхъ годовъ начали появляться признаки насильственныхъ дѣйствій, вызывавшихъ у большинства не сочувствіе, а сожалѣніе о заблужденіяхъ.

И во время этого свиданія у Корсакова происходилъ такой же разговоръ о родинѣ и о судьбахъ ея.

Уже въ концѣ 80-хъ годовъ пришлось мнѣ снова встрѣтиться съ Петромъ Александровичемъ, когда онъ управлялъ дѣлами Канцеляріи Его Величества по принятію прошеній.

Эта встрѣча съ Петромъ Александровичемъ на дѣловомъ поприщѣ, вполне утвердила во мнѣ то чувство расположенія къ нему, которымъ я былъ уже до сего одушевленъ.

Безполезно упоминать о другихъ столь же кратковременныхъ свиданіяхъ, всегда радостныхъ, такъ какъ оба мы чувствовали общность убѣжденій и жизненныхъ интересовъ.

Помимо Петербурга и немногихъ повидимому знакомыхъ, въ провинціи о графѣ Гейденѣ мало знали. Его личность освѣтилась въ широкихъ кругахъ лишь со времени его дѣятельности въ Государственной Думѣ. Тамъ наиболѣе цѣннымъ явилась его независимость и гражданское мужество, воодушевлявшее его, часто въ одиночку, возражать противъ господствовавшихъ мнѣній. Онъ былъ, по его собственнымъ словамъ въ одной изъ думскихъ рѣчей, порицателемъ триумфатора и при томъ правдивымъ настолько, что напрасно триумфаторъ не отмѣнилъ, своевременно, своего триумфальнаго шествія.

Такимъ же оппонентомъ противъ господствовашаго настроенія онъ явился, какъ мнѣ извѣстно, еще однажды въ одномъ крупномъ общественномъ дѣлѣ. Въ 1887 году (кажется, не ошибаюсь годомъ) подъ вліяніемъ произведенной растраты Юханцова и низкаго курса кредитнаго рубля, заемщиками Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита (Золотого Банка), вслѣдствіе ставшихъ непосильными платежей по залогамъ, было возбуждено дѣло о ликвидаціи Общества; оно завершилось преобразованіемъ Взаимнаго Кредита изъ Общества въ Государственное Кредитное учрежденіе въ видѣ Особаго Отдѣла Дворянскаго Поземельнаго Банка. Во время дебатовъ въ общемъ собраніи въ Петербургѣ, графъ Гейденъ возсталъ противъ господствовашаго теченія отдаться во власть и милость министра финансовъ: онъ сильно возражалъ поборникамъ этого мнѣнія и главнымъ образомъ предсѣдательствовавшему въ Общемъ Собраніи общественному дѣятелю Орловскаго Губернскаго Земства Ш., вскорѣ перемѣнившему общественную дѣятельность на должность члена Совѣта Дворянскаго Поземельнаго Банка. Графъ Гейденъ, убѣжденный сторонникъ общественной самодѣятельности, тогда, какъ и впослѣдствіи, проводилъ мысль, что не слѣдуетъ отказываться отъ самостоятельности и жертвуя ею ради временныхъ выгодъ, отдаваться во власть бюрократическаго начала.

Также какъ и въ Госуд. Думѣ въ засѣданіяхъ общаго собранія Общества Поземельн. Кредита графъ Гейденъ оставался въ меньшинствѣ, но съ твердымъ сознаніемъ своей правоты и съ убѣжденіемъ, что время докажетъ правильность его мнѣній. Я знаю, что это и послѣдовало. Многіе заемщики, позднѣе, вспоминали графа Гейдена и все имъ высказанное.

Будучи убѣжденнымъ конституціоналистомъ и сознавая, что именно при парламентской дѣятельности онъ можетъ быть полезенъ отечеству, графъ Гейденъ былъ искренно огорченъ своимъ неизбраніемъ во 2-ую Думу. Это огорченіе, чуждое мотивовъ личныхъ интересовъ и выгодъ, нельзя не признать законнымъ. Но своею хотя и кратковременною дѣятельностью въ первой Государственной Думѣ Петръ Александровичъ стяжалъ себѣ неизгладимую временемъ честь и память талантливаго, мужественнаго и прямудушнаго дѣятеля, заслуживающаго уваженія не однихъ единомышленниковъ, но и разнo съ нимъ мыслящихъ.

В. Козловъ.

Матеріалы для біографіи графа П. А. Гейдена.

I.

Аттестатъ графа П. А. Гейдена.

Предъявитель сего Тайный Совѣтникъ графъ Петръ Александровичъ Гейденъ 50 лѣтъ отъ роду. Вѣроисповѣданія православнаго. Кавалеръ орденовъ св. Владимира 3-й ст., св. Анны 2-й ст. и св. Станислава 2-й ст. Изъ дворянъ Орловской губерніи. По окончаніи полнаго курса наукъ въ Пажескомъ Его Императорскаго Величества Корпусѣ Камеръ-Пажемъ, съ помѣщеніемъ имени его на мраморную доску и внесеніемъ въ особую книгу Корпуса, въ службу вступилъ Корнетомъ Лейбъ-Гвардіи въ Уланскій полкъ, съ прикомандированіемъ къ Михайловской Артиллерійской Академіи, тысяча восемьсотъ пятьдесятъ восьмаго года іюня тридцатаго. По окончаніи полнаго курса наукъ въ Артиллерійской Академіи по первому разряду, съ правомъ ношенія эксельбанта, отчисленъ къ поименованному полку 1860 года, августа 6-го. Переведенъ въ конно-артиллерійскую батарею № 11 Поручикомъ 1860 года ноября 18-го. По Высочайшему Его Императорскаго Величества приказу, по домашнимъ обстоятельствамъ, уволенъ отъ службы 1860 года декабря 25-го. По резолюціи Орловскаго губернатора опредѣленъ чиновникомъ особыхъ при немъ порученій 1863 года октября 16-го. Согласно прошенію, по домашнимъ обстоятельствамъ, уволенъ отъ службы 1865 года іюня 18-го. По резолюціи Воронежскаго губернатора опредѣленъ старшимъ чиновникомъ особыхъ при немъ порученій 1866 года, января 19-го. По всеподданнѣйшему докладу г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Высочайше утверженъ въ 29-й день іюля 1866 года въ званіи Директора Воронежскаго Тюремнаго Комитета. Указомъ Правительствующаго Сената, по Департаменту Герольдіи, отъ 30-го сентября 1866 года за № 237-мъ переименованъ въ Коллежскіе Секретари, по праву воспитанія, полученнаго имъ въ Пажескомъ Его Императорскаго Величества Корпусѣ. По распоряженію г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ назначенъ и. д. Совѣтника Воронежскаго Губернскаго Правленія 1866 года ноября 10-го. Указомъ Правительствующаго Сената отъ 3-го мая 1868 года за № 197-мъ произведенъ за выслугу лѣтъ въ Титулярные Совѣтники со старшинствомъ съ 1867 года апрѣля 10-го. Высочайшимъ приказомъ по вѣдомству Министерства Юстиціи отъ 31-го октября 1868 года за № 46-мъ назначенъ членомъ Воронежскаго Окружнаго Суда. Высочайшимъ при-

казомъ по вѣдомству Министерства Юстиціи отъ 16-го іюля 1870 года за № 24 переименъ членомъ С.-Петербургскаго Окружнаго Суда. Въ награду отличнаго усерднаго и ревностнаго службѣ Всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена св. Станислава 2-й ст. 1877 года января 1-го. Высочайшимъ приказомъ по Министерству Юстиціи отъ 27-го декабря 1877 года за № 26-мъ назначенъ Товарищемъ Предсѣдателя С.-Петербургскаго Окружнаго Суда съ 22-го декабря 1877 года. Въ награду отличнаго усерднаго и ревностнаго службѣ Всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ св. Анны 2-й ст. 1880 года января 1-го. Высочайшимъ приказомъ по Министерству Юстиціи отъ 12-го января 1883 года за № 5-мъ назначенъ членомъ С.-Петербургской Судебной Палаты 1883 года января 5-го. Всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ св. Владимира 3-й ст. 1883 года мая 15-го. Высочайшимъ приказомъ по Министерству Юстиціи отъ 24-го декабря 1886 года за № 77-мъ уволенъ отъ должности по случаю переименія на службу въ Канцелярію прошеній, на Высочайшее Имя приносимыхъ, съ производствомъ за выслугу лѣтъ и отличіе по службѣ въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники. Именнымъ Высочайшимъ указомъ, въ 24-й день декабря 1886 года Правительствующему Сенату даннымъ, Всемилостивѣйше повелѣно быть Начальникомъ Канцеляріи прошеній, на Высочайшее Имя приносимыхъ. Высочайшимъ приказомъ по Управленію Императорской Главной Квартиры за № 12-мъ произведенъ за отличіе по службѣ въ Тайные Совѣтники 1890 года апрѣля 1-го. Въ походахъ противъ непріятеля, въ штрафахъ, подъ слѣдствіемъ и судомъ не былъ. Въ отпускахъ былъ: 1860 году съ 14-го іюня на 4 мѣсяца, съ отеркою еще на 1½ мѣсяца, въ коемъ находился по день увольненія отъ службѣ, а именно по 25-е декабря 1860 года, въ 1871 году съ 5-го декабря на 7-мъ дней, въ 1872 году съ 1-го сентября на 15-ть дней, въ 1874 году съ 15 го мая по 1-го іюня, въ 1879 году съ 15-го сентября по 1-е октября, въ 1881 году съ 16-го декабря на двѣ недѣли, въ 1882 году съ 1-го по 15 сентября, въ 1887 году съ 28-го іюля на два мѣсяца, въ 1888 году съ 4-го іюня на 28 дней и въ 1890 году со 2-го по 26-е іюля; изъ сихъ отпусковъ явился въ срокъ. Въ отставкѣ находился съ 25-го декабря 1860 года по 16-е октября 1863 года и съ 18-го іюня 1865 года по 19-е января 1866 года. Жена въ княжнѣ Софіи Михайловнѣ Дондуковой-Корсаковой, имѣетъ дочь Варвару, родившуюся 23-го сентября 1870 года. Жена и дочь вѣроисповѣданія православнаго и находятся при немъ. Именнымъ Высочайшимъ указомъ, даннымъ въ двадцать восьмой день октября тысяча восемьсотъ девяностаго года Правительствующему Сенату онъ, графъ Гейденъ, уволенъ, согласно прошенію, по домашнимъ обстоятельствамъ отъ службѣ, при чемъ Его Императорскому Величеству благоугодно было Всемилостивѣйше пожаловать ему, графу Гейдену, пенсію изъ суммъ Государственнаго Казначейства по три тысячи рублей въ годъ. Во все время прохожденія службѣ онъ, графъ Гейденъ, не подвергался ни одному изъ случаевъ, лишающихъ его по статуту о знакѣ отличія безпорочной службѣ права на полученіе онаго въ свое время. Въ удостовѣреніе сего и данъ ему сей аттестатъ за подписаніемъ моимъ и съ приложеніемъ казенной печати. С.-Петербургъ 31 октября 1890 года. Въ семъ аттестатѣ подчистокъ, поправокъ и между строкъ приписокъ нѣтъ.

Командующій Императорскою Главною Квартирою Генералъ-Адъютантъ (подпись неразб.).

II.

Письмо графа П. А. Гейдена министру внутренних дѣлъ В. К. Плеве ¹⁾.

(26-го августа 1902 г.).

Милостивый Государь Вячеславъ Константиновичъ!

Псковскій губернаторъ лично и въ словесной формѣ объявилъ мнѣ переданное ему Вами Высочайшее неудовольствіе съ предупрежденіемъ, что новое проявленіе съ моей стороны дѣятельности, не соответствующей видамъ правительства, повлечетъ за собой устраненіе мое отъ участія въ общественныхъ учрежденіяхъ. — Поводомъ къ этому послужило то, что въ бытность мою въ Москвѣ въ концѣ мая мѣсяца я принялъ участіе въ совѣщаніи, происходившемъ у предсѣдателя московской губернской земской управы, Д. Н. Шипова, между многими землевладѣльцами, земскими дѣятелями по поводу предстоящей дѣятельности ихъ въ губернскихъ и уѣздныхъ комитетахъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности.

Никакое возраженіе на это объявленіе недопустимо, но я не сомнѣваюсь, что не лишень права, принадлежащаго даже преступникамъ: изложить все то, что имѣю сказать въ свое оправданіе; тѣмъ болѣе, что никто никакого объясненія отъ меня не спрашивалъ, и Его Императорское Величество высказалъ свое неудовольствіе на основаніи одностороннихъ свѣдѣній, безъ опроса тѣхъ, кто подвергся этому неудовольствію. Между тѣмъ, я убѣжденъ, что если бы насъ опросили, то должны были придти къ иному заключенію и въ этомъ видѣ доложить дѣло Его Величеству. Выслушавъ Высочайшее неодобреніе моей дѣятельности и тщательно провѣривъ все то, что сдѣлалъ и въ какомъ духѣ дѣйство-

¹⁾ Приводимое здѣсь письмо гр. П. А. Гейдена написано было при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ концѣ мая 1902 года въ Москвѣ состоялся съѣздъ земскихъ дѣятелей 25 губерній, который въ виду учрежденія особаго совѣщанія о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности вынесъ рядъ резолюцій по поводу устраненія земскихъ учреждений отъ этого дѣла и по вопросу о необходимыхъ измѣненіяхъ общихъ условий, неблагопріятныхъ для сельскохозяйственной промышленности. Черезъ нѣкоторое время участники съѣзда были вызваны на мѣстахъ губернаторами, которые прочли имъ бумагу съ изъясненіемъ Высочайшаго неудовольствія и предвареніемъ, что въ случаѣ повторенія совѣщаній „имѣющихъ цѣлью вовлечь земскія собранія въ обсужденіе общегосударственныхъ вопросовъ“ виновные будутъ лишены права участія въ общественныхъ собраніяхъ. Съ другой стороны въ концѣ сентября предводители дворянства получили черезъ своихъ губернаторовъ совершенно довѣрительное предписаніе: „въ виду возможности со стороны нѣкоторыхъ гласныхъ на предстоящихъ земскихъ собраніяхъ попытокъ возбудить вопросы, насколько справедливы дошедшіе до нихъ слухи о поступкѣ ихъ сослуживцевъ Высочайшемъ неудовольствіи, какимъ именно поступкомъ такое обусловлено и затѣмъ предложить на обсужденіе, въ какой мѣрѣ допустимо дальнѣйшее оставленіе этихъ лицъ на земской службѣ, я (губернаторъ) по предложенію Его Высочайшества г. министра внутреннихъ дѣлъ имѣю честь покорнѣйше просить Васъ, какъ предсѣдателя земскаго собранія, принять всѣ мѣры къ тому, чтобы подобный запросъ въ земское собраніе внесенъ не былъ, буде же тѣмъ не менѣе таковой будетъ къ-мъ-либо внесенъ, то прошу тотчасъ же своею властью, какъ предсѣдателя собранія, устранить обсужденіе его“.

Однимъ изъ лицъ, которымъ было объявлено Высочайшее неудовольствіе, былъ и графъ П. А. Гейденъ, написавшій послѣ того приводимое здѣсь письмо.

Ред.

валъ, я по совѣсти долженъ сказать, что пришелъ къ глубокому и твердому убѣжденію, что то, за что я подвергся Высочайшему неудовольствію, сначала до конца строго законно, ни въ чемъ не нарушаетъ долга присяги и не противорѣчить моимъ обязанностямъ, какъ вѣрноподданнаго и лица, принимающаго по выбору дворянства участіе въ дворянскихъ и земскихъ учрежденіяхъ. Глубоко сожалья, что подвергся Высочайшему неудовольствію, я тѣмъ не менѣе ни въ чемъ не могу измѣнить ни свой образъ мыслей, ни образъ дѣйствій, неуклонно убѣжденный, что благо и польза Россіи и ея державныхъ монарховъ требуютъ честныхъ и убѣжденныхъ дѣятелей, преданныхъ закону и порядку, а не личностей, улавливающихъ чужія мысли и виды и готовыхъ во всякое время измѣнить свой убѣжденія. Законы, отъ Самодержавной власти исходящіе, и требованія, изъ нихъ вытекающія, безусловно для всѣхъ обязательны. Но въ предѣлахъ этихъ требованій каждый долженъ дѣйствовать сообразно съ своей совѣстью и убѣжденіями съ непремѣннымъ условіемъ не нарушать правилъ нравственности и требованій закона и не допускать, какъ въ немъ же сказано, „обманчиваго непостоянства самопроизвольныхъ толкованій“. Съ такими убѣжденіями я всегда жилъ и дѣйствовалъ, и, если теперь наклонѣнъ лѣтъ мнѣ придется быть устраненнымъ отъ участія въ общественныхъ учрежденіяхъ, то гдѣ бы я ни былъ, я удалюсь въ частную жизнь съ спокойной совѣстью и искреннимъ сознаніемъ, что на всѣхъ поприщахъ моей скромной дѣятельности всегда поступалъ по закону и совѣсти, и правилами этими буду руководствоваться до смерти. Высказавъ эти общія соображенія, перейду къ тому случаю, который вызвалъ это прискорбное для меня Высочайшее неудовольствіе.

Призывъ мѣстныхъ силъ для выясненія нуждъ сельскохозяйственной промышленности пошелъ навстрѣчу давно уже сознанной весьма многими необходимости удовлетворять экономическія потребности при участіи мѣстныхъ силъ, а не однимъ воздѣйствіемъ администраціи, часто не вполне знакомой во всѣхъ подробностяхъ съ мѣстными нуждами, а еще болѣе часто сообразующейся въ способѣ ихъ удовлетворенія не съ запросомъ жизни, а съ выработанными канцелярскими взглядами на дѣло.

Но призывъ этотъ засталъ всѣхъ крайне разрозненными, безъ ясно сознанаго представленія о томъ, что главное и что является лишь второстепенною подробностью; какіе вопросы существенны, и что обусловило тотъ кризисъ, который мы безспорно переживаемъ. Земскія учрежденія, объединяя въ себѣ всѣ сословія на почвѣ удовлетворенія самыхъ существенныхъ экономическихъ нуждъ края, не пользуются довѣріемъ администраціи. Казалось бы, что собраніе, пополняющееся исключительно представителями недвижимой собственности, неразрывно связанными съ мѣстомъ своей дѣятельности и гораздо болѣе, чѣмъ бездомные люди, заинтересованные въ неизблѣмости мѣстнаго мира и строгого порядка,—что такое собраніе есть лучшей оплотъ противъ всякихъ разрушительныхъ идей. Между тѣмъ, земство въ данномъ вопросѣ обойдено и не только не пользуется довѣріемъ, но ему всячески преграждается путь къ взаимному обмѣну мыслей.

Другой способъ обмѣна мыслей и основательнаго выясненія вопросовъ—печатать—находится въ еще болѣе стѣсненномъ положеніи и ни одинъ вопросъ не можетъ быть ею обсужденъ сколько-нибудь самостоятельно со всѣхъ точекъ зрѣнія. Воспрещается не то, что незаконно, а то, что почему-либо признается несообразнымъ съ политикой даннаго момента. При такихъ условіяхъ отдѣльнымъ лицамъ негдѣ широко обмѣниваться взглядами, негдѣ искать провѣрки своего образа мыслей, своихъ взглядовъ на тотъ или другой вопросъ, выдвигаемый

жизнью, которая, вѣдь, не сообразуется ни съ циркулярами, ни съ ограничительными мѣрами, а выдвигаетъ все новые и новые вопросы, настойчиво требуя ихъ разрѣшенія.

За послѣднее время все яснѣе обозначается то, что охранительные элементы, состоящіе изъ людей не первой юности, бездѣйствуютъ все болѣе и болѣе, а крайніе элементы ведутъ борьбу не только съ правительственной властью, но и со всѣмъ общественнымъ строемъ. Недавнія событія на югѣ Россіи указали на опасность, на краю которой, можетъ быть, стоятъ и другія мѣстности Россіи. Безсиліе административной власти предупредить взрывъ ярко обозначилось, и врядъ-ли возможно ожидать, чтобы однимъ воздѣйствіемъ власти, одной строгостью наказаній можно было бы умиротворить то, что вытекаетъ хотя изъ не-вѣрнаго, но глубокаго убѣжденія народа, эксплуатируемаго элементами, ищущими крутого переворота. При такихъ условіяхъ представители имущаго класса должны выступить на почвѣ закона и справедливости на защиту порядка. Пора, какъ Вы сами сказали, перейти отъ словъ къ дѣлу. Дѣйствовать иначе—просто преступно. Имѣя въ виду справедливое удовлетвореніе запросовъ жизни, люди, отверженные порядку, должны себя выяснитъ, въ чемъ корень зла и гдѣ средства къ спасенію,—къ этому стремятся и верховная власть. — Я не знаю закона, который бы запрещалъ сходиться частнымъ образомъ и между собою говорить о способахъ разрѣшенія, въ предѣлахъ закона, мирнымъ путемъ грозныхъ требованій современной намъ народной жизни.—Мы, собравшіеся въ Москвѣ, правомъ этимъ воспользовались, и я глубоко убѣжденъ, что вели себя строго законно. Безъ взаимнаго обмѣна мыслей, безъ обсуждения способа дѣйствія, нельзя вести никакого дѣла,—ни частнаго, ни общественнаго, и самое право заниматься этимъ дѣломъ заключаетъ въ себѣ право его обсуждать. Не прибѣгать къ этому законному праву—значитъ заранѣе осудить на неуспѣхъ то дѣло, за которое взялся. Если люди, заинтересованные въ порядкѣ, не будутъ частною и общественною дѣятельностью работать на пользу родины—то кто же будетъ содѣйствовать дѣлу? Не имѣемъ же мы возможности, представители земельной собственности, отстраняться отъ дѣла, атрофировать свои силы и быть только свидѣтелями того, какъ правительственная власть станетъ лицомъ къ лицу съ крайними элементами, стремящимися къ социальному перевороту самыми опасными мѣрами. Если бы я и имѣлъ подобныя и хотѣли это сдѣлать, то думаю, что мы на это не имѣемъ права, и простое чувство самосохраненія намъ это воспрещаетъ. Возникаетъ у меня еще вопросъ, на сколько мои дѣйствія соответствуютъ видамъ правительства? Въ этомъ отношеніи я прежде всего себя спросилъ, извѣстны-ли мнѣ виды правительства и кого мнѣ понимать подъ этимъ словомъ.

Если Верховную власть, то ея виды и желанія, какъ гласитъ 47 ст. основн. закон., проявляются въ законахъ, положительныхъ учрежденіяхъ и уставахъ, отъ нея исходящихъ. Этимъ законамъ я безусловно подчиняюсь и строго исполняю. Иныхъ сообщеній о видахъ правительства не обнародываютъ, и существующая въ настоящее время программа внутренней политики—мнѣ неизвѣстна.—Виды же и предположенія отдѣльныхъ министровъ, весьма часто между собою не совпадающіе, врядъ-ли могутъ, по отношенію къ обязательности, быть приравнены къ законамъ, если бы даже они и были мнѣ извѣстны; но, вѣдь, я тоже ихъ не знаю. А потому остается одно неизбѣжное указаніе: законъ безусловно и во всемъ для всѣхъ обязательный, и я постоянно имъ руководствовался, вполнѣ сознавая справедливость мудрыхъ словъ Императора Петра Великаго, начертанныхъ на зеркалѣ, что „всеу законы писать, коли оныя не исполнять“.

Вот то, что я имѣю сказать, не въ оправданіе, а въ объясненіе моихъ дѣйствій, которыя были и будутъ всегда строго законны. Смѣю разсчитывать, что это мое объясненіе будетъ повергнуто на Высочайшее усмотрѣніе.

Прошу и пр.

Графъ Петръ Александровичъ Гейденъ.

III.

Записка графа П. А. Гейдена о земскихъ сѣздахъ.

(1905 годъ).

Потребность въ сѣздахъ возникла уже давно и вытекаетъ изъ того, что нельзя разумно вести какое либо дѣло, не обсуждая его во всѣхъ подробностяхъ, не обмѣливаясь взглядами со всѣми имъ занимающимися и не пользуясь ихъ опытностью. Другое отношеніе къ дѣлу—мертвящее и ведетъ къ застою. Опытъ и примѣръ одной губерніи поощряетъ и облегчаетъ работу другой. Потребность эта всего настойчивѣе обнаружилась при образованіи особаго совѣщанія по нуждамъ сельскаго хозяйства и въ маѣ 1902 г. нѣкоторые земскіе дѣятели сочли нужнымъ собраться въ Москвѣ для обсужденія программы предстоящей имъ работы. Администрація отнеслась неблагоприятно къ этому почину и большинству участниковъ сѣзда словесно объявлено было черезъ губернаторовъ Высочайшее неодобреніе, съ предупреденіемъ, что дальнѣйшая дѣятельность въ томъ же направленіи повлечетъ за собою устраненіе виновныхъ отъ общественной дѣятельности.

Я былъ въ числѣ участниковъ сѣзда, получившихъ такое предупреденіе и тогда же обратился къ Статсъ-Секретарю Плеве съ письмомъ, въ которомъ изложилъ, что, сожалѣя о полученномъ Высочайшемъ неодобреніи, я тѣмъ не менѣе пришелъ къ убѣжденію, что ни въ чемъ не могу измѣнить ни свой образъ мыслей, ни свой образъ дѣйствія. Взглядовъ своихъ я съ тѣхъ поръ не измѣнилъ и все, что я изложу ниже о своихъ отношеніяхъ къ сѣздамъ и работѣ ихъ, вполнѣ соответствуетъ тому, что я писалъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ. Сѣзды продолжали собираться и весьма понятно, что кругъ ихъ дѣятельности постепенно расширялся. Общественная мысль къ счастью не остается неподвижной, не спитъ и не полагается слѣпо на заботы и труды бюрократіи, какъ послѣдняя считала бы это правильнымъ.

Вся дѣятельность Министра Внутреннихъ Дѣлъ по отношенію къ земствамъ, этимъ единственнымъ представителямъ общественной самостоятельности, была отрицательная и проявлялась лишь въ стремленіи сѣздить права земствъ, разобщить ихъ между собой и превратить ихъ въ такую же мертвую административную машину, какъ сама бюрократія.

Земскіе дѣятели, борясь противъ этого гибельнаго направленія правительства, не могли забыть, что они представители земельной собственности и естественно желали постепеннаго и мирнаго развитія страны, на основѣ права и путемъ противодѣйствія всякимъ разрушительнымъ ученіемъ. Но по необъяснимой для меня причинѣ правительство всегда относилось недовѣрчиво къ этимъ охранительнымъ по самому положенію своему силамъ и всю охрану порядка вручала чиновникамъ, въ большинствѣ случаевъ людямъ бездомнымъ, существующимъ жалованьемъ и службою своею приученнымъ безпрекословно исполнять получаемыя ими приказанія, къ какимъ бы они вреднымъ послѣдствіямъ ни приводили, и не рѣ-

шающимъ, охраняя свое служебное положеніе, даже доводить до свѣдѣнія начальства о результатахъ принимаемыхъ мѣръ. Долженъ, впрочемъ, оговориться, что весьма часто у этихъ исполнителей утрачена была даже способность отрѣшиться отъ взглядовъ, присущихъ чиновникамъ, и понять, что однимъ соблюденіемъ уже отжившихъ законовъ и циркуляровъ ничего не преобразишь и, рѣзко идя противъ естественнаго поступательнаго движенія общественной мысли, пользы не принесешь, а только вступишь въ бесплодную борьбу.

Такъ и случилось. Правительственные органы вступили въ борьбу съ обществомъ, не различая людей разныхъ партій и направленій, сваливая въ одну кучу всѣхъ несогласныхъ съ ихъ взглядами и пріемами. Производилъ ростъ, сила закона ослабѣвала, а возстановленіе поправнаго права обывателя становилось все менѣе и менѣе достижимо. Здѣсь не мѣсто въ краткой запискѣ говорить объ этомъ подробно. Обезличенное общество сторонилось власти, между тѣмъ въ странѣ возникли ученія, несогласныя съ правильнымъ и спокойнымъ теченіемъ и развитіемъ гражданской и государственной жизни. Общество безсилно было бороться съ этимъ на мѣстахъ, хоть и чувствовало надвигающуюся опасность, грозящую мирному развитію жизни. Правительственная власть отстаивала застой и старыя формы жизни. Всѣ допускавшіе возможность критическаго отношенія къ существующему государственному строю, считались однако опасными врагами и вредными элементами, дѣятельность ихъ преслѣдовалась. Это вело къ тому, что люди спокойные, хотя и не сочувствующіе существующему строю, сторонились, не желая навлекать на себя непріятности. Крайніе же элементы, болѣе молодые, увы, болѣе энергичные и менѣе дорожающіе своимъ вышнимъ положеніемъ, шли на борьбу. Ни для кого не тайна, что прокламаціи сотнями расходятся въ народѣ. Бороться противъ этого полицейскими пріемами бесполезно. Опытъ такой борьбы въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ доказалъ неэффективность этихъ способовъ. Жестокія преслѣдованія и притѣсненія порождаютъ фанатизмъ, создаютъ мучениковъ и ореолъ ихъ привлекаетъ къ нимъ массу сочувствующихъ. Противъ работы мысли можно воздѣйствовать только такой же мыслью, а не полицейскими средствами и не жандармскими разслѣдованіями, противъ пропаганды можно вести только пропаганду, но не мертвую чиновничью, а живую, считающуюся съ движеніемъ общественной мысли, неудовлетворенной старыми формами. Жизнь течетъ внѣ насъ, внѣ стѣнъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и жандармскихъ и полицейскихъ управленій. Мы ею не руководимъ, а должны приспособляться, стараться только, чтобы волна ея не выходила изъ русла, а текла правильно. Остановить это теченіе невозможно, да и нежелательно, т. к. остановка означаетъ омертвѣніе и гибель. Государство сильно духомъ своего народа, а не усердіемъ чиновниковъ. Россія невольно живетъ жизнью всей Европы, и одно изъ двухъ: или закрыть всякій доступъ новымъ идеямъ, или идти по теченію, постепенно имъ овладѣвая. Первое невысказанно и возможно только второе. Но при свободѣ доступа проникаютъ новыя идеи. Русскій народъ подлежитъ общимъ всемірнымъ законамъ, а не особымъ своимъ, ему якобы присущимъ, отъ которыхъ онъ будто-бы никогда не отступитъ.

Всѣ эти соображенія побудили меня принимать участіе въ съѣздахъ и стараться сплотиться съ единомыслищими и содѣйствовать мирному, спокойному разрѣшенію надвигающагося кризиса и работать для установленія правового государственнаго строя. Полагаю, что тѣмъ же руководствовались и всѣ мои соотарищи. Стоять при этомъ на почвѣ, на которой стоитъ наша бюрократія, я не могъ, т. к. глубоко убѣжденъ въ томъ, что на почвѣ этой мы придемъ къ революціи. Я сторонникъ монархическаго принципа и не желаю его компрометировать,

связывая его неразрывно съ бюрократическимъ правленіемъ, болѣе основанномъ на усмотрѣніи, чѣмъ на законѣ.

Его Величество провозгласилъ общеніе царя съ народомъ, а доложенный на нашемъ сѣздѣ 6 іюля проектъ Государственной Думы, внесенный на разсмотрѣніе Совѣта Министровъ, превращалъ выборныхъ народа въ жалкій и безвластный придатокъ къ Государственному Совѣту, нисколько не реформируя это почтенное по старости его членовъ учрежденіе. Стѣна между царемъ и народомъ попрежнему оставалась и послѣдствія могли быть только печальныя. Проектъ избирательнаго закона не касался вопроса о свободѣ выборовъ и предвыборной агитаціи и нигдѣ не было малѣйшаго указанія, что подобныя правила будутъ изданы. При такихъ условіяхъ выборы будутъ вполнѣ случайныя и будущее собраніе можетъ оказаться избраннымъ подъ вліяніемъ администраціи. Въ такомъ случаѣ общественное мнѣніе не будетъ удовлетворено и смута въ странѣ будетъ продолжаться. Если же избранными будутъ убѣжденные сторонники уничтоженія приказнаго строя, то явится борьба Государственной Думы съ администраціей и Государственнымъ Совѣтомъ, борьба, исходъ которой, при общемъ возбужденіи умовъ, не обѣщаетъ ничего хорошаго. Стоя на этой точкѣ зрѣнія, сѣздъ 6-го іюля съелъ необходимымъ указать на иной порядокъ общенія царя съ народомъ, на полную отміну всякаго приказнаго средостѣнія, на систему двухъ палатъ съ рѣшающимъ голосомъ и ничѣмъ не ограниченнымъ правомъ Верховной власти утверждать или не утверждать закона. При громадномъ разнообразіи вопросовъ, восходящихъ въ законодательномъ порядкѣ до Его Императорскаго Величества, Верховной власти нѣтъ никакой возможности вникать въ подробности каждаго изъ нихъ и силою вещей и теперь рѣшеніе этихъ подробностей въ ту или другую сторону зависить или отъ подлежащаго министра, или даже иногда отъ болѣе мелкаго чиновника или отъ Государственнаго Совѣта. А потому я не вижу ничего неправильнаго въ томъ, чтобы власть эту передать избраннымъ народа, гораздо болѣе, чѣмъ чиновники заинтересованнымъ въ изданіи хорошихъ и примѣнныхъ законовъ. Право Veto вполнѣ ограждаетъ права Верховной власти. Съ этой точки зрѣнія и при глубокомъ убѣжденіи, что только правильное разрѣшеніе вопроса о привлеченіи избранныхъ народа къ участию въ Государственной Думѣ можетъ успокоить нашу родину, я и, несомнѣнно, товарищи мои считали долгомъ высказать свое мнѣніе. Въдъ мы всѣ не праздные зрители того, что творится теперь въ Россіи, а люди несомнѣнно болѣе чиновниковъ заинтересованные въ водвореніи мира и порядка. Какъ землевладѣльцы, мы на мертвыхъ якоряхъ сидимъ у себя на мѣстахъ и лишены возможности, присущей большинству администраторовъ, уложить чемоданъ и уѣхать, лгать и лицемѣрить при такихъ условіяхъ и высказываться за государственный строй, по нашему глубокому убѣжденію, вредный и на будущее время, строй, приведшій насъ къ теперешнему тяжелому положенію—высказываться за него мы по совѣсти не имѣли права.

Это наше глубокое убѣжденіе мы одинаково обязаны были высказать и правительству и нашимъ согражданамъ на мѣстахъ, давъ имъ такимъ образомъ нравственный отчетъ въ нашихъ дѣйствіяхъ. Только правдивое и искреннее отношеніе къ вопросу дастъ намъ на мѣстахъ силу духа для противодѣйствія крайнимъ ученіямъ. Не революціонными путями рѣшили мы идти, а спокойнымъ и мирнымъ провозглашеніемъ нашего образа мыслей и уваженіемъ къ порядку и праву.

Я даже глубоко убѣжденъ, что этотъ способъ дѣйствія болѣе въ интересахъ Верховной власти, чѣмъ провозволь, постоянно осуществляемый на мѣстахъ, подъ названіемъ сильной власти, разными представителями администраціи, при-

ведшей насъ къ настоящему печальному положенію. По формѣ съ точки зрѣнія циркуляровъ мы можетъ быть не правы, но по духу, по существу, право на нашей сторонѣ. Для насъ порядокъ, это вопросъ жизни и смерти, и мы все участники съѣзда убѣждены въ необходимости коренныхъ реформъ, экономическихъ, социальныхъ и политическихъ, но желаемъ провести все это мирнымъ путемъ, а не тѣмъ революціоннымъ, на который бессознательно толкаетъ всю страну правительственная система. Такое непреложное убѣжденіе привело съѣздъ къ признанію, что руководящія имъ идеи о правѣ и законѣ, какъ наилучшіе способы охраны порядка и мира въ странѣ, должны быть распространяемы на мѣстахъ, какъ противобѣсъ инымъ ученіямъ.

Существующая общая смута умовъ никогда не будетъ успокоена полицейскими мѣрами, какъ бы онѣ энергично ни примѣнялись. Только само общество можетъ вести эту борьбу на мѣстахъ. Между тѣмъ, къ сожалѣнію, въ этой борьбѣ первое препятствіе встрѣчается всегда со стороны власти, подъ тѣмъ предлогомъ, что борьба ведется на почвѣ, по мнѣнію ея, не законной. Но власть при этомъ несомнѣнно забываетъ, что то, что въ общемъ сознаніи безповоротно умерло, то силой не воскресить, а все жизнеспособное не погибнетъ и что только свободная и открытая борьба за порядокъ, основанный на свободѣ и правѣ, можетъ умножить страну.

Покончивъ съ общими вопросами, перейду къ частностямъ.

Прежде всего на всѣхъ съѣздахъ личность Государя Императора всегда строго отдѣлялась отъ правительства и сужденія объ ней съѣздъ не имѣлъ. На послѣднемъ съѣздѣ князь Касаткинъ-Ростовскій, рѣзко расходясь съ взглядами съѣзда и демонстративно оставивъ его засѣданіе, упрекнулъ собраніе тѣмъ, что проектъ устава Думы лѣвѣе французской конституціи. Въ отвѣтъ на это раздались крики „а императоръ“, т. е. что во Франціи этой власти нѣтъ, и что онъ, очевидно, это просмотрѣлъ, и былъ слышенъ смѣхъ, возбуждавшійся и другими крайними въ своемъ исключительномъ направленіи заявленіями почтеннаго князя.

Наши съѣзды всегда велись при закрытыхъ дверяхъ съ допущеніемъ лишь очень ограниченнаго числа лицъ, близкихъ тѣмъ или другимъ его членамъ, или нѣкоторыхъ представителей печати. Не допускаясь тоже какія либо депутаціи. Оставаясь на этой точкѣ зрѣнія, была отклонена просьба участниковъ происходившаго одновременно въ Москвѣ другого собранія войти въ личное сношеніе со съѣздомъ. Наконецъ послѣдній вопросъ о томъ обращеніи, которое выработано было на съѣздѣ. Составленное въ исполнѣ умѣренныхъ выраженіяхъ, оно излагаетъ ту программу, которой придерживаются участники съѣзда. Скрывать ее отъ кого либо, ограничиваясь лишь представленіемъ ее правительству, какъ уже сказалъ выше, нѣтъ основанія. Въ странѣ помимо съѣзда распространяются всякаго рода программы, воззванія, прокламаціи. Правительственная власть безмолвствуетъ и ходъ работъ и направленіе ихъ никому не были извѣстны. При такихъ условіяхъ смута умовъ растетъ и необходимъ былъ голосъ умѣренныхъ людей, чтобы работа мысли, направленная въ одну сторону, нашла бы противобѣсъ съ другой стороны. Высказывать свое мнѣніе, свой образъ мыслей никому „по закону“ не запрещено, при условіи, чтобы это не являлось возбужденіемъ къ дѣянію, запрещенному закономъ. Къ сожалѣнію, на практикѣ власти смотрять иначе и накладываютъ узду и далѣе предѣловъ закона. Но руководствоваться этими приемами не считаю обязаннымъ и думаю, что не долженъ дѣлать лишь того, что запрещено подъ страхомъ наказанія или противорѣчить моимъ гражданскимъ обязанностямъ съ точки зрѣнія моей совѣсти. А все то, что сказано въ нашей программѣ, незаконнопротивно. Дано было право высказываться о лучшемъ государ-

ственному устройству. Понимая действующим основнымъ законамъ всѣ законопроекты должны проходить черезъ Государственный Совѣтъ, а по проекту Гофмейстера Булыгина—черезъ Государственную Думу и Государственный Совѣтъ.

По мнѣнію же съѣзда черезъ двѣ Палаты Государственной Думы, съ полнымъ устраненіемъ какого либо собранія, составленнаго изъ чиновниковъ. Что же противузаконнаго въ такомъ мнѣніи? Мы охотно бы помѣстили это изложеніе нашихъ убѣжденій въ газетахъ, но при существующихъ правилахъ о печати это немислимо. Каждая газета въ передовой статьѣ имѣетъ право обращаться къ широкой публикѣ и сообщать свои виды и предположенія. Но земскіе люди этого права лишены, и мы поневолю дѣлаемъ это въ устной формѣ и въ видѣ сообщенія знакомымъ копіи нашей программы. Что же и тутъ противузаконнаго?

Если бы мы поступали иначе, то значить добровольно бы ушли съ поля сраженія и оставили бы его во власти болѣе крайнихъ мнѣній. Я нравственно не считаю себя въ правѣ этого сдѣлать. Желаніе вліять по мѣрѣ силъ на работу общественной мысли и не терять съ нею связи, побудило другой съѣздъ поручить избраннымъ изъ среды своей лицамъ войти въ сношеніе съ другими общественными группами и ознакомить нашъ кружокъ съ ихъ программой. И въ этомъ нѣтъ ничего законопротивнаго.

IV.

Письма къ и. д. секретаря И. В. Э. Общества Д. И. Рихтеру.

4 августа 1900 г. Ст. Званы, Псковской г. Многоуважаемый Дмитрій Ивановичъ, посылаю Вамъ отвѣтъ на нашу жалобу. Дѣлать нечего! Мы просили копію постановленія Комитета Министровъ, чтобы воспользоваться правомъ нашимъ на обжалованіе его постановленія. Но этого законнаго права обжалованья насъ лишаютъ, путемъ отказа въ выдачѣ копій. Интересенъ юридическій вопросъ. Законъ говоритъ „можешь жаловаться“, а затѣмъ объявляютъ, что не долженъ знать то, на что жалуешься. Преданный Вамъ П. Гейденъ.

25 декабря 1900 г. с. Хмѣлита, ст. Григорьевское Смол. губ. Многоуважаемый Дмитрій Ивановичъ, благодарю Васъ за присылку проекта журнала ¹⁾. Думаю, что В. И. ²⁾ не можетъ не согласиться съ его редакціей, такъ какъ ничего новаго въ него не введено и обо всемъ этомъ говорили въ послѣднее засѣданіе. Нельзя ли повторить Совѣтову нашу просьбу, совместно со Стебутомъ повидать Ермолова и заявить ему ходатайство комиссіи о томъ, чтобы Вешняковъ принималъ бы участіе въ дальнѣйшемъ разсмотрѣніи устава и его окончательной редакціи и докладѣ. Можетъ быть Вы повидаете для этого Стебута и Совѣтова. Я думаю, что это все-таки будетъ нѣкоторой, хотя и слабой дезинфекціей вредныхъ мѣзмовъ, неминуемо долженствующихъ окружить дальнѣйшій ходъ работъ. Мнѣ бы очень хотѣлось не пріѣзжать въ Петербургъ ранѣе 20 янв. XX столѣтія и я бы могъ тогда поднести журналъ. Если редакцію не примутъ, то надѣ оговорить въ подлинн. что несогласны съ изложеніемъ, какъ неполнымъ и одностороннимъ, и приложить свою редакцію.

¹⁾ Журналъ засѣданія Высочайше учрежденной комиссіи по пересмотру устава И. В. Э. Общества. *Ред.*

²⁾ В. И. Вешняковъ, предѣдатель Высочайше учрежденной комиссіи по пересмотру устава И. В. Э. Общества. *Ред.*

Хочу отсюда съѣздить въ Орловскую губ. и проѣхать къ 14-му въ Псковск. губ. До 4-го останусь здѣсь. Искренно уважающій П. Гейденъ.

14 января 1901 г. Многоуважаемый Дмитрій Ивановичъ, 20 янв. утромъ буду въ Петербургъ, а до тѣхъ поръ пробуду въ Опочкѣ на уѣздномъ съѣздѣ, куда и прошу мнѣ сообщить, что окажется нужнымъ. Надѣюсь, что наши „доброжелатели“ не сдѣлали намъ новыхъ гадостей. Вашъ П. Гейденъ.

24 февраля 1901 г. Ст. Званы, Псковской губ. Многоуважаемый Дмитрій Ивановичъ, только что вернулся въ деревню и буду по всей вѣроятности въ Петербургъ въ первой половинѣ марта. Что у насъ новаго?—Надѣюсь, что наши враги не измыслили еще какой нибудь новой гадости. Дружески жму Вашу руку. П. Гейденъ.

31 марта 1901 г. Ст. Званы, Псковской губ. Многоуважаемый Дмитрій Ивановичъ, сижу здѣсь и, читая газеты, думаю, что все отлично идетъ. Это безусловно хорошая сторона цензуры. Васъ, помимо Вашей воли, дѣлаютъ страусомъ, который, говорятъ, прячетъ голову, чтобы не видѣть опасности и себя успокоить. Злоумышленника Вяземскаго покарали, и новый министръ излѣчить всѣ раны, должно быть при участіи приглашенныхъ къ содѣйствию родителей. Будемъ ждать результатовъ.

Всю первую половину апрѣля я думаю остаться здѣсь и пріѣхать въ Петербургъ не ранѣе 20 апрѣля, если только что-нибудь не вызоветъ меня туда ранѣе. Было ли у насъ Общее Собраніе для выбора ревизіонной комиссіи и какъ оно прошло? Кто избранъ въ комиссію? Собраніе для утвержденія отчета снѣгаго Общества можно назначить между 20 и 25 апрѣлемъ. Нельзя ли за это время разобрать наше дѣло по книжному складу. Не слыхали ли Вы что-нибудь о положеніи дѣла по капиталу? Можетъ быть теперь не время нами заниматься? Искренно уважающій Васъ П. Гейденъ.

12 мая 1901 г. Многоуважаемый Дмитрій Ивановичъ, проѣхалъ черезъ Петербургъ, гдѣ пробылъ два праздника 9 и 10, а потому Васъ не видалъ. Мнѣ посоветовали написать Ванновскому. Прилагаю письмо на его имя и по снятіи копій прошу ему переслать. Кромѣ того совѣтують отпечатать записку за моей подписью и разослать передъ засѣданіемъ всѣмъ членамъ Комитета Министровъ. Я не успѣлъ составить записку. Но я уже нѣсколько разъ такую писалъ и въ канцеляріи есть копія. Найдите ихъ, поговорите съ К. К. Арсеньевымъ и можетъ быть Вы что нибудь скомбинируете болѣе ясное и убѣдительное. Надо доказывать, что Высочайшее повелѣніе ноября 95 г. не разрѣшало состава, а говорило о томъ, что можетъ оказываться, что Комитетъ Грамотности былъ отдѣленіемъ безъ права владѣнія, что уставъ 72 года не отмѣнилъ того, что постановляетъ Совѣтъ Министровъ 4 янв. 62 г. и просить, чтобы Комитетъ Министровъ призналъ, что онъ, какъ мѣсто административное не можетъ разрѣшать дѣла или же чтобы сказалъ, что Комитетъ Грамотности не былъ особымъ Обществомъ, и что Высочайше утвержденное мнѣніе ноября 95 г. касалось того, что окажется (примѣръ капиталъ Воронова), самое трудное рѣшить, чего просить, такъ какъ на самое законное Комитетъ Министровъ не пойдетъ: признаніе, что это нашъ капиталъ. Нельзя ли посоветоваться и выяснитъ этотъ вопросъ? Узнайте, когда это будетъ слушаться въ Комитетѣ Министровъ. До 19 мая мой адресъ письма: Комаричи Моск. Кіев. Ворон. жел. дор. Дешни-Комаричи. Сердечный привѣтъ. Вашъ П. Гейденъ.

Записку мнѣ не посылайте, а тотчасъ же отпечатайте и разошлите, если уже внесено въ Комитетъ Министровъ. Я теперь въ Смоленской губ. и ѣду сейчасъ въ мѣніе въ Орловскую губ., а 22-го буду дома, ст. Званы.

Село Глубокое. 26 мая 1901 г. Многоуважаемый Дмитрій Ивановичъ, письмо Ваше съ приложеніемъ депеши Полтавской Управѣ пришло во время моего отсутствія и Вы, очевидно, послали депешу въ сообщенной мнѣ редакціи, которая вполне хороша. Пакетъ съ проектомъ объяснительной записки пришелъ вчера. Но при этомъ письма никакого не было. Я написалъ введеніе къ запискѣ и думаю, что необходимо коснуться вопроса о силѣ и значеніи Высочайше утвержденнаго положенія Комитета Министровъ отъ 17 ноября 1895 г. Въдѣ теперь существуетъ теорія, что основные законы сами по себѣ, а Высочайшее повелѣніе само по себѣ. Я думаю, что это мнѣніе анархическое. Строгое соблюденіе границъ и пространства правъ учреждений лицъ правительственныхъ ограждаетъ Верховную власть отъ чиновничьяго самовластія, которое теперь, увы, замѣнило самодержавіе и (....) хочетъ всѣхъ увѣрить, что только ихъ самовластіе и есть правительство и что они одни охраняютъ и спасаютъ Верховную власть. Петръ Великій лучше ихъ понималъ дѣло и находилъ, что строгое соблюденіе законовъ—лучшая основа для Верховной власти. Я попытался указать, что не могло быть разрѣшено Высочайшимъ повелѣніемъ то, что Комитетъ Министровъ разрѣшать не имѣлъ права. Далѣе по проекту записки. Но нельзя ли ее кое-гдѣ сократить не потому, что растянуто или лишнее, а только изъ за того, что слишкомъ длинную можетъ быть не прочтутъ. Я ѣду на недѣлю во Псковъ по земскимъ дѣламъ, а затѣмъ вернусь сюда и ранѣе 20 іюня въ Петербургѣ не буду. Во Псковѣ буду 30-го—гостиница Лондонъ—и останусь тамъ до половины дня 1-го іюня. 28 и 29 проведу въ Порховскомъ уѣздѣ въ составѣ земской комиссіи на осмотрѣ мѣстной сельско-хозяйственной школы. Въ Петербургѣ буду не ранѣе 20 іюня. Постарайтесь узнать, въ какомъ положеніи дѣло о капиталѣ? Записку бы надо скорѣе отпечатать за мою подписью, какъ президента, и если дѣло слушается, то разослать всѣмъ членамъ. Сообщите мнѣ, что новаго. Извѣстите о полученіи этого письма. Искренно уважающей П. Гейденъ.

1 іюня 1901 г. Многоуважаемый Дмитрій Ивановичъ, я написалъ прилагаемое письмо и все приготовилъ къ отправкѣ изъ Пскова, куда пріѣхалъ по дѣлу и здѣсь получилъ пересланное мнѣ письмо Ваше отъ 25. Прежде всего крайне удивленъ высылкой Ник. Григор. ¹⁾. Почему и за что? Въдѣ безобиднѣе его для правительства я не знаю человѣка. Трогая его, надо значить поль Россіи переселить съ мѣста на мѣсто. Куда овъ поѣхалъ? Дайте мнѣ его адресъ, если только его знаете. Да и всѣ тѣ, которыхъ Вы назвали, тоже опасные люди. Въдѣ die Gedanken sind Zollfrei и надъ ними не властны, отвѣчаешь только за противузаконныя дѣйствія. Теперь о нашей запискѣ. Не имѣя въ виду кого либо для ея написанія, я завтра уѣду въ деревню и тотчасъ же ее тамъ всю составлю и Вамъ вышлю. Надѣюсь, что не будетъ поздно. Сообщите, если еще что узнаете. Желая Вамъ всего лучшаго. Искренно уважающей П. Гейденъ.

Мнѣ очень жаль Л., какъ человѣка. Но банкъ врядъ-ли потерялъ въ немъ работника, если только не будетъ назначенъ кто-нибудь ужъ очень плохой.

Ялта. 11 сентября 1901 г. Многоуважаемый Дмитрій Ивановичъ, посылаю Вамъ письмо Г. А. Фальборка, немного разъясняющее происхожденіе имуществва Комитета Грамотности. Вы, пожалуй, все это уже знаете, но тѣмъ не мене, на всякій случай, посылаю его Вамъ. Я пріѣду въ половинѣ октября на очень короткій срокъ, а затѣмъ на нѣсколько болѣе продолжительный около 1-го ноября. Передъ пріѣздами я Васъ извѣщу и можетъ быть Вы созовете Совѣтъ. Были

¹⁾ Н. Г. Кулябко-Корецкій, бывший секретарь В. Э. Общества, въ настоящее время его казначей. *Ред.*

ли у нас тайные совѣтники и движается ли хоть сколько нибудь это дѣло ¹⁾? Если будетъ что новое, сообщите мнѣ. Я уѣду отсюда 27 сент. и, пользуясь открытіемъ сквозного движенія по новой Моск.-Виндавской дорогѣ изъ Москвы до Виндавы, проѣду прямо изъ Москвы въ деревню; такъ что послѣ этого адресуйте мнѣ туда и притомъ въ Опочку, идѣ я буду на земскомъ собраніи. Здѣсь хорошая погода и жарко. Я одинъ разъ выкупался въ морѣ. Вода тепла, но изъ за волненія нельзя было продолжать. Надѣюсь можно будетъ возобновить. Я живу довольно высоко надъ городомъ и ни шумъ, ни невозможный городской воздухъ до насъ не доходить. Въ Москвѣ встрѣтилъ Ал. Мих. Калмыкову ²⁾. Жестоко безъ суда такъ выбивать людей изъ колен и раззорять. Сердечный привѣтъ отъ искренно уважающаго П. Гейдена.

Опочка. 2 октября 1901 г. Многоуважаемый Дмитрій Ивановичъ, вернулся сюда и сию въ земскомъ собраніи. Въ Петербургъ приѣду дня на два, на три 9, 10 и 11. Всего удобнѣе назначить Совѣтъ въ среду 10 окт., въ этотъ вечеръ я навѣрное буду въ Петербургѣ. Послѣ того я приѣду только къ 1-му ноябрю. Теперь и то хорошо, что новаго ничего нѣтъ, такъ какъ новое все плохое. Искренно уважающей П. Гейденъ.

С. Глубокое. 24 октября 1901 г. Многоуважаемый Дмитрій Ивановичъ, я приѣду въ Петербургъ въ среду 31-го и, если есть необходимость созвать Совѣтъ, то назначьте на этотъ день засѣданіе. Вѣдь среда нашъ обычный день. Совѣтъ не знаю, что у Васъ новаго. Читаль, что Ермоловъ и Витте „прослѣдовали“ по восточному берегу Чернаго моря и оживили край. Чтобы имъ прослѣдовать въ другихъ мѣстахъ, а то все процвѣтаютъ Порты Артуры—дачныя мѣстности на Кавказѣ, а съ насъ только берутъ деньги ради чужого процвѣтанія и прослѣдованія. Вашъ П. Гейденъ.

12 ноября 1901 г. Многоуважаемый Дмитрій Ивановичъ, я сказалъ Ермолову, что послѣ среды ему сообщать копію съ протокола журнала. Онъ хотѣлъ говорить съ Ванновскимъ о толкованіи § о движимости ³⁾ и увѣряетъ, что будетъ на нашей сторонѣ. Но это большой вопросъ... Искренно уважающей П. Гейденъ.

7 декабря 1901 г. пятница. Многоуважаемый Дмитрій Ивановичъ, съ отъѣзда изъ Петербурга не имѣю никакихъ извѣстій о томъ, что у насъ дѣлается. Въ Ялтѣ остался долѣе, чѣмъ предполагалъ. Жена и внуки заболѣли инфлуэнцой, и т. к. эта болѣзнь порождаетъ всякія осложненія, то я и не рѣшился уѣхать, пока положеніе не выяснилось. Теперь, надѣюсь, все неприятное уже за спиной. Я буду въ Псковѣ въ воскресенье 9-го вечеромъ и захвачу еще недѣлю земскаго собранія. Напишите мнѣ туда два слова (адресъ — Псковъ) о томъ, какъ шла сдача ⁴⁾ и не придумали ли новыхъ мерзостей. Послѣ собранія я поѣду дня на четыре въ деревню, а затѣмъ праздники проведу въ Петербургѣ, куда приѣдетъ и жена изъ Ялты. Тогда можно будетъ созвать Совѣтъ и даже Общее Собраніе для смѣты. Напишите мнѣ день и мѣсто празднованія (юбилея) Вас. Ив. Покровскаго, чтобы я могъ прислать денешу. Читаль, что былъ нашъ вѣнокъ на гробѣ Совѣтова. Миръ праху его. Я добромъ вспоминаю его, какъ члена послѣдней комиссіи. Надо бы принять мѣры къ усилению взносовъ. Поговорите о высказан-

¹⁾ Рѣчь идетъ о передачѣ имущества, отторгнутаго изъ И. В. Э. Общества Комитета Грамотности. *Ред.*

²⁾ Членъ И. В. Э. Общества, извѣстный дѣятель по народному образованію, выслана изъ Петербурга на нѣсколько лѣтъ. *Ред.*

³⁾ Бывш. Комитета Грамотности. *Ред.*

⁴⁾ Имущества Быв. Комитета Грам. *Ред.*

ной въ Совѣтѣ мысли собирать болѣе вліятельныхъ членовъ и съ ними поговорить о будущемъ. До скораго свиданія. Искренно уважающей П. Гейденъ.

6 января 1902 г. Ст. Звонъ, Псковской губ. Многоуважаемый Дмитрій Ивановичъ, я тоже очень жалѣю, что не видѣлъ Васъ проѣздомъ черезъ Петербургъ. Но располагая провести тамъ праздники, я много до того времени отложилъ. А переѣхавъ планы, пришлось все сдѣлать въ два дня. Я очень жалѣю, что не попалъ на съездъ и юбилей Василія Ивановича (Покровскаго). Послать ему поздравительную денешу. Это все, что могъ сдѣлать. Очень радъ, что все было сердечно и хорошо. Теперь это такъ рѣдко. Думаю быть въ Петербургѣ 31 января или 1-го февраля и пробыть тамъ дня три. Подгоните къ этимъ днямъ засѣданіе Совѣта, если это только возможно. Надо серьезно думать о взносѣ платы. А то всё выбудутъ. Вы говорите объ устройствѣ устав. вопроса. Я ни во что доброе болѣе не вѣрю и какую нибудь гадость да подложить. Самое печальное то, что нельзя уличить въ ложныхъ докладахъ, навѣтахъ и искаженіяхъ... ¹⁾ Ну да Богъ съ нимъ. Противно объ немъ думать и переносить такія скверныя мысли и чувства въ Новомъ годѣ. Лучше пожелаю Вамъ на этотъ Новый годъ всего лучшаго и намъ всёмъ поменьше слышать объ Н. и комп., которые своими дѣйствіями, по моему, враги отечества и того Государя, которому они такъ непрямоудно служатъ. Живя въ деревнѣ, ничего не знаешь и не слышишь и думаешь, что все хорошо и тихо. Но такъ ли это? Читалъ всеподдан. докладъ Витте. Судя по немъ Россія благоденствуетъ и богатѣетъ, уменьшаетъ свою задолженность и обывательскій карманъ чуть ли не рвется отъ избытка денегъ. Я не свѣдущъ въ этихъ подсчетахъ. Навѣрно ли, что, увеличивъ долги на 1.108 милліоновъ, мы приобрѣли имущество на 2.352 мил. Откуда это и какъ? Вѣдь при сравненіи важно не то, что затратили въ имущество, а что оно дѣйствительно стоитъ. Вѣдь иные карточные игроки на мѣлокъ сотнями тысячъ ворочаютъ, а въ карманѣ грошъ. Радостно было бы, если это все реальныя и доходныя цѣнности. Ростъ бюджета напомнилъ мнѣ громы, вызвавшіе предѣльность земскаго обложенія. А въ концѣ концовъ только этотъ несчастный предѣльный бюджетъ даетъ что нибудь на насущныя мѣстн. потребности. Безпредѣльный же осыпаетъ своими дарами чиновниковъ и окранны. Шлю Вамъ сердечный привѣтъ. П. Гейденъ.

26 января 1902 года. Многоуважаемый Дмитрій Ивановичъ, я уже писалъ Вамъ, что пріѣду 31-го января и пробуду дня 4—5. Нельзя ли устроить Совѣтъ? Я получилъ протоколы и привезу ихъ съ собой. Грамотники ²⁾ заднимъ умомъ крѣпки, вписали то, что не говорили. Но врядъ-ли это допустимо протоколировать небывшаго. Что это съ Россіей? Живя въ деревнѣ, ничего не знаешь. Я выписываю себѣ Berliner Tageblatt и пораженъ, какъ нами мало занимаются въ этой газетѣ. Точно какой ниб. Конго, до котораго никому нѣтъ дѣла. До скораго свиданія. Сердечно преданный П. Гейденъ.

7 июня. Ст. Звонъ, Псков. губ. Многоуважаемый Дмитрій Ивановичъ, я на двѣ недѣли уѣзжалъ отсюда и получилъ по возвращеніи Ваши три письма. Тотчасъ же Вамъ телеграфировалъ и сегодня пишу Ленину. Лучше ихъ допустить. При случаѣ доказательство, что мы полезны, а расходъ не великъ. Я сочувствую Вашему горю. Имѣть дѣло съ „Пчелов. Листкомъ“ не весело. Но надѣюсь, это

¹⁾ Далѣе слѣдуютъ опущенныя рѣзкія выраженія по адресу живущихъ еще лицъ. *Ред.*

²⁾ Здѣсь разумѣются лица, принимавшія имущество бывш. Комитета Грамотности. *Ред.*

сократить цѣнты краснорѣчія ¹⁾). Жалѣю, что не разрѣшили кредита на домъ. Это затянуть дѣло и надо будетъ пустить въ первое осеннее засѣданіе. Около 22-го ѣду въ Орлов. губ. въ деревню, гдѣ я строю винокурный заводъ. По пути заѣду въ Курскъ на выставку народн. образов. при губерн. управѣ. На возвратномъ пути въ началѣ іюля буду въ Петербургѣ и если Вы тамъ будете, то увидимся. Нельзя ли къ тому времени узнать мнѣ, кто замѣнилъ въ Финляндіи Гротенфельда? Жалѣю финляндецъ съ назначеніемъ Д. пом. ген.-губерн. Я уже слышалъ объ увольненіи Русова ²⁾). Говорятъ, что Плевѣ передавалъ, что лично его считаетъ безопаснымъ человѣкомъ, но что семья его всегда была центромъ неблагонадежныхъ элементовъ. По моему такіе центры полезны, т. к. за ними легче наблюдать. Но вся суть въ томъ, что считаютъ преступными не дѣйствія, а мысли. А потому хотятъ разсѣять центры, чтобы не зарождались мысли. Но, увы, эта работа непосильна не только для русскихъ администраторовъ, но и не для кого. Воюютъ съ Русовыми, а просматриваютъ слоновъ. Лѣтомъ у насъ начнутся работы уѣздныхъ комитетовъ ³⁾). Сообщите, если есть какой ниб. матеріалъ, пригодный для облеченія этой работы. Какъ идетъ работа по музею ⁴⁾? Искренно уважающій П. Гейденъ.

С. Хмѣлита. 9 сент. 1902 г. Вяземск. уездъ. Многоуважаемый Дмитрій Ивановичъ, располагалъ быть въ Петербургѣ 5 сент., а теперь занятія мои такъ распредѣлились, что ранѣе начала октября я не приѣду. Очень объ этомъ жалѣю, т. к., очевидно, многое есть о чемъ съ Вами переговорить. Напишите мнѣ, что у Васъ есть и какія дѣла требуютъ разрѣшенія. Поступаютъ ли платежи членовъ и многихъ ли придется исключить? Вѣдь чего добраго Общество очутится при однихъ пожизненныхъ и почетныхъ членахъ. Уѣздный комитетъ былъ созданъ мною 14 іюля въ составѣ всѣхъ теперешнихъ и бывшихъ когда либо гласныхъ. Изъ землевладѣльцевъ явилось $\frac{1}{6}$ приглашенныхъ, а изъ крестьянъ $\frac{3}{4}$. Первые отнеслись къ дѣлу неособенно усердно, вторые же очень интересовались, хотя можетъ быть и не вполне понимали въ чемъ дѣло. И, разумѣется, между ними активныхъ работниковъ не будетъ. Хочу объѣхать нѣсколько волостей и опросить на мѣстѣ, какъ они относятся къ общинѣ ⁵⁾). Второе засѣданіе будетъ въ концѣ сентября, во время земскаго собранія. Напишите мнѣ, что у насъ въ Обществѣ и что вообще новаго. Что музей? Искренно уважающій П. Гейденъ.

24 окт. 1902 г. с. Глубокое. Многоуважаемый Дмитрій Ивановичъ, только что вернулся изъ Свят. Горъ (могила Пушкина), гдѣ былъ наборъ. Но у меня разыгрался сильный ревматизмъ въ ногѣ и я сдалъ дальнѣйшій наборъ депутату (не представительнаго собранія) и ѣду черезъ день въ Петербургъ, гдѣ буду въ воскресенье, а въ понедѣльникъ, надѣюсь, Вы ко мнѣ завернете, тогда обо всемъ переговоримъ. Первые дни я можетъ быть не буду выѣзжать, а потому можно бы собраться у меня. Это вѣдь центрально. За что Милюкова посадили въ тюрьму? Это вѣдь, разумѣется, безъ суда, а по усмотрѣнію. Какая была ему охота возвращаться (изъ за границы) на такое усмотрѣніе. Интересно, чѣмъ кончится единоборство, о которомъ Вы пишете ⁶⁾). Все-таки изъ двухъ золь Сергѣй лучше. Съ

¹⁾ Рѣчь идетъ о недовольствѣ тогдашней редакціей изд. Обществомъ „Рус. Пч. Листка“. *Ред.*

²⁾ Завѣд. тогда статистич. бюро Подтавскаго губ. земства. *Ред.*

³⁾ О сельскохоз. промышленности. *Ред.*

⁴⁾ Оборудовавшемуся въ то время почвенному музею. *Ред.*

⁵⁾ Это и было затѣмъ сдѣлано графомъ П. А. Ред.

⁶⁾ Повидимому — гг. Горемыкина и Витте. *Ред.*

нимъ есть просвѣтъ. Всѣ теперешнія мѣры упорно толкають на революцію. Вашъ П. Гейденъ.

27 ноября 1902 г. Многоуважаемый Дмитрій Ивановичъ, пришлось опять отсрочить свой прїѣздъ въ Петербургъ и, вмѣсто начала, я прїѣду лишь въ концѣ октября и по всей вѣроятности останусь не менѣе 10 дней. Собрали ли Вы Совѣтъ и произошло ли избраніе редактора „Пчеловоднаго Листка“? Что музей Отоцкаго? Нельзя ли къ моему прїѣзду болѣе или менѣе выяснитъ вопросъ объ уплатѣ членскихъ взносовъ и приблизительно опредѣлитъ, на сколько этимъ путемъ сократилось число членовъ? Еще нѣсколько лѣтъ и останутся только пожизненные и почетные и еще живые неплатящіе. Я твердо увѣренъ, что Ермоловъ не двинетъ устава. Что слышно объ окончательномъ расчетѣ по Комитету Грамотности? Пошла ли наша жалоба въ Сенатъ или же идутъ на компромиссъ? Если ничего не знаетъ, то придется мнѣ идти узнавать. Здѣсь у насъ на дняхъ земское собраніе. Но мы такъ бѣдны людьми, что въ моемъ уѣздѣ ни земское собраніе, ни комитетъ ничего не выработаютъ. Я собиралъ крестьянъ въ пяти пунктахъ въ уѣздѣ и хотѣлъ узнать ихъ взглядъ на общину и на то, что есть ли кризисъ. Но община имъ неизвѣстна. Каждый смотритъ съ точки зрѣнія своего кармана. Многоземельный и малоземельный хочетъ удержать наследственное пользованіе. Малоземельный отецъ большой семьи требуетъ передѣла по душамъ. Владѣльцы покупныхъ земель—крестьяне—жалуются на лѣнь и раснущенность. Надъ всеми царитъ страшная черезполосица, вытекающая изъ зависти. Чтобы всѣхъ уравнять одинаковой по качеству земель—разбиваютъ ее на полосы, отъ 15 и даже до 50 въ каждомъ клину. Доходитъ до ширины въ 1½ арш. Объяви эти участки наследственными — (значитъ) закрѣпите это безобразіе и не оберетесь споровъ. Это впрочемъ будущность товариществъ крестьянскаго Банка. Другое, что царитъ—темнота и повальное недоверіе къ властямъ. У насъ мужикъ въ массѣ ничего не знаетъ, никому не вѣритъ и глабоко убѣжденъ, что во всемъ кроется подвохъ. Какія же при такихъ условіяхъ мѣропріятія частнаго характера? Если даже выполнить всю программу Витте, то и тогда темный мужикъ, ведущій буквально борьбу за существованіе и вѣчно занятый мыслью отбыть повинности, поддержать жизнь и остальное пропить, этотъ темный мужикъ такимъ же и останется. Его надо пробудить общими мѣрами, о которыхъ Мин. Внутр. Дѣлъ тщательно старается запретить говорить. Вычиталъ въ Berliner Tageblatt, что Сергѣй I ¹⁾ проѣхалъ Иркутскъ и ѣдетъ въ Манчжурію, Корею и, можетъ быть, Пекинъ. Почему русскимъ газетамъ запрещено объ этомъ говорить? Развѣ онъ будетъ дѣлать тамъ что-ниб. предосудительное? Или не хотятъ, чтобы русскіе города не позавидовали тому, что Дальній болѣе близокъ къ сердцу, чѣмъ коренныя русскія области? А слѣдовало бы лучше нами заняться прежде чѣмъ Манчжуріей. Правда ли, что нѣкто Кошкаревъ пишетъ книгу о выкупныхъ платежахъ? Если да, то вышла ли она и какъ ея заглавіе? Меня этотъ вопросъ очень интересуетъ. До свиданія черезъ мѣсяць. Искрен. уваж. П. Гейденъ.

8 апр. 1903 г. поч. отд. Григорьевское Смол. губ. Многоуважаемый Дмитрій Ивановичъ, поздравляю Васъ съ праздникомъ и очень благодарю за присылку статьи о Финляндіи.

Съ сожалѣніемъ читалъ, что дошли до того, что снабдили тамъ генер.-губ. чрезвычайными полномочіями, въ видахъ охраненія государственнаго порядка. Какъ грустно, что всѣ теперешнія мѣры направлены только къ охраненію государ. порядка, а не къ созданію прочнаго и подходящаго способа жизни и огражденія

¹⁾ Очевидно, С. Ю. Витте. *Ред.*

отъ произвола. Страха ради великій О. отчислился отъ должности. Куда же такого храбреца можно послать?

Я думаю прѣхать въ Петербургъ не позднеѣ 21-го, а потому прошу Васъ всеѣ засѣданія Совѣта Общ. Собр. назначить на недѣлѣ отъ 21 до 26 апр. Бумагу, испрашивающую согласіе на засѣданіе, дайте подписать Константину Константиновичу (Арсеньеву). Желаю Вамъ всего лучшаго. Искренно уважающій П. Гейденъ.

V.

Письма къ секретарю И. В. Э. Общества В. В. Хижнякову.

25-го іюня 1903 г. Ст. Звоны, Иск. губ. Многоуважаемый Василій Васильевичъ! На дняхъ писалъ Вамъ и послалъ въ Общество бумаги. Отвѣтъ Ермолова оставилъ у себя. Я писалъ Вамъ насчетъ засѣданія Совѣта—для меня всего удобнѣе было бы 2-е іюля. Если только возможно, назначьте этотъ день. Вы получите это письмо въ четвергъ, и я очень прошу васъ не позже пятницы утра телеграфировать мнѣ въ Опочку о днѣ засѣданія. Я 15-го долженъ уѣхать за границу. Мнѣ надо лѣтчиться и откладывать отъѣздъ невозможно. До скораго свиданія. Искренне уважающій П. Гейденъ.

5-го іюля 1903 г. Многоуважаемый Василій Васильевичъ! Подъ дѣломъ подшито мое первое прошеніе, поданное непосредственно въ Сенатъ и возвращенное 16-го октября 1901 г. Еще до того, т. е. до возвращенія я подалъ второе прошеніе непосредственно Министру Земледѣлія. Копію прошенія этого надо возстановить и подшить къ дѣлу съ отмѣткою, когда оно подано. При семъ двѣ бумаги, которыя прошу переписать и послать мнѣ на ст. Звоны не позже 9-го іюля изъ Петербурга. Уважающій Васъ П. Гейденъ.

18-го іюля 1903 г. Многоуважаемый Василій Васильевичъ! Завтра ѣду за границу и на первое время адресъ мой: Wiesbaden Deutschland postlagernd. Можетъ быть Вы мнѣ время отъ времени будете писать, чтобы сообщать о томъ, что дѣлается. На дняхъ послалъ Вамъ посылкой бумагу на имя Ермолова и жалобу въ Сенатъ. Другого ничего я не получалъ. Согласны ли Вы съ моей редакціей? Когда вернусь въ Россію въ ноябрѣ, постараюсь двинуть дѣло устава, хотя надежды мало. Засѣли въ болотѣ и никуда нельзя двинуться. Сообщите о ходѣ Вашихъ занятій по приведенію въ порядокъ дѣлъ. Искренно уважающій П. Гейденъ.

19-го іюля 1903 г. Ст. Звоны, Псков. губ. Многоуважаемый Василій Васильевичъ, только что вернулся въ деревню и нашелъ здѣсь посылку и письмо Ваше. Сегодня же посылаю бумаги С. На дняхъ буду писать Вамъ подробно и верну присланныя бумаги, теперь же два слова, чтобы сказать, что я вполне согласенъ на приглашеніе г. Ш. ¹⁾. Я буду въ Петербургѣ между 1-мъ и 6-мъ іюля и прошу Васъ въ любой день назначить Совѣтъ. Необходимо обсудить бумагу Ермолова объ имуществѣ Комитета Грамотности. Уважающій Васъ П. Гейденъ.

Wiesbaden, Holdroyal. 3-го (16-го) авг. 1903 г. Многоуважаемый Василій Васильевичъ, вчера вечеромъ получилъ Ваше письмо отъ 29-го и сегодня посылаю при семъ обѣ подписанныя бумаги. Послали ли Вы бумаги, которыя я послалъ Вамъ передъ отъѣздомъ изъ Россіи и не слышали ли Вы что-нибудь объ ихъ судьбѣ? Занимается ли П. ²⁾ дальнѣйшей разработкой нашихъ плановъ? Я по

¹⁾ Новый письмоводитель. *Ред.*

²⁾ Приглашенный Обществомъ архитекторъ. *Ред.*

всей вѣроятности пробуду здѣсь еще около мѣсяца. Изъ деревни мнѣ пишутъ, что идутъ постоянно дожди и погода вообще неблагопріятная.

Здѣсь же чудная погода и бываетъ жара, какъ у насъ лѣтомъ. Не оставляйте меня безъ извѣстій объ Обществѣ. Искренно уважающій П. Гейденъ.

Висбаденъ. 24-го авг. (6-го сент.) 1903 г. Многоуважаемый Василій Васильевичъ, въ началѣ моего пребыванія здѣсь я получилъ Ваше письмо съ приложеніемъ бумагъ для подписи, которыя Вамъ и вернулъ при отвѣтномъ письмѣ. Съ тѣхъ поръ отъ Васъ никакихъ извѣстій не получалъ. Не знаю даже, дошли ли бумаги? Условія моего пребыванія за границей нѣсколько видоизмѣнились. Вслѣдствіе болѣзни моей матушки, мнѣ необходимо вернуться на нѣкоторое время въ Петербургъ и я по всей вѣроятности буду тамъ около 8-го сент. Остановлюсь я на первое время на Моховой, д. 27, кв. 45. Пробуду я въ Петербургѣ никакъ не менѣе 3 недѣль. Можетъ быть возможно будетъ собрать въ это время Общее Собраніе? Какъ идетъ разработка плана дома? Бывшій недавно пожаръ въ Будапештѣ наводитъ на мысль, что не всегда полицейскія требованія обезпечиваютъ безопасность, что можетъ быть при такой глубинѣ дома однихъ воротъ мало и что надо провѣрить, обезпечиваютъ ли строительныя требованія будущихъ жителей.

Въ газетахъ недавно было письмо, которое я подписалъ для обращенія къ разнымъ лицамъ и учрежденіямъ, но не для газетъ. Въ данномъ случаѣ я ничего не имѣю противъ его обнародованія, но вообще было бы правильнѣе, чтобы это предварительно обсуждалось. Очевидно, это Н. сдѣлалъ отъ лишняго усердія. Откуда тоже шло извѣстіе о разсмотрѣніи ходатайства передъ Мин. Внутр. Дѣлъ объ ускореніи уставнаго вопроса? Какъ идетъ изданіе по Народн. Образов.? Я ставлю Вамъ вопросы, но, очевидно, получу на нихъ отвѣтъ лишь въ Россіи. До скораго свиданія. Я отсюда черезъ 5—6 дней, отвезу жену на югъ и приѣду въ Россію. Искренно уважающій П. Гейденъ.

St. Margherita Ligure. Italia. 12-го (25-го) окт. 1907 г. Многоуважаемый Василій Васильевичъ, Вы меня совсѣмъ забыли и не сообщаете о томъ, что у насъ дѣлается. Вскорѣ послѣ моего отъѣзда должно было быть Общее Собраніе по поводу постройки дома. Было ли оно и если да, то что оно рѣшило и какъ прошло? Нѣтъ ли вообще чего новаго? Какъ идетъ Ваша работа по приведенію въ порядокъ дѣлъ и что сдѣлала коммиссія по приведенію въ ясность нашей кладовой. Какъ я Вамъ уже говорилъ, я предполагаю быть въ Петербургѣ въ исходѣ ноября. Я Вамъ тогда недѣли за двѣ напишу. Мнѣ недавно попалась книга, которую, если ея въ нашей библіотекѣ нѣтъ, очень бы желательно приобрѣсти. Она обсуждаетъ вопросъ очень современный, объ уничтоженіи въ мелкомъ хозяйствѣ череполосицы и способъ объединенія мелкихъ участковъ въ болѣе крупныя. Въ ней собраны свѣдѣнія о томъ, какимъ путемъ и какими законодательными актами это объединеніе произошло въ разныхъ странахъ. Это чрезвычайно полезная справочная книга по этому вопросу. Выписываю при семъ ея заглавіе. Сообщите ее Павлу Михайловичу и спросите, есть ли она въ библіотекѣ. Bruno Schlitte: Die Zusammenlegung der Grundstucke im ihrer Volkswirthschaftlichen Bedeutung und Durchfuhung. Leipzig. 1886 г. Искренно уважающій П. Гейденъ.

²/₁₅ ноября 1903 г. *St. Margherita Ligure.* Многоуважаемый Василій Васильевичъ, очень радъ былъ получить Ваше письмо отъ 19-го октября. Почта идетъ такъ медленно, что я только дня три тому назадъ его получилъ. Я собираюсь приѣхать въ Петербургъ 24 ноября стараго стиля, утромъ, и остановлюсь, Моховая, 27, на квартирѣ моей племянницы баронессы Фредериксъ и пробуду до 29-го вечера, т. е. 6 дней. Въ эти дни прошу Васъ назначить Совѣтъ и Общее Собраніе. На Совѣтъ можетъ быть понадобится два вечера изъ за большого числа вопро-

совь и сложности вопроса о домѣ. На Общее Собрание надо разослать повѣстки недѣли за двѣ и затѣмъ, я думаю, вторично повѣстку за три дня, чтобы не могли сослаться на слишкомъ большой промежутокъ. Вы безъ меня спросите разрѣшеніе и все устроите. Я прочелъ заявленіе Н. Г. Кулябко-Корецкаго. Заявленіе обь опасности въ пожарномъ отношеніи очень существенно. Онъ говоритъ, что сообщишь Вамъ копію и Вы знаете его доводы. Мнѣ лично первый прозектъ всегда болѣе нравился. Въ немъ зала была во дворѣ и подь нею книгохранилище на сводахъ (каменныхъ, а не на желѣзныхъ балкахъ). Противъ него возсталъ П. М. Богдановъ ¹⁾, говоря, что книги погибнуть отъ отсутствія свѣта. Но такъ ли это? Думаю, что, увеличивъ размѣръ оконъ и сдѣлавъ своды выше, можно этотъ недостатокъ вполне устранить. Зато вполне безопасно и зала не въ четвертомъ этажѣ. И то и другое очень существенно. Отпечатайте эту записку и разошлите ее членамъ Совѣта. Разумѣется, Вы можете вскрывать письма на мое имя. Вы ихъ покажете мнѣ по моемъ пріѣздѣ. Я только жду одно личное: изъ Москов. Губ. Земек. Управы. Мнѣ очень прискорбенъ отъѣздъ Отоцкаго ²⁾. Это большая потеря для нашего музея и кромѣ Т. не знаю къ кому обратиться. Онъ, разумѣется, лично Отоцкаго не замѣнить, не имѣя на это свободнаго времени, но можетъ взять на себя руководство и указать, кто можетъ вести дѣло ежедневно.

Относительно капиталовъ Энгельгардта и Котельникова мы, вѣдь, не спорили и если Котельниковъ еще никакого протеста не заявилъ, то, какъ бы это ни было прискорбно, надо отдать ³⁾. Но прежде наведите справку въ нашей жалобѣ въ Сенатъ. Знаете ли Вы, что мы обжаловали рѣшеніе министровъ, какъ несогласное съ Высочайшимъ повелѣніемъ, и все то, что обжаловано, исполнять не надо, пока не последуетъ указъ Сената? Вопросъ о сдачѣ дѣлъ кажется не затронуть въ жалобѣ, но фактически у насъ дѣлъ Комитета Грамотности нѣтъ, т. е. сколько я помню, намъ ихъ не сдавали изъ Комитета.

При переговорахъ съ Ермоловымъ онъ сказалъ, чтобы мы сдали то, что можно отдѣлить отъ нашихъ дѣлъ, а я отвѣтилъ, что то, что у насъ осталось, отдѣлить нельзя. Въ этомъ родѣ можно имъ отвѣтить. При свиданіи съ Фальборкомъ Вы выясните вопросъ въ этомъ направленіи. Что касается капитала Зурова, то нелѣпость отказа можно исправить ⁴⁾. Старый внукъ жертвователя Зуровъ состоитъ адъютантомъ Генер.-Адмирал. В. К. Алексѣя Алексѣевича. Ему можно написать, изложить все дѣло и указать, что если мы перестанемъ страховать (чего мы не обязаны дѣлать), то капиталъ сильно уменьшится послѣ тиража. Страхованіе же насчетъ самаго капитала такъ дорого, что придется платить болѣе чѣмъ билеты приносить. Въ виду этого спросить его согласія на продажу билетовъ, какъ это мы предположили. Если Вы такое письмо приготовите къ моему пріѣзду, то я его подпишу и поведу Зурова, котораго я знаю. Тогда съ его письменнымъ согласіемъ мы возобновимъ ходатайство ⁵⁾. По неку В. ⁶⁾ надо разспросить Фальборка. Онъ съ нимъ заключалъ условіе и знаетъ въ чемъ дѣло.

¹⁾ Библиотекаръ В. Э. Общества. *Ред.*

²⁾ Завѣдующій почвеннымъ музеемъ В. Э. Общества. *Ред.*

³⁾ Рѣчь идетъ о капиталахъ, принадлежавшихъ бывшему Комитету Грамотности, которые В. Э. Общество оспаривало у Общества Грамотности. *Ред.*

⁴⁾ Общество получило отказъ въ своемъ ходатайствѣ, касавшемся капитала, предназначеннаго для субсидированія (изъ процентовъ) Налюческаго училища. Ходатайство состояло въ томъ, чтобы вмѣсто выигранныхъ билетовъ, въ которыхъ заключенъ капиталъ, приобрести болѣе выгодныя процентныя бумаги. *Ред.*

⁵⁾ Ходатайство возобновлено не было. *Ред.*

⁶⁾ Брошюрочная, оспаривавшая правильность расчета съ ней. *Ред.*

Конкурсъ ¹⁾ намъ ничего не дастъ, т. к. столько же важно внутреннее расположеніе, какъ и виѣшность. А конкурсъ врядъ ли удовлетворитъ въ первомъ отношеніи. Очень радъ, что итогъ подсчета склада вѣренъ. Мнѣ не хотѣлось вѣрить недобросовѣстности покойнаго В. ²⁾ Очевидно, онъ записывалъ деньги, а списывалъ книги зря.—Но что оказалось съ порученіями? Сведены ли счета? Насчетъ измѣненія положенія Общества я настроенъ очень отрицательно. Я увѣренъ, что при теперешнемъ направленіи внутренней политики и дрябломъ характерѣ Е.—ничего нельзя будетъ достигнуть. Вѣдь кажется ясно, какъ Божій день, нашъ уставъ настолько отсталъ отъ всѣхъ современныхъ уставовъ, что его надо расширить ³⁾... Теперь нѣтъ гражданскихъ убѣжденій, а вездѣ пошелъ хамъ. И хамы ведутъ, не вѣдая того, Россію къ погибели. Не можетъ человѣкъ зависимый имѣть честныхъ и смѣлыхъ убѣжденій. Не можетъ кастрированное общество полезно работать. Но пока свободу смѣшиваютъ съ революціей, ничего путнаго не выйдетъ. Искренно уважающей П. Гейденъ.

Пятница 19 декабря 1903 г., г. Псковъ. Многоуважаемый Василій Васильевичъ, только что получилъ Ваше письмо и возвращаю депешу, которую подписалъ ⁴⁾. Одно время хотѣлъ замѣнить слово „восторженномъ“ другимъ болѣе скромнымъ. Насъ было мало и восторгъ былъ не шумный. Но не нашелъ соответствующаго слова. Очень радъ, что Отецкій вернется. Очень бы хотѣлось сгладить неприятное впечатлѣніе П. ⁵⁾ Надо бы скорѣе составить соображеніе о цѣнѣ экспертизы. Затѣмъ слѣдовало провести экспертизу по вопросамъ, а не по всему проекту въ совокупности. Сколько я не говорилъ съ архитекторами, всѣ говорятъ, что нѣтъ того проекта, который бы нельзя было раскритиковать. Вамъ пришлютъ бланки въ члены Общества бар. В. и З. Нельзя ли дополнить до необходимаго числа подписей. Искренно уважающей П. Гейденъ.

3 января 1904 г., с. Хмьлита. Многоуважаемый Василій Васильевичъ, уѣхавъ по окончаніи земскаго собранія въ Римъ, я въ день пріѣзда туда пустился съ моею дочерью въ обратный путь, получивъ извѣстіе о тяжелой болѣзни ея мужа здѣсь, въ деревнѣ. Теперь опасность миновала. Но мнѣ надо пробывать здѣсь еще нѣкоторое время и я рѣшилъ, что не стоитъ мнѣ опять уѣзжать теперь за границу и до февраля я остаюсь въ Россіи. Такимъ образомъ во второй половинѣ января, между 20 и 29 буду въ Петербургѣ. Можно созвать общее Собраніе. Сообразите и рѣшите, когда это сдѣлать. Съ недѣлю я еще пробуду здѣсь. Почтовый адресъ—Григорьевское почтовое отдѣленіе Смоленской губ., Телеграфный—Григорьевское. Отвѣчайте скорѣе. Когда рѣшу день отъѣзда, то сообщу слѣдующій адресъ. Что новаго? Искренно уваж. П. Гейденъ.

6 февраля 1904 г., г. Псковъ. Многоуважаемый Василій Васильевичъ предположеніе мое вернуться въ Петербургъ не осуществилось и, кончивъ сегодня всѣ мои дѣла во Псковѣ (двор. и земское соб.), я уѣзжаю въ Римъ (Via Nazionale, Hôtel de la Paix). Мнѣ очень жаль, что обстоятельства, чисто личныя, вынуждаютъ меня уѣхать и я долженъ обратиться къ Вамъ съ просьбой, чтобы А. С. ⁶⁾ собралъ Совѣтъ безъ меня. Надѣюсь, что и статистическая коммиссія

¹⁾ Предлагавшіяся нѣк. членами Общества для выработки плана предполагаемой постройки новаго дома Общества. *Ред.*

²⁾ Письмоводителя. *Ред.*

³⁾ Опущены рѣзкія выраженія по адресу живущихъ еще лицъ. *Ред.*

⁴⁾ Депеша къ графу Л. Н. Толстому съ извѣстіемъ объ избраніи его почетнымъ членомъ В. Э. Общества. *Ред.*

⁵⁾ Архитектора, выработывавшаго проектъ новаго дома Общества. *Ред.*

⁶⁾ Вице-президентъ А. С. Фаминцынъ. *Ред.*

найдетъ возможнымъ разрѣшить вопросъ, усложнившійся по поводу высылки Фальборка и Чарнолукаго. Вѣдь я имъ (Коммисіи) особой пользы не принесетъ бы. Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга я писалъ Вамъ о свиданіи своемъ съ гр. Кутайсовымъ ¹⁾. Одно, что меня беспокоитъ—это вопросъ о постройкѣ дома. Нельзя ли попросить А. В. ²⁾ собрать коммисію и обсудить, что дѣлать. Напишите мнѣ въ Римъ. Въ Россію я вернусь въ апрѣль. Наше дворянское собраніе привело меня въ уныніе. Сословіе желаетъ быть первенствующимъ, а политическаго смысла и пониманія окружающихъ условій у него нѣтъ. Оно не только величина даже не нулевая, а отрицательная. Сердечный привѣтъ и искреннее уваженіе. Вашъ П. Гейденъ.

10/23 апр. 1904 г. Римъ. Via Veneto Palace Hotel. Только что получилъ Вашу депешу, многоуважаемый Василій Васильевичъ, и Вамъ отвѣчаю, что пробуду здѣсь двѣ недѣли и затѣмъ направлюсь въ Россію, гдѣ буду у себя въ деревнѣ около 6 мая, а около 20 приѣду въ Петербургъ. Очень сожалѣю, что мое письмо пропало, и вслѣдствіе этого я лишень былъ удовольствія имѣть объ Васѣ извѣстія. Я чуть ли даже не два письма послалъ и, не получая ни слова, послалъ освѣдомиться. Что-то дѣлается у Васъ? Все такъ печально, что и думать грустно. Сообщите, что у Васъ дѣлается? Гдѣ А. В.? Двинулось ли дѣло дома? Мнѣ такъ жаль, что я все это время былъ вполне бесполезенъ Обществу. Но здоровье жены принудило меня скорѣе уѣхать и задерживаетъ заграницей. Искренно преданный П. Гейденъ.

Римъ 15/28 апр. 1904 г. Via Veneto Palace Hotel. Многоуважаемый Василій Васильевичъ, вчера получилъ Ваше письмо. Все, что Вы пишете, крайне печально и я очень жалѣлъ, что меня нѣтъ въ Петербургѣ. Меня Е—въ не удивляетъ. Онъ имѣетъ прискорбную способность быть барометромъ чужихъ настроеній при собственной полной безличности. Но чего надо другимъ въ ту минуту, когда общество бездѣйствуетъ? Вѣдь пора понять, что уставъ ничего не измѣнить въ общемъ настроеніи Россіи и что причина того, что они зовутъ смутой, не въ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ, которое только *Nebensache*. Ну, да что объ этомъ говорить. Не стоить много говорить о такихъ элементарныхъ вещахъ. Въ виду того, что Вы пишете, я измѣню свой маршрутъ и приѣду въ Петербургъ прямо изъ заграницы, не позже нашего 6 мая. Я, къ сожалѣнію, не могу быть раньше. Мнѣ невозможно оставить жену путешествовать безъ меня, но я, не заѣзжая въ деревню, проѣду въ Петербургъ. О времени приѣзда я Васъ извѣщу отсюда—выѣду 25 нашего и, по той же причинѣ здоровья жены, поѣду не съ одного раза, а остановлюсь дорогой. Если будетъ что сообщить, то около 1/14-го мая адресуйте Berlin Friedrichstrasse Savoy Hôtel bei Durchreise abzugeben. Надѣюсь, что ничего дурного не произойдетъ. Искренно преданный П. Гейденъ.

18 мая 1904 г. Вторникъ, г. Псковъ. Многоуважаемый Василій Васильевичъ, только что отправилъ депешу, какъ получилъ Ваше письмо. Вы говорите, что надо два засѣданія Совѣта и, очевидно, понадобится еще одно засѣданіе Общ. Собранія. Въ виду этого врядъ ли 29 удобно, а потому прошу Васъ одинъ Совѣтъ созвать на 22, другой на 24, а Общее Собраніе на 25. Мнѣ бы удобнѣе было второй Совѣтъ на воскресенье 23, а Общ. Собр. на 24. Но возможно ли это? Только что принесли Вашу депешу, что Вы созываете на 29. Но не смотря на то, что это мнѣ удобнѣе, но при этомъ ни на второй Совѣтъ, ни на Общ.

¹⁾ По поводу высылки Г. А. Фальборка въ Иркутское генераль-губернаторство. *Ред.*

²⁾ Казначей Общества А. Б. Враскаго. *Ред.*

Собрание времени не будетъ, а потому рѣшаюсь перенести на 22 и слѣдующіе дни. Отвѣчайте мнѣ депешей, адресуя просто Псковъ. Я уже тогда посвящу Обществу дни четыре, пять подрядъ, если только это необходимо и нельзя все сосредоточить на суб. 22, воскр. 23 и понедѣльн. 24. Надѣюсь, что это устроится Искренно уважающій П. Гейденъ.

22 іюня 1904 г. Ст. Званы, Псковск. губ. Многоуважаемый Василій Васильевичъ, только что получилъ Ваше письмо, присланныя книги и письма. Одно изъ нихъ при семъ возвращаю съ подписью для довѣренности. Другое у меня. Очень радъ, что кончили съ „Народной Пользой“ ¹⁾ и жалѣю, что сдали картины ²⁾. Нельзя ли какъ нибудь узнать въ Сенатѣ, представилъ ли туда Ермоловъ мою жалобу.

Къ счастью извѣстія иностр. газетъ со словъ Того, отъ которыхъ убережены были дѣйствительныя глаза и уши россиянь, оказались невѣрными. Правда, что и Того сказалъ „повидимому потонули“, такъ было передано Berliner Tageblatt. Очевидно, Того руководствуется анекдотомъ о Суворовѣ, который на вопросъ, сколько показать убитыхъ турокъ, отвѣтилъ: „Пиши больше, нечего ихъ жалѣть нехристей“. Но депеша изъ Портъ-Артура, привезенная миноносцемъ „Лейтенантъ Вураковъ“, говорить объ отсутствіи потерь. Надо сказать, что и заграничныя депеши не вполнѣ вѣряютъ японскому адмиралу. Мы теперь скромны. Довольны, когда у насъ вѣтъ потерь. И то хлѣбъ. Я радъ, что устраиваютъ С. ³⁾, хотя очевидно у меня и у Министрства разные источники радости. Онъ былъ неприличенъ въ своихъ замѣткахъ. Кого же теперь навяжутъ бѣдному N ⁴⁾?

Если не громить враговъ вышнихъ, то усердно поражаютъ враговъ внутреннихъ. Была злополучная книга, изданная Рубакинымъ „За родину“ (кстати наблюдайте, чтобы она не шла въ даровую рассылку). Ее запретили и все изданіе скупили. Но то же непослѣдовательное цензурное вѣдомство годъ тому назадъ вновь ее разрѣшило „Донской Рѣчкѣ“ подъ названіемъ „Марсельца“ и черезъ полгода вновь запретило, но секретно. Секретъ этотъ наша Уѣзди. Управа не знала и одинъ учитель, продавая ее изъ склада Управы—подарилъ ее пяти выпускнымъ ученикамъ. Требуя увольненія учителя — но секретнымъ предложеніемъ къ Директору Народныхъ Учдлицъ. Нашъ училищный Совѣтъ не соглашается принять къ исполненію секретное и не въ законныхъ путяхъ направленное предложеніе — къ тому же обрушивающееся на человѣка за то, главнымъ образомъ, что онъ не зналъ чужого секрета. Но я себя спрашиваю, какъ это случается, что запрещаютъ и вновь разрѣшаютъ и опять запрещаютъ. С. ⁵⁾ можетъ еще лицемѣрно прикинуться однимъ и показать себя другимъ. Книга же отъ измѣненія заглавія не мѣняется. Такія дѣйствія только раздражаютъ и кромѣ вреда ничего не приносятъ. Другого учителя заподозрѣваютъ за то, что онъ даетъ совѣты своимъ сослуживцамъ читать ту, а не другую статью—въ журналахъ. Совѣтъ какъ обвиненія Рубакина въ составленіи тенденціозныхъ каталоговъ изъ книгъ, разрѣшенныхъ къ чтенію. Правда, кто то обвинялъ сваш. Петрова, что онъ въ своихъ сочиненіяхъ рѣдко упоминаетъ имя Бога. Когда вернется, напишите мнѣ. Буду въ Петербургѣ не ранѣ августа. Искренно уважающій П. Гейденъ.

13 авг. 1904 г. ст. Званы, Псков. губ. Многоуважаемый Василій Васильевичъ, собирався въ Петербургъ въ концѣ августа, но врядъ ли мнѣ это удастся

¹⁾ Типографія, печатавшая изданіе Общества „Нач. Нар. Обр. въ Р.“ *Ред.*

²⁾ Коллекція народныхъ картинъ, пожертвованная быв. Комитету Грамот. А. М. Калмыковой. *Ред.*

³⁾ Извѣстнаго журналиста изъ извѣстной въ то время газеты. *Ред.*

⁴⁾ Издатель упомянутой газеты. *Ред.*

⁵⁾ Упомянутый выше извѣстный журналистъ. *Ред.*

Одно время мы со дня на день ожидали мобилизации, и мнѣ, какъ предѣлatelyю мѣстнаго воинскаго присутствія, невозможно было отлучиться. Теперь на время успокоены на этотъ счетъ, но ждемъ конской мобилизации, которая будто бы будетъ въ концѣ этого мѣсяца. Нѣсколько не понимаю ея цѣли, т. к. странно посылать въ Манчжурію лошадей изъ Псковской губ., когда восточныя губерніи съ болѣе дешевыми лошадьми гораздо ближе. Но все возможно. Но въ началѣ сентября навѣрное прїѣду. Будьте добры сообщить мнѣ, что у насъ новаго и не возникла ли какая нибудь непредвидѣнная неожиданность. Казалось бы, что при такомъ мрачномъ горизонтѣ и масѣ серьезныхъ вопросовъ, нечего заниматься такимъ мелочнымъ вопросомъ, какъ уничтоженіе нашего устава—но все возможно. Бывшій мой инспекторъ классовъ въ дни моей молодости говаривалъ, что „бываетъ иногда то, что никогда не бываетъ“. Въ иностранныхъ газетахъ прошелъ слухъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія. Но наши газеты молчатъ. Разумѣется, лучше поздно, чѣмъ никогда. Мѣра эта, принятая нѣсколько лѣтъ тому назадъ, была бы прївѣтствована съ радостью. Теперь же общественная совѣсть фактически почти что отмѣнила это наказаніе, о которомъ даже закоренѣлые люди не рѣшаются говорить, и отмѣна его утратитъ значеніе свѣтлой реформы. Я не читаю „Моск. Вѣд.“, но судя по газетамъ, что за гнусности онѣ пишутъ.—У насъ дождь льетъ неустанно, хлѣба не зрѣютъ, а та малая часть, что можно бы снять, мокнетъ. Время посѣва давно наступило, а снять и нельзя, и нечѣмъ. Не знаю, что будетъ. Такой бѣды давно не было. До свиданія въ сентябрѣ. Искренно уважающій П. Гейденъ.

21 авг. 1904 г. Суб. Многоуважаемый Василій Васильевичъ, вчера получилъ Ваше письмо безъ числа и № 1 „Трудовъ“. Мнѣ очень жаль, что мнѣ возможно прїѣхать въ Петербургъ именно тогда, когда Вамъ это кажется неудобно. Какъ я, кажется, писалъ Вамъ, у насъ идутъ мобилизации и людская и конская. Первая только предвидится, а для второй уже дѣлаютъ приготовленія, и я этимъ связанъ. Во второй половинѣ сентября у насъ обычный уѣздный сѣздъ, который я не могу пропустить, потому что у насъ новый уѣздный членъ Округ. Суда, очень милый человѣкъ, но докторъ по профессіи, ничего не понимающій въ крестьянскихъ отношеніяхъ. Кромѣ того въ концѣ сентября земское собраніе. Я выѣду 2 или 3 сент. и пробуду числа до 10—11, увы—именно тѣ дни, которые Вы назначаете для своего отсутствія. Какъ тутъ быть? Не могли ли бы Вы измѣнить свой планъ? Мнѣ, къ сожалѣнію, это невозможно. У меня будетъ одинъ свободный день и въ октябрѣ. Числа 5-го я кончу земское собраніе, 15 окт. мнѣ надо быть на наборѣ и въ эти 10 дней побывать въ Псковѣ на засѣданіи крестьянской комиссіи. Такъ что одинъ день могу выкроить. Но въ сентябрѣ я во всякомъ случаѣ буду. Жду Вашего отвѣта. Сообщите, что новаго. Пока безминистерское время ничѣмъ ни на чемъ не отвывается. Что наши ссыльные? ¹⁾ Кто подошелъ подъ манифестъ? Искренно уважающій. П. Гейденъ.

26 августа. Многоуважаемый Василій Васильевичъ, спѣшу Васъ увѣдомить, что 9 сентября вечеромъ можно назначить засѣданіе и что я въ этотъ день вечеромъ буду находиться въ Петербургѣ. Я по всей вѣроятности прїѣду раньше и надѣюсь увидѣть Васъ въ засѣданіи. Вашъ П. Гейденъ.

8 окт. 1904 г. Многоуважаемый Василій Васильевичъ, ѣду на 4 дня до 12-го вечера во Псковъ, гостин. „Лондонъ“. Увы, въ Петербургъ ранѣе первой половины ноября не попаду. Только что кончилъ земское собраніе, теперь въ Псковѣ крестьянская комиссія, а потомъ наборъ. Напишите, что у Васъ дѣлается. Если скоро, то адресуйте во Псковъ, а не то въ Званы. Что новаго? Вашъ П. Гейденъ.

¹⁾ Рѣчь идетъ о нѣсколькихъ высланныхъ членахъ Общества. *Ред.*

12 окт. 1904 г. Псковъ. Многоуважаемый Василий Васильевичъ, получилъ Ваше письмо и, вполне признавая Ваши доводы, урву въ концѣ октября 2 дня и прїѣду въ Петербургъ, по всей вѣроятности на 29 и 30. Узнайте мнѣ, пожалуйста, въ какіе дни принимаетъ Мирскій ¹⁾ и сообщите въ Опочку, гдѣ я буду на наборѣ. Дней за пять до прїѣзда я извѣщу Васъ точно о днѣ и тогда можно назначить засѣданіе Совѣта. Вторично прїѣду въ Петербургъ на недѣлю въ концѣ ноября. Желаю Вамъ всего лучшаго. Искренно уважающій П. Гейденъ.

16 ноября 1904. Многоуважаемый Василий Васильевичъ, составилъ проектъ письма на имя Мирскаго, списалъ его, не успѣвъ перечестъ и Вамъ посылаю. Сглаďte шероховатости, вставьте года и числа, и прочее, и, если все существенное изложено—то скажите переписать къ моему прїѣзду. Думаю быть 20 или 21. Когда юбилей Стебута—гдѣ и въ которомъ часу? Будетъ ли онъ въ виду болѣзни юбиляра? Телеграфируйте мнѣ тотчасъ же отвѣтъ въ Опочку, почт. ст. Званы. Если Вы отправите не позже ранняго утра 18, то я получу. До свиданія. Искренно уважающій П. Гейденъ.

(Безъ даты). Нельзя ли мнѣ получить возможно скорѣе уставъ съ указаніемъ проектированнаго измѣненія и копию моего письма Государю. Я говорю о второмъ письмѣ по поводу обвиненій, на насъ взведенныхъ, и послѣ котораго была учреждена комиссія Островскаго.

Я былъ у М., онъ говорилъ съ Ер. ²⁾, который сказалъ, что онъ еще не вполне знакомъ съ дѣломъ и на дняхъ ознакомится и съ нимъ будетъ говорить.

9 декабря 1904 г. с. Глубокое, ст. Званы. Многоуважаемый Василий Васильевичъ, давно не писалъ Вамъ. Главная причина та, что я рѣшительно не зналъ предстоящаго мнѣ распредѣленія времени и все мои проекты ежеминутно мѣнялись. Къ тому же, вернувшись изъ Опочки сюда, послѣ двухдневнаго засѣданія Войск. Присутствія, я заболѣлъ инфлюэнцей и бронхитомъ и съ 4 дек. сижу въ комнатѣ и даже не попалъ на мобилизацію. Къ счастью намъ удалось провести то, что, призывая съ узда всего 50 запасныхъ пѣхоты, Войсковому Начальнику позволили не склигать весь запасъ пѣхоты (2500 ч.) для выбора, а разрѣшили выдѣлить одиночекъ и много рабочихъ отъ другихъ. Мы вотъ этимъ и занимались два дня, сдѣлавъ надписи о составѣ семьи на всехъ призывныхъ карточкахъ. Такъ что въ эту мобилизацію вызвано всего 240 одиночекъ, а все прочіе не тронуты и провѣрка будетъ лишь относительно тѣхъ, которые будутъ возражать противъ надписи. По всей вѣроятности жалобъ будетъ мало, такъ какъ приняты были мѣры къ предварительной провѣркѣ списковъ. Но я сижу дома и даже пригласилъ къ себѣ доктора, чего со мной почти никогда не случается. Мнѣ дали аспиринъ и я глотаю его по 0,5 четыре раза въ день и, благодаря ему, температура съ 38¹/₂ упала въ первый же день, третьяго дня на 37,3 вечеромъ и такъ держится еще теперь. Я постоянно въ испаринѣ и кашель. Но чувствую себя уже лучше и, надѣюсь, 12-го отсюда выѣду, такъ что 14 вечеромъ Вы бы могли назначить Общее Собраніе. 15-го я попытаюсь повидать Мирскаго, а вечеромъ уѣду во Псковъ, гдѣ у меня, подъ моимъ предсѣдательствомъ, засѣданіе двухъ соедин. подкомиссій съ крестьянами-статистами, которыхъ надо превратить въ говорящихъ актеровъ.—Никола ничего не принесть ³⁾. Когда то надумаются что-нибудь сдѣлать? Давно пора. Искренно уважающій П. Гейденъ.

¹⁾ Кн. Святополкъ-Мирскій—новый министръ внутр. дѣлъ. „Доводы“ касались необходимости воспользоваться наступившими сравнительно благоприятными общими условиями для возобновленія хлопотъ по „уставному“ вопросу Общества. *Ред.*

²⁾ Министръ Земледѣлія и Гос. имущества А. С. Ермоловъ. *Ред.*

³⁾ Рѣчь идетъ объ ожидавшихся тогда общеполитическихъ актахъ. *Ред.*

1 февр. 1905 г. Псковъ. Очень радъ былъ получить Ваше письмо, многоуважаемый Василий Васильевичъ. Сердечно радуюсь Вашему возвращенію въ Общество 4). Печально жить при порядкахъ, допускающихъ возможность арестовъ лицами, не несущими никакой отвѣтственности за свои дѣйствія. Я все еще прикованъ здѣсь къ земскому собранію. Сегодня или завтра по всей вѣроятности рѣшится вопросъ, когда оно кончится. Тогда я телеграфирую Вамъ точно день своего пріѣзда. Такъ какъ я пройду черезъ деревню, гдѣ проведу два дня, то Вы успеете заблаговременно созвать Совѣтъ. Искренно преданный П. Гейденъ.

8 марта 1905 г. Григорьевское поч. отд. Смол. губ. Многоуважаемый Василий Васильевичъ, вчера телеграфировалъ Вамъ, прося сообщить, что новаго. Жена заболѣла и я, къ сожалѣнію, въ эту минуту не могу выѣхать. Но при первой возможности постараюсь это сдѣлать. Надѣюсь числа 15—16 быть въ Петербургѣ. Что тамъ дѣлается? Въ Манчжуріи такъ тихо, что уже такого плохого и недѣля было ждать. Откровенный путь реформъ и гласное ихъ обсужденіе—успокоило бы умы. Изъ Орловской губ. изъ деревни мнѣ пишутъ, что по соедѣству съ Курской, Орловской и Черниговской губ. разгромили рядъ усадебъ. Вы объ этомъ уже читали. Но кромѣ того, въ 30 верстахъ отъ меня, въ Дмитров. уѣздѣ Орловской губ., разнесли усадьбу и хозяйство покойнаго В. Кн. Сергія. Пока у меня тамъ спокойно. Но надолго ли? Причины волненій самыя разнообразныя. Часто приходятъ со стороны толпою и принуждаютъ участвовать въ грабежѣ. Въ общемъ я думаю, что это все тожь—недовольство общимъ положеніемъ. Рѣшивъ день отъѣзда, Вамъ телеграфирую. Искренно преданный П. Гейденъ.

16 февраля 1906 г. Москва. Многоуважаемый Василий Васильевичъ, я собираюсь въ Петербургъ около 19 и буду тамъ 20-го. Сейчас же сообщу Вамъ о пріѣздѣ. Останусь я дней 7, слѣдовательно, располагайте всей недѣлей. Фальборкъ собирается устроить въ это же время общее собраніе Лиги Образованія. Надо только съ нимъ сговориться, чтобы не было въ одинъ и тотъ же день. Пишу ему сегодня же, адресуя въ Общество, такъ какъ адресъ его потерялъ. Не будете ли любезны сказать, наблюсти, чтобы письмо мое было доставлено. Отсюда ѣду домой и буду тамъ до отъѣзда. Вашъ П. Гейденъ.

18 февр. 1906 г. поч. отд. Глубокое Псков. губ. Многоуважаемый Василий Васильевичъ, на дняхъ писалъ Вамъ, что пріѣду въ Петербургъ 20-го и останусь около недѣли. Теперь, съ полученіемъ указа о ерокѣ созыва Думы, всѣ планы мои измѣнились, и въ виду ожидаемаго со дня на день назначенія срока выборовъ въ уѣздѣ, я не могу отсюда уѣхать. Необходимъ цѣлый рядъ предварительныхъ распоряженій и совѣщавій, и отъѣздъ мой въ эту минуту не мыслимъ. Мнѣ очень это жаль, но дѣлать нечего. Если Андрей Сергѣевичъ не приметъ на себя предѣлательствованіе, то это вполне легко и безпрепятственно исполнить или А. Б., или Н. Ф. Анненскій, которые уже не разъ предѣлательствовали. Сообщите, что у васъ дѣлается. Вашъ П. Гейденъ.

7 марта 1906 г. Поч. отд. Глубокое, Псков. губ. Многоуважаемый Василий Васильевичъ, Вы ни разу не отвѣтили на нѣсколько моихъ писемъ, которыя, надѣюсь, аккуратно до Васъ дошли. Я, къ сожалѣнію, не могъ пріѣхать въ Петербургъ, но все же интересуюсь дѣлами Общества и ничего не знаю. Вѣдь не различіе же нашихъ политическихъ взглядовъ можетъ обусловить Ваше молчаніе? Я полагаю, что Вы выше этихъ личныхъ мелочей, и политика въ Вашихъ глазахъ не вредитъ человѣку, отвѣтственному за дѣйствія, а не за мнѣнія. Въ надеждѣ, что я не ошибаюсь и что другія причины обуславливаютъ Ваше мол-

4) Последъ ареста въ январѣ, продолжавшагося двѣ недѣли. *Ред.*

чаніе, я надѣюсь, что Вы постараетесь ихъ устранить и мнѣ отвѣтите. Прилагаю при семъ письмо, которое надо передать въ Лигу Образованія и попросить отвѣтить. Вчера прочелъ отчетъ о первомъ засѣданіи Лиги и очень пожалѣлъ, что г. Н. сорвалъ болѣе подробныя обсужденія хорошаго дѣла. Я говорю сорвалъ, потому что не было ни малѣйшаго основанія вносить предложеніе совершенно иного характера чѣмъ тѣ, которыя подлежали обсужденію. Можетъ быть онъ вспомнилъ того римлянина, который ксати и не ксати говорилъ о необходимости разрушить Карфагенъ. Но тотъ вѣдь только высказывалъ мнѣніе, но резолюціи не требовалъ. Между тѣмъ, идя по стопамъ Н. можно было вынести резолюцію и объ учредительномъ собраніи и о равной, прямой и прочее. Все это хорошо, но къ дѣлу не шло и принесло только вредъ. Но для этого нуженъ политическій тактъ, а не одинъ задоръ и глубокое убѣжденіе. Можетъ быть и въ этомъ я отстаю, но я думаю, что народъ идетъ впередъ не вутромъ, а зрѣлымъ разсудкомъ. Я искренно желаю моей родинѣ движенія впередъ и проникновенія въ массы истиннаго понятія о свободѣ. Искренно преданный П. Гейденъ 1).

¹⁾ Переписка прервалась, такъ какъ В. В. Хижняковъ въ началѣ марта уѣхалъ на военную службу. *Ред.*

Отклики печати на смерть П. А. Гейдена.

Ниже помѣщены статьи и замѣтки, появившіяся въ печати послѣ смерти графа П. А. Гейдена. Редакція не дѣлала подбора, а воспользовалась всѣмъ тѣмъ, что было въ ея рукахъ. Статьи, бывшія въ ежемѣсячныхъ журналахъ не перепечатаны вслѣдствіе ихъ большого объема, не использована вовсе и провинціальная печать, также какъ и столичная посвятившая покойному свои столбцы, проникнутые горемъ о происшедшей утратѣ.

„Русскія Вѣдомости“.

I.

Не стало чуднаго человѣка и замѣчательнаго дѣятеля.

Отличительными чертами общественно-политической дѣятельности покойнаго были культурность, чуткость и уваженіе къ мнѣнію противниковъ. Уважая мнѣніе другихъ, онъ внушалъ къ себѣ уваженіе всѣхъ видѣвшихъ и слышавшихъ его на общественныхъ собраніяхъ, къ какимъ бы политическимъ партіямъ они ни принадлежали.

Либераль въ лучшемъ смыслѣ этого слова и убѣжденный конституціоналистъ, въ первой Думѣ онъ очутился на крайнихъ правыхъ скамьяхъ, и всѣмъ памятно полное достоинства его поведеніе въ неблагодарной и несвойственной ему роли лидера оппозиціи по отношенію къ болѣе лѣвому большинству Думы.

Я часто встрѣчался въ послѣднія пять лѣтъ съ графомъ на земскихъ сѣздахъ, на собраніяхъ политическаго кружка „Весѣда“ и участвовалъ съ нимъ въ депутаціи отъ земскаго сѣзда къ Государю 6-го іюня 1905 г.

Особенно часто мы встрѣчались съ нимъ на собраніяхъ „Весѣда“. Пріѣзжая изъ Петербурга или изъ Пекова, онъ былъ однимъ изъ самыхъ аккуратныхъ посѣтителей этихъ собраній, не смотря на то, что составъ ихъ былъ почти сплошь изъ молодыхъ людей, годившихся ему въ сыновья. Съ чисто юношескимъ жаромъ принималъ онъ участіе въ преніяхъ и своимъ убѣжденнымъ словомъ, своимъ нравственнымъ авторитетомъ имѣлъ огромное вліяніе на всѣхъ насъ. Въ своей терпимости къ мнѣнію молодежи, въ любви и уваженіи къ молодому поколѣнію, была его огромная заслуга; въ юношески молодой энергіи и горячности, соединенной съ преклоннымъ возрастомъ, заключалась его обаятельность.

Въ этомъ отношеніи невольно напрашивается сравненіе его съ покойнымъ княземъ А. А. Щербатовымъ, отличительными чертами котораго тоже были гражданское мужество, живой интересъ, не смотря на преклонность возраста, къ общественной жизни и неподдѣльное умѣніе быть молодымъ съ молодежью.

Добрымъ, задушевнымъ словомъ помянуть всѣ знавшіе покойнаго графа Петра Александровича, какъ его друзья, такъ и политическіе противники.

Завидная доля и знаменательное для характеристики покойнаго явленіе въ наше время политической розни и озлобленія. Да послужитъ же свѣтлый обликъ покойнаго идеаломъ всѣмъ намъ, имѣвшимъ счастье съ нимъ соприкасаться на общественномъ поприщѣ.

Кн. Пав. Долгоруковъ.

II.

Сегодня предають землѣ тѣло гр. П. А. Гейдена, и невольно является потребность еще разъ представить себѣ духовный обликъ покойнаго, одѣвнть смыслъ той утраты, которое понесло русское общество.

Всѣ, кто вступали въ общеніе съ покойнымъ, испытывали то обаяніе, которое производитъ искренняя и глубокая преданность свободѣ. Графъ П. А. Гейденъ былъ либераломъ въ самомъ лучшемъ, благородномъ и чистомъ смыслѣ этого слова. И этотъ либерализмъ былъ связанъ съ глубокимъ уваженіемъ къ человѣческому достоинству, тѣмъ и создавалась та рѣдкая терпимость, съ которой гр. П. А. относился къ разногласіямъ и которая его покидала только тогда, когда онъ сталкивался съ самодовольнымъ и тупымъ партійнымъ сектантствомъ. Вместе съ тѣмъ онъ брезгливо сторонился всякихъ теченій, въ которыхъ явнымъ или скрытымъ образомъ выражались сословныя и классовыя вождедвія. Гр. Гейденъ и по своему возрасту, и по происхожденію, и по воспитанію принадлежалъ старой Россіи, но немного было людей, которые съ такой ясностью сознали неизбежность перелома въ русской жизни и съ такимъ горячимъ сочувствіемъ привѣтствовали Россію новую. Для него это не былъ окончательный разрывъ, послѣ котораго остается *tabula rasa*, куда можно по произволу внести какія угодно письма; для него это было неизбежное развитіе, — смѣна ночи и дня, какъ картинно онъ выражался нѣсколько лѣтъ тому назадъ, доказывая необходимость перехода нашей родины къ режиму политической свободы. И именно принадлежа, такъ сказать, двумъ мірамъ, онъ имѣлъ такое значеніе въ эпоху, когда общество, раздробленное на партіи, всего болѣе нуждается въ объединяющихъ началахъ и въ людяхъ, которые ихъ могутъ выражать. И когда среди господствующаго хаоса, среди мучительной и безплодной борьбы, которая ведется анархией и реакціей противъ свободы и правопорядка, отъ насъ уходятъ люди, подобные гр. П. А. Гейдену, со всѣмъ его юношескимъ не смотря на возрастъ пыломъ, съ его пламенной преданностью свободѣ, съ подлиннымъ и благороднымъ патріотизмомъ, — еще тяжелѣе и мучительнѣе, кажется, переживаемый кризисъ.

С. Котляревскій.

„Московский Еженедѣльникъ“.

I.

Среди отшедшихъ въ вѣчность общественныхъ дѣятелей немного найдется людей, столь единодушно оплакиваемыхъ. Кончина графа Гейдена представляетъ крупное общественное горе. Это признается всѣми безъ различія партій.

Нѣтъ человѣка, который бы не признавалъ, что въ лицѣ почившаго мы утратили что-то безконечно все́мъ намъ дорогое, близкое. Теперь послѣ его смерти въ послѣдній разъ сказалась черта, всегда составлявшая его особенность — его рѣдкій даръ объединять людей.

Этимъ прежде всего опредѣляется его роль въ освободительномъ движеніи. На освободительныхъ земскихъ сѣздахъ онъ былъ почти безсмѣннымъ предсѣдателемъ. Его имя было гарантіей высокаго безпристрастія для всѣхъ партій. Ему всѣ вѣрили, на немъ всѣ могли сойтись. Это объясняется, конечно, прежде всего его личными качествами — замѣчательной прямою и благородствомъ его характера, его безусловной терпимостью, уваженіемъ къ чужимъ мнѣніямъ. Но въ немъ цѣнили вовсе не безличнаго предсѣдателя, а живую личность, которая стояла въ центрѣ конституціоннаго движенія, и для конституціоналистовъ олицетворяла общее все́мъ имъ знамя. Не даромъ графъ П. А. Гейденъ былъ поставленъ во главѣ земской депутаціи, представлявшей Государю въ іюнѣ 1905 г. Онъ былъ одинъ изъ достойнѣйшихъ выразителей общихъ стремленій всѣхъ русскихъ конституціоналистовъ.

Онъ выступалъ въ роли объединителя въ лучшую пору нашего конституціоннаго движенія, пока еще не обострились противоположности, впоследствии воплотившіяся съ одной стороны въ к.-д. партіи, съ другой стороны — въ „союзъ 17 октября“. Онъ до конца своей жизни остался вѣренъ той центральной, строго-конституціонной линіи, на которой онъ стоялъ съ самаго начала; и не его вина, если къ концу своей жизни онъ пересталъ объединять.

Въ первой Думѣ онъ стоялъ во главѣ той незначительной группы депутатовъ, которые правильно оцѣнили политическое положеніе, не переоцѣнивали силу народнаго представительства и сразу нашли единственный спасительный путь.

Если бы первая Дума также шла за графомъ Гейденомъ, какъ шли за нимъ раньше земскіе сѣзды, русское освободительное движеніе не испытало бы тѣхъ неудачъ, которая теперь поставила на край гибели конституцію. Первая Государственная Дума и сейчасъ сидѣла бы прочно на своихъ мѣстахъ, проводила въ жизнь великія, благодѣтельные реформы.

Графъ Гейденъ былъ наиболѣе яркимъ, благороднымъ представителемъ той идеи мирнаго обновленія, которая имѣла огромный успѣхъ, какъ *направленіе*, хотя и не имѣла успѣха въ качествѣ политической партіи. Успѣхъ направленія графа Гейдена сказывается какъ нельзя лучше въ томъ, что во второй Думѣ кадеты съ примыкающими къ нимъ депутатами завяли позиціи чрезвычайно близкія къ тѣмъ, какія онъ занималъ въ первой Думѣ.

Онъ умеръ какъ разъ въ то время, когда такіе люди, какъ онъ, особенно нужны Россіи. Теперь, когда важнѣйшая очередная задача, выдвинутая жизнью, заключается въ сдѣленіи центра, въ осуществленіи конституціоннаго строя, въ охраненіи конституціонныхъ началъ противъ посягательства справа и слѣва, онъ снова занялъ бы свое прежнее мѣсто въ центрѣ конституціоннаго движенія. Въ самый критическій моментъ государственной жизни — не стало объединителя русскихъ конституціоналистовъ. Они утратили человѣка, наиболѣе достойнаго стать ихъ знаменосцемъ.

Но если насъ не будетъ впредь одушевлять его живой примѣръ и его живое слово, то пусть же насъ объединитъ его завѣщанное намъ дѣло.

Кв. Евгений Трубецкой.

II.

Ушедшій отъ насъ въ такой критическій моментъ гр. П. А. Гейденъ былъ живымъ примѣромъ и живымъ укоромъ своему времени.

Я, подобно многимъ другимъ, зналъ графа съ тѣхъ поръ, что онъ занялъ кресло президента Вольнаго Экономическаго Общества, и по мѣрѣ того, какъ расширялось поле дѣятельности покойнаго, фигура замѣчательнаго старца на глазахъ всѣхъ, знавшихъ его, росла. И она росла именно потому, что въ своей сущности покойный оставался непреклонно вѣрнымъ себѣ.

Когда расцвѣтало Вольное Экономическое Общество и расширялся подъ его эгидой умершій насильственной смертью комитетъ грамотности, неслучайно во главѣ этихъ учреждений оказался гр. П. А. Гейденъ. Для нихъ нуженъ былъ человекъ, въ которомъ съ вѣчнымъ авторитетомъ соединялся бы огромный моральный вѣсъ. Таковъ былъ гр. Гейденъ.

Подъ желѣзнымъ обручемъ стараго порядка, въ Вольн. Эконом. Обществѣ и въ Комитетѣ Грамотности, силою вещей, готовилось все новѣйшее политическое движеніе, складывались общественныя направленія, выдвигались люди. Уже въ то время, среди разношерстныхъ Stürmer'овъ и Dränger'овъ до-конституціоннаго періода, которымъ хотѣлось говорить и дѣйствовать какъ можно рѣзче, графъ П. А. выдѣлялся классически-простымъ и яснымъ стилемъ своего безприимскаго конституціонализма. Законникъ съ ногъ до головы, онъ не поступался правомъ ни въ чемъ, и тамъ, гдѣ другіе не видѣли никакого иного выхода, кромѣ „бури и натиска“, онъ искалъ путей разумнаго и честнаго *компромисса* на правовой почвѣ.

Терпимо и пытливо онъ присматривался ко всѣмъ новымъ теченіямъ, являя изъ себя рѣдкостный въ Россіи образецъ человѣка, гармонически примирившаго въ себѣ консерватизмъ и либерализмъ. Вотъ въ чемъ лежало удивительное обаяніе гр. Гейдена, какъ политическаго дѣятеля. Въ то же время во всемъ своемъ обращеніи съ людьми гр. Гейденъ умѣлъ выдерживать благородную ноту, въ которой джентльменское, англійское, въ лучшемъ смыслѣ слова, уваженіе къ чужой личности и ея правамъ сочеталось съ теплымъ русскимъ добродушіемъ, окрашеннымъ неподражаемымъ юморомъ.

Тотъ политическій образъ мыслей, которымъ былъ проникнутъ графъ П. А. Гейденъ, не имѣлъ до сихъ поръ видимыхъ успѣховъ и не можетъ пока торжествовать никакихъ вѣншихъ побѣдъ. Но мы врядъ ли ошибемся, если скажемъ, что за нимъ въ настоящее время максимумъ моральнаго авторитета и что, поэтому, онъ долженъ побѣдить и старый произволъ, и новыя его перелицовки. Мысли и дѣла гр. П. А. Гейдена будутъ всегда жить въ помыслахъ и дѣлахъ поборниковъ конституціонной Россіи.

Петръ Струве.

„Речь“.

I.

Умеръ графъ Петръ Александровичъ Гейденъ. Едва ли у кого-нибудь изъ его политическихъ противниковъ не сожмется болѣзненно сердце при этой скорбной вѣсти. Съ кончиной графа русская общественность понесла тяжелый ударъ. Фигура рѣдкаго благородства, съ кристалльной чистотой помысловъ, съ полной

независимостью суждений, съ высоко развитымъ чувствомъ общественности, съ удивительною силой душевной дисциплины, этотъ высокій, стройный старикъ съ лицомъ методистскаго проповѣдника ровно горѣлъ какимъ-то внутреннимъ огнемъ и, въ самомъ дѣлѣ, казался драгоценнымъ, рѣдкимъ продуктомъ высшей культуры случайно свалившимся въ самый сумбуръ русской жизни съ какой-то чуждой планеты. Мнѣ приходилось видѣть гр. Гейдена въ самыхъ трудныхъ житейскихъ положеніяхъ, большей частью для него не выигранныхъ: въ минуты тайныхъ дипломатическихъ переворотовъ и на предсѣдательскомъ креслѣ бурнаго митинга; отбивающимся отъ неожиданныхъ нападеній, почти личныхъ, и носящимъ разсчитанные удары; въ роли руководителя и вождя — и въ роли безнадежнаго защитника личнаго мнѣнія. Я долженъ сказать: гр. П. А. всегда и неизмѣнно былъ вѣренъ себѣ, никогда не злоупотреблялъ силой и не сдавался въ безсиліи; успѣхъ и неудача находили и оставляли его однимъ и тѣмъ же. Мнѣ часто казалось, наблюдая его, что когда-нибудь въ жизни этотъ человѣкъ далъ великій обѣтъ, и съ тѣхъ поръ во всемъ, что онъ дѣлаетъ, одна большая цѣль всегда стоитъ передъ его умственнымъ взоромъ. Это ли или что другое, но что-то всегда поднимало его, надъ мелочами текущаго момента. Если угодно, тутъ было свое неудобство, графъ П. А. часто не схватывалъ во время этихъ мелочей, придающихъ минутѣ ея особый характеръ; и для этой текущей минуты его absentmindedness дѣлала его иной разъ непригоднымъ, вводила въ ошибки, ставила даже въ смѣшное положеніе. Но то, что для другого было комично, для графа П. А. было трогательно, какъ символъ вѣчной борьбы духа и плоти, изъ которой гр. Гейденъ всегда выходилъ съ побѣдой. За то, вмѣстѣ съ мелочами минуты не приставала къ графу П. А. и ея грязь: грязь его не пачкала, и положенія самыя щекотливыя для него оказывались самыми естественными. Сразу чувствовалось, что этотъ человѣкъ говоритъ то, что думаетъ, вѣритъ въ то, что говоритъ, и имѣя мужество собственнаго мнѣнія, идти за нимъ всюду, куда оно его приведетъ.

Можетъ быть эта же нечувствительность къ текущимъ мелочамъ сложилась у графа съ годами въ незнакомство съ новыми теченіями жизни — незнакомство, стоявшее въ странномъ противорѣчій съ его живой наблюдательностью, чрезвычайной любознательностью и отзывчивостью на все впечатлѣнія, съ которыми онъ встрѣтился. Въ добросовѣстномъ желаніи графа понять васъ, узнать отъ васъ ему неизвѣстное, взвѣсить и оцѣнить узанное, вы могли быть всегда увѣрены. Добросовѣстность его въ спорѣ уступала только передъ горячностью его убѣжденія; но онъ никогда не замыкался отъ новыхъ влияній, его можно было переубѣдить, и это ярко сказалось на всей его политической дѣятельности послѣднихъ годовъ.

Я узналъ гр. Гейдена какъ *общественнаго* дѣятеля, раньше чѣмъ онъ сдѣлался дѣятелемъ политическимъ. Долженъ признаться: я былъ даже нѣсколько предубѣжденъ противъ графа, въ его роли предсѣдателя вольнаго экономическаго общества. Но, узнавъ его ближе, я скоро перешелъ на его сторону и съ тѣхъ поръ не измѣнилъ своего мнѣнія о его безупречной личной чистотѣ. На моихъ глазахъ гр. Гейденъ провелъ кампанію защиты общества противъ сторонниковъ его закрытія, и я долженъ сказать, что въ самыя рѣшительныя минуты гр. Гейденъ удивлялъ насъ твердостью своего общественнаго поведенія и умѣньемъ находить самую сильную позицію въ самой простой и искренней постановкѣ дѣла. Потомъ я встрѣтилъ Гейдена въ роли, въ которой многие его помнятъ и въ которой онъ приводилъ въ умиленіе иностранныхъ корреспондентовъ: почти безсмысленнаго предсѣдателя земскихъ сѣздовъ. По мѣрѣ того, какъ поднималась темне-

ратура общественной борьбы, являлись новые люди и гр. Гейденъ уступилъ имъ съ той же благородной простотой, съ какой занялъ мѣсто, предназначенное ему общественнымъ признавіемъ. Начавшаяся затѣмъ общественная логика развела насъ въ разныя стороны, и скоро мы встрѣтились, какъ политическіе противники. Если бы все противники были таковы, какъ гр. Гейденъ, — какъ легка была бы общественная борьба!

Нопавъ по заслугамъ въ первую Государственную Думу, гр. Гейденъ говорилъ тамъ больше всѣхъ и былъ самой яркой фигурой на правой сторонѣ. Его все слушали и все уважали; его простое, убѣжденное слово, спокойная и уверенная аргументація не звучали диссонансомъ даже въ этой раскаленной атмосферѣ. Много разъ напряженное настроеніе палаты разряжалось добродушнымъ смѣхомъ, при какой-нибудь, полной здраваго смысла и спокойной ироніи, выходѣ графа. Когда зашли разговоры о министерствѣ изъ общественныхъ дѣятелей, имя гр. Гейдена было произнесено въ числѣ первыхъ. Я лично могу засвидѣтельствовать, что и тутъ идея стояла у графа впереди личнаго самолюбія, и какъ только онъ убѣдился, что для того момента нужны были болѣе опредѣленныя политически имена, онъ первый принялся усердно хлопотать о комбинаціи, въ которую самъ онъ войти не собирался. Его отзывчивость къ новымъ вѣяніямъ сдѣлала то, что уже въ концѣ засѣданій первой Думы онъ отошелъ отъ прежнихъ своихъ политическихъ единомышленниковъ и положилъ начало новой политической группѣ мирнаго обновленія.

Долженъ признаться, что выступленіе съ извѣстной прокламаціей, которою санкціонировался роспускъ первой Думы, меня разочаровало и поколебало въ моемъ личномъ отношеніи къ графу. Мы обмѣнялись нѣсколькими печатными рѣзкостями. Однако, скоро я повялъ, что тутъ сыграла надъ нимъ злую шутку та его личная черта, о которой я упоминалъ ранѣе. Скоро, къ тому же, графъ замѣтилъ двусмысленное положеніе, въ которомъ очутился, и поспѣшилъ изъ него выйти.

Мы еще разъ встрѣтились близко, въ послѣдней избирательской кампаніи, опять какъ политическіе соперники. „Мирное обновленіе“, на этотъ разъ, кажется, не по инициативѣ графа, пробовало стать большой политической партіей. Въ положеніи была фальшь, и на извѣстномъ петербургскомъ митингѣ она вышла наружу. Но гр. Гейденъ держалъ себя превосходно. Послѣдовавшія векорѣ затѣмъ личныя наши отношенія ни къ чему практическому не привели, но я вернулъ себѣ старое уваженіе къ незапятнаной личности благороднѣйшаго изъ общественныхъ дѣятелей.

Провести эти горячіе годы въ самомъ пеклѣ политической борьбы и выйти изъ него безъ малѣйшей царапины, — это счастье, которое достанется немногимъ. Вотъ почему живые могутъ только позавидовать умершему. Его жизненный трудъ оконченъ; память его будетъ чиста и негнѣнна.

П. Милуковъ.

„Товарищъ“.

I.

Одинъ за другимъ сходятъ въ могилу нужныя Россіи люди, — сходятъ въ самое тяжелое время, какое когда либо переживала страна.

Сошелъ теперь въ могилу графъ Петръ Александровичъ Гейденъ. Онъ не принадлежалъ къ передовымъ по идеямъ дѣятелямъ нашей эпохи. Онъ выросъ и

воспитался въ аристократическихъ салонахъ и въ рядахъ бюрократіи; онъ многого не понималъ и по своему воспитанію органически не могъ понять; далекій отъ демократическихъ слоевъ народа, онъ часто стоялъ на чуждой стремленіямъ демократіи общественно-политической позиціи. И тѣмъ не менѣе его искренность, прямота и прочувствованные общественно-политическіе взгляды, не поддававшіеся вліянію раздраженія вслѣдствіе иначе, чѣмъ онъ хотѣлъ, движущейся жизни, — дѣлали изъ него человѣка, который пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Занимая среди общественныхъ группировокъ мѣсто въ правомъ центрѣ, графъ П. А. имѣлъ противниковъ въ обоихъ враждующихъ лагеряхъ. Но ни одинъ изъ этихъ лагерей не отказывалъ ему въ своемъ уваженіи. И даже послѣдній земскій съѣздъ, гдѣ такъ голо-откровенно проявились аппетиты торжествующихъ, ставшихъ господами положенія людей и гдѣ графъ долженъ былъ бы занять одно изъ крайнихъ лѣвыхъ мѣстъ, даже этотъ земскій съѣздъ счелъ нужнымъ демонстративно почтить его память.

Сошелъ въ могилу графъ П. А. еще полный силъ, несмотря на свои 67 лѣтъ. Не было общественнаго начинанія, въ которомъ онъ не стремился бы принять самое дѣятельное участіе. Ему было совершенно чуждо распространенное у насъ желаніе уходить въ свою нору отъ общей работы. Всегда живой, напряженно работающій несмотря на свои годы, постоянно приобретающій новыя знанія по вопросамъ, на которые его наталкивала жизнь, онъ то и дѣло переѣзжалъ изъ Опочецкаго уѣзда въ Псковъ, въ Петербургъ, Москву, — всюду, гдѣ онъ могъ участвовать въ общественномъ дѣлѣ. И умеръ онъ 15 іюня въ московской гостинницѣ „Метрополь“, куда пріѣхалъ организовать земскій съѣздъ и работать въ немъ, наивно вѣря въ силу своего слова, въ то, что убѣжденіемъ можно побудить людей идти не туда, куда толкаютъ ихъ собственные аппетиты. Результатовъ съѣзда ему не пришлось дожидаться и онъ закрылъ свои глаза, не успѣвъ пережить еще одного разочарованія. Быть можетъ, это лучше для стараго идеалиста. Сколько еще разочарованій пришлось бы ему пережить впереди!

Жизнь графа Гейдена, какъ общественнаго дѣятеля, можно раздѣлить на три періода.

Окончивъ нажескій корпусъ и михайловскую артиллерійскую академію, онъ не захотѣлъ дѣлать военной карьеры: въ 1868 году, послѣ жизни въ деревнѣ, онъ сталъ членомъ окружнаго суда сначала въ Воронежѣ, затѣмъ въ С.-Петербургѣ. Потомъ онъ былъ товарищемъ предсѣдателя С.-Петербургскаго Окружнаго Суда и членомъ С.-Петербургской судебной палаты. Съ 1886 по 1890 гг. графъ Гейденъ былъ начальникомъ канцеляріи по принятію прошеній, на Высочайшее имя приносимыхъ.

Мы не знаемъ многого изъ этого бюрократическаго періода дѣятельности покойнаго, когда русская жизнь по сравненію съ теперешей была еще такъ элементарна и проста. Но несомнѣнно, что приобретенные за это время юридическія знанія и опытъ сослужили свою службу въ послѣдующіе періоды.

Второй періодъ дѣятельности графа протекалъ уже въ болѣе сложное время и на совершенно другихъ общественныхъ постахъ.

Опочецкій предводитель дворянства, мѣстный уѣздный и псковскій губернский земскій гласный, онъ игралъ первенствующую роль въ своей губерніи. Въ послѣднее время, когда ему постоянно приходилось оставаться на съѣздахъ и въ первой думѣ на правой сторонѣ, онъ, смѣясь, говорилъ, что у себя въ земствѣ и дворянствѣ онъ крайній лѣвый человѣкъ... Въ 1895 году графъ былъ избранъ президентомъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества, которымъ безсмысленно пробылъ три трелѣтія, переживъ во главѣ Общества самую напряженную

борьбу съ министерствами Горемыкина, Ермолова, Спягина и Плева. При немъ отняли у Общества комитетъ грамотности, закрывали комитетъ для помощи голодающимъ, затѣмъ въ 1900 году ограничили въ правахъ само Общество. Огромное количество напечатанныхъ недавно въ „Трудахъ“ Общества докладныхъ записокъ, прошеній на Высочайшее имя, писемъ къ разнымъ министрамъ, жалобъ въ Сенатъ, которыя всё написаны самимъ графомъ, является хорошимъ памятникомъ его дѣятельности въ это время и въ вмѣстѣ съ тѣмъ памятникомъ этого времени, когда Вольное Экономическое Общество играло руководящую общественную роль.

Въ концѣ второго періода покойный принималъ самое дѣятельное участіе въ земскихъ сѣздахъ, былъ выбираемъ ихъ предѣвателемъ, былъ выбранъ на на одномъ изъ нихъ, въ 1905 году, въ знаменитую депутацію къ Государю. Вопросы о государственномъ переустройствѣ страны опредѣленно и рѣзко выдвинулись тогда на первый планъ. Графъ П. А. Гейденъ не былъ вполнѣ подготовленъ къ нимъ, но мы хорошо помнимъ, какъ онъ съ энергіей засѣлъ за учебники государственнаго права. Его позиція опредѣлилась вправо отъ большинства его соучастниковъ по земскимъ сѣздамъ и когда измѣнившаяся жизнь, послѣ 17 октября, выдвинула требованія дальнѣйшей общественно-политической дифференціаціи и народились политическія партіи, то покойный оказался въ союзѣ 17 октября. Такъ начался третій періодъ дѣятельности графа П. А. Гейдена.

Дѣятельность покойнаго въ первой государственной думѣ хорошо извѣстна. Онъ былъ въ числѣ немногихъ правыхъ ея членовъ, но, идя всегда противъ большинства, онъ неизмѣнно пользовался общимъ уваженіемъ.

Въ двуличномъ союзѣ 17 октября графъ не могъ долго оставаться. Послѣ гибели первой думы онъ образовалъ вмѣстѣ со своимъ товарищемъ по думѣ, к-д. Н. Н. Львовымъ, своимъ товарищемъ по думѣ и партіи М. А. Стаховичемъ и вѣнпартійнымъ кн. Е. Н. Трубецкимъ новую партію „мирнаго обновленія“. Этой партіи не суждено было дѣйствовать. И дѣятельной натурѣ графа нѣкоторое время не находилось общественной работы.

Теперь, казалось бы, пришло его время. Онъ долженъ былъ бы найти свое мѣсто на теперешней политической аренѣ, гдѣ ему предстояло такъ много дѣла. Покойный именно теперь, когда сметенъ съ арены открытаго дѣйствія цѣлый рядъ другихъ дѣятелей и даже общественныхъ группъ, долженъ былъ со всей свойственной ему энергіей и настойчивостью приняться за борьбу противъ восторжествовавшей реакціи. И какъ разъ въ это время его не стало.

И намъ жаль графа П. А. Гейдена не только лично, какъ безупречнаго человѣка, но и какъ общественнаго дѣятеля, особенно нужнаго въ наше глухое, тяжелое время. Имя покойнаго будетъ вписано въ страницы исторіи нашей страны, но несвоевременная утрата его, быть можетъ, лишила эти страницы лучшихъ строкъ, какія могли бы быть написаны о немъ.

II.

Политическая группа, т. наз. „мирныхъ обновленцевъ“, составъ которой исчисляется и безъ того единицами (хотя все довольно видными), — понесла серьезную потерю въ лицѣ скончавшагося гр. П. А. Гейдена. Почтенный дѣятель на общественно-культурномъ поприщѣ, земець стараго закала, энергичный поборникъ общественной самодѣятельности въ до-конституціонную эпоху, покойный вмѣстѣ съ тѣмъ являлся чрезвычайно характернымъ представителемъ того столь же характернаго, сколь и неопредѣленнаго политическаго теченія, которое въ разгарѣ

освободительной борьбы заняло колеблющуюся позицію между старой и новой Россіей. Эта неустойчивость, разумѣется, пронестекала не изъ неискренности: ея источникъ—гораздо сложнѣе, общѣе и глубже, но, благодаря этому, политическое безплодіе мирнообновленцевъ тѣмъ трагичнѣе и интереснѣе. Въ груди гр. П. А. Гейдена, какъ и въ груди его ближайшихъ единомышленниковъ М. А. Стаховича и Д. Н. Шипова, все время боролись „двѣ души“: одна хранить въ себѣ заветы традиціонной россійской націоналистической идеологии, съ преклоненіемъ предъ идеей россійской государственности, и это преклоненіе заставляло ихъ подчасъ воздерживаться отъ бичеванія даже самыхъ темныхъ проявленій полицейскаго режима; другая „душа“ ихъ взираетъ впередъ, къ тѣмъ культурнымъ пріобрѣтеніямъ европейской общественности, отсутствіе которыхъ такъ страшно сказывается на нашей родинѣ. Противорѣчія и столкновенія этихъ двухъ началъ не нашли себѣ въ нихъ сколько-нибудь яснаго разрѣшенія, и это обстоятельство лишило ихъ силъ и возможности сыграть въ переживаемой нами политической драмѣ ту роль, которая соотвѣтствовала бы ихъ благожелательнымъ намѣреніямъ, извѣстнымъ личнымъ дарованіямъ и видному общественному положенію.

III.

Вся прогрессивная печать отнеслась къ понесенной Россіей тяжелой утратѣ въ лицѣ гр. П. А. Гейдена съ выраженіемъ глубокаго соболѣзнованія. Прекрасный образъ покойнаго Петра Александровича привлекалъ къ себѣ всѣхъ порядочныхъ людей безъ различія партій и направленій. Рѣдкій и счастливый удѣлъ!

Мы глубоко раздѣляемъ чувства горечи, причиненныя смертью гр. Гейдена всѣмъ, кто привыкъ цѣнить *человѣка*, въ какомъ бы партійномъ облаченіи онъ ни появлялся. А покойный Гейденъ былъ именно прежде всего *человѣкъ*.

IV.

(Кор. изъ Псковской губ.).

Со смертью гр. Гейдена опротивѣла у насъ партія, которая такъ и называла себя гейденистами, это лица хотя и не вполнѣ одинаковыя по своимъ воззрѣніямъ, но находившія его наиболѣе желательнымъ кандидатомъ въ думу отъ нашей губерніи.

Теперь въ виду его свѣжей могилы память неволью обращается къ его крупной оригинальной фигурѣ. Однимъ изъ самыхъ блестящихъ, хотя и тяжелыхъ періодовъ его жизни было время вскорѣ послѣ объявленія манифеста 17 октября. Манифестъ сначала не произвелъ никакого впечатлѣнія на крестьянъ, ожидавшихъ земли, но затѣмъ магическое слово „свобода“ взволновало всѣхъ. Все пришло въ движеніе, носившее впрочемъ очень сумбурный характеръ. Начались и признаки аграрнаго движенія въ нашемъ спокойномъ опочечкомъ уѣздѣ. Пошли разговоры, что „теперь все можно“, что „теперь всѣ равны“ и что „вездѣ забастовки и намъ тоже звать нечего, можно и лѣсъ господскій забастовать и сосѣднюю мелочную лавку“. Въ обществѣ была какая-то растерянность, ожиданія лучшихъ порядковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ опасенія погромовъ. Администрація какъ-то потеряла подъ ногами почву. Нисколько не растерялся, кажется, одинъ гр. Гейденъ. Онъ нашель, что теперь самый подходящій моментъ для внушенія крестьянамъ началъ истиннаго конституціонализма и сталъ устранивать въ большихъ размѣрахъ собесѣдованія съ крестьянами. На первый разъ онъ устроилъ митингъ въ город-

скомъ манежѣ 17 ноября. Собралось нѣсколько сотъ крестьянъ и горожанъ. Гр. Гейденъ сталъ читать и разъяснять манифестъ. Къ сожалѣнію набралось довольно много пьяныхъ, да и вообще народъ оказался неподготовленнымъ къ такимъ большимъ собраніямъ. Всѣ хотѣли сразу выразить все, что накопилось, всплыла застарѣлая вражда мужика противъ помѣщика, поднялся крикъ о землѣ. Сначала еще раздавались кое-какія связныя рѣчи и была видна спокойная фигура гр. Гейдена, не терявшаго надежды разъяснить конституціонныя начала. Но вскорѣ все слилось въ одинъ общій гулъ, исчезла и серебряная голова самого Гейдена въ массѣ всклокоченныхъ крестьянскихъ головъ. Это бы еще ничего. Но стали раздаваться и угрожающіе крики противъ господъ вообще и противъ Гейдена въ частности.

Положеніе становилось дѣйствительно опаснымъ, поблѣднѣвшая публика стала уходить. А Гейденъ все разъяснялъ и разъяснялъ. Послѣ митинга, въ тотъ же день къ нему на квартиру собрались его знакомые и взволнованно обмѣнивались впечатлѣніями. Гейденъ былъ очень веселъ и бодръ. „Я не нахожу, чтобы собраніе было очень опаснымъ, — говорилъ онъ. — Я нашелъ только, что публика обнаружила недостаточную способность сосредочивать свое вниманіе на каждомъ отдѣльномъ вопросѣ“. Затѣмъ онъ предложилъ, „чтобы не терять вечера“, сегодня же назначить собраніе для горожанъ. „Пусть приходятъ всѣ, кромѣ пьяныхъ“, сказалъ онъ.

Это собраніе подъ его предсѣдательствомъ прошло въ полномъ порядкѣ. Ни малѣйшаго утомленія, ни слѣда волненія послѣ бурнаго дневнаго собранія нельзя было замѣтить на его спокойномъ лицѣ... Затѣмъ онъ вздумалъ объѣхать весь уѣздъ. Собранія по волостнымъ правленіямъ были, въ общемъ, лучше перваго, городского, но также довольно бурны.

Вѣковая вражда къ барину давала себя знать. Разъ какъ-то раздался голосъ: „Вратцы, возьмемъ граха за козлиную бороду и выволокемъ его изъ избы! Чего онъ все про каки-то свободы совѣсти толкуетъ, а про землю скрываетъ“. Гейденъ нисколько не смутился: „Что ты сказалъ?“ спросилъ онъ, „я тугъ на ухо, подойди поближе и повтори“. Тотъ сконфузился и замолчалъ; тогда толпа стала сама высмѣивать неудачнаго подстрекателя. На этихъ собраніяхъ Гейденъ сильно импонировалъ своимъ необыкновеннымъ хладнокровіемъ, и его ясный, какъ колоколь, голосъ, звучавшій безъ малѣйшей дрожи, какъ-то магически дѣйствовалъ на толпу. Разъяснялъ онъ терпѣливо, толково и неутомимо, по цѣлымъ часамъ простаивая въ душномъ, спертомъ воздухѣ волостныхъ правленій. Послѣ каждой поѣздки, во время которой цѣлыми кипами раздавался манифестъ 17 октября, онъ возвращался домой всегда веселый и бодрый съ неисчерпаемыми рассказами о своихъ приключеніяхъ.

Администрація, однако, отнеслась къ этой дѣятельности не совсемъ сочувственно. Исправникъ былъ смѣщенъ, поѣздки прекратились...

Затѣмъ настало предвыборное время. Гейденъ устроилъ въ Опочкѣ много собраній, конечно, не оставшихся безъ слѣда для нашего политическаго воспитанія. Противъ него составила, однако, довольно сильная оппозиція: интеллигенція онъ казался слишкомъ правымъ (одна мѣстная газетка назвала его даже „черносотенцемъ“), народная масса относилась съ недовѣріемъ, какъ къ барину. Гейденъ упорно боролся и разъяснялъ... Во вторую думу онъ не попалъ, оказавшись между лѣвыми и правыми. Но его провалу мало радовались даже противники, многіе изъ которыхъ чувствовали себя какъ-то сконфуженными. Теперь, въ третью думу онъ прошелъ бы навѣрное. И какъ жаль, что онъ умеръ именно теперь, когда былъ бы всего полезнѣе. Теперь онъ боролся бы съ крайними пра-

выми, развертывая лучшія стороны своей души, отстаивая конституціонныя начала со всей свойственной ему находчивостью и энергіей.

„Слово“.

Телеграфъ привезъ изъ Москвы печальную вѣсть: скончался графъ Петръ Александровичъ Гейденъ. Потеря эта тяжелая. Умеръ честный, умный и хорошій человекъ; во всякое время такая утрата ощутительна, а особенно въ теперешнее безвременье, когда люди такъ нужны, а ихъ почти нѣтъ.

Среди дѣятелей освободительнаго движенія графъ Петръ Александровичъ занимаетъ видное мѣсто. Гуманный, глубоко убѣжденный въ исторической неизбежности возрожденія Россіи путемъ кореннаго измѣненія ея государственнаго строя, гр. Гейденъ всегда былъ вѣренъ себѣ: и въ эпоху тяжкаго бюрократическаго гнета, и въ періодъ революціоннаго движенія, и въ переживаемое нами переходное время.

Въ земствѣ—это былъ одинъ изъ выдающихся и сознательныхъ передовыхъ работниковъ, всегда стоявшихъ горой за земское дѣло, его правильное—и вглубь и вширь—развитіе. И своей неустанной и честной въ земскомъ дѣлѣ работой онъ стяжалъ себѣ общее уваженіе со стороны даже противниковъ своихъ всегда прогрессивныхъ взглядовъ.

Въ первой Думѣ его трезвый голосъ хотя и заглушался хоромъ возбужденныхъ голосовъ, но исторія отмѣтитъ, что гр. Гейденъ былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ, которые сдѣлали все, отъ нихъ зависящее, чтобы остановить то крайнее теченіе, которое, подъ влияніемъ общественнаго психоза и бюрократическаго противодѣйствія и равнодушія, привело къ крушенію надежды народныя, связанная съ первою Государственной Думой.

Однимъ изъ первыхъ онъ возсталъ и противъ революціоннаго террора, противъ явнаго и тайнаго, изъ тактическихъ цѣлей, сочувствія всякому произволу, всякому насилію, откуда бы оно ни шло. Не имѣя возможности поэтому примкнуть ни къ партіи, мирившейся съ терроромъ справа, ни къ партіи, молча взиравшей на терроръ слѣва и изъ тактическихъ соображеній отказывавшейся его осудить, графъ Гейденъ основалъ партію мирнаго обновленія, партію, которая осуждала насилія и ставила своей задачей борьбу за новый строй исключительно мирнымъ конституціоннымъ путемъ. Продолжающаяся борьба и вызываемое ею возбужденіе, мѣшая увлечься страстями, не создавали благоприятныхъ условій для усиѣха идеи мирной борьбы, и графу не удалось дожить до осуществленія его мечты.

По странной ироніи судьбы, онъ умеръ, пріѣхавъ на созванный, между прочимъ, и по его инициативѣ земскій съѣздъ, гдѣ голосъ реакціи снова торжествовалъ, гдѣ его трезвый голосъ былъ такъ необходимъ, чтобы обуздать страстные голоса сторонниковъ стараго строя и отжившихъ сословныхъ началъ. Но голосу его не пришлось уже раздаться на этомъ съѣздѣ.

Всегдашній и горячій защитникъ идеи народной свободы, правды и мира, сторонникъ эволюціоннаго развитія Россіи и убѣжденный противникъ какъ реакціоннаго, такъ и революціоннаго насилія, онъ не дожилъ до укрѣпленія новаго строя, котораго онъ такъ страстно желалъ для своей измученной и нуждающейся въ обновленіи родины и ушелъ въ лучшій міръ съ грустнымъ чувствомъ, что великое дѣло русской идейной свободы не доведено до конца: безумная революціонная волна поѣшала этому и временно вновь привела къ реакціи.

Но доброе сѣмя упало на богатую почву и дастъ плодъ, а имя графа Петра Александровича Гейдена найдетъ свое почетное мѣсто въ исторіи горячо имъ любимой родины, которой онъ всегда честно служилъ.

„Биржевыя Вѣдомости“.

I.

Въ гробу—графъ П. А. Гейденъ...

„Бѣлый графъ“, какъ многіе называли покойнаго...

Не его сѣдые волосы и не серебряная борода — не эта видимая бѣлизна дала поводъ къ такому названію.

Честная мысль, искреннее чувство, свѣтлыя побужденія, постоянная во всемъ прямота, непоколебимая вѣра въ истину своихъ стремленій, преданность работѣ—обновленія родины, чистота души, которая не окроплена ни одной точкой лжи или лицемерія,—а, вѣдь, графъ П. А. Гейденъ былъ политическимъ дѣятелемъ и лидеромъ въ это кошмарное время...—вся эта внутренняя бѣлизна создала покойному имя „бѣлый графъ“...

И оно останется за нимъ!..

Неудивительно, что у графа не могло быть враговъ, что самые ярые противники его политической дѣятельности относились къ покойному съ великою любовью.

Развѣ не характерно, что политическіе противники графа считали его въ то же время своимъ—„товарищемъ“...

Это было подчеркнуто еще на осеннемъ первомъ и единственномъ митингѣ, устроенномъ партией мирнаго обновленія въ Тенишевскомъ училищѣ.

Выступившіе тамъ ораторы отъ партіи, не сочувствовавшихъ тактикѣ м. о., въ своихъ рѣчахъ такъ и называли покойнаго:

— „Товарищъ графъ П. А. Гейденъ“...

Это, напримѣръ, нѣсколько разъ повторилъ П. Н. Милюковъ и ни у кого не вызвалъ недоумѣнія, хотя самымъ безпощаднымъ образомъ разбивалъ программу мирнаго обновленія.

Графъ П. А. Гейденъ председательствовалъ на собраніи, и, какъ это ни было вредно для партійныхъ интересовъ, онъ далъ всѣмъ противникамъ свободно высказаться.

Выступали тогда почти исключительно ораторы противнаго лагеря, и собраніе явилось неуспѣшнымъ для партіи.

Но графъ, какъ и всегда, былъ безконечно корректенъ и терпимъ къ высказывавшимся часто довольно рѣзко отзывамъ о созданной имъ организаціи.

Конечно, развѣиваніе партіи, которой онъ посвятилъ немало заботъ, отражалось на давно уже расшатанномъ долгой общественной дѣятельностью организмѣ старика...

Глубоко запечатлѣлся въ моей памяти случай, имѣвшій мѣсто на собраніи, о которомъ идетъ рѣчь...

Графъ П. А. Гейденъ не пытался возражать оппонентамъ.

Сидя на председательскомъ креслѣ, онъ нервничалъ, растиралъ рукой виски, часто пилъ воду.

Внезапно одинъ изъ сосѣдей графа по президіуму обратился къ нему:

— Графъ!.. У васъ пошла кровь...

У графа изъ носа сочилась красная струйка и стекала ко рту...

— Может быть, вы изволите выйти... отдохнуть!..

Покойный приложил къ лицу платокъ, который сейчас же окрасился кровью и возбужденно отвѣтилъ:

— Опять... Это нервное... Последнее время особенно участилось... Нѣтъ, мнѣ нельзя покинуть собраніе.

Итакъ, задерживая кровотеченіе платкомъ, уже совершенно покрывшимся красными пятнами, графъ просидѣлъ до конца собранія.

Почти всю работу по партіи графъ выносилъ на своихъ плечахъ.

Послѣ этого собранія графъ П. А. Гейденъ уѣхалъ изъ Петербурга и, несмотря на обѣщаніе устроить еще одно собраніе м. о. для отвѣта противникамъ, такъ и не осуществилъ свое намѣреніе...

Съ того времени особенно часты стали извѣстія объ его болѣзни.

И теперь, когда усиленно заговорили о пробужденіи партіи м. о., заслушавъ вѣчнымъ сномъ ея главный вдохновитель, ея вождь и неутомимый работникъ.

Вѣлый графъ—въ гробу.

На-дняхъ мнѣ пришлось говорить съ самымъ виднымъ лидеромъ партіи к.-д.

О покойномъ графѣ лидеръ к.-д. отозвался такъ, какъ отзовутся всѣ знавшіе его дѣятельность:

— Прекрасный и честный!..

Потеря его тяжела не только для партіи, которая теперь особенно въ немъ нуждается, но и для всѣхъ, любящихъ свободу и родину...

Вѣлый графъ—въ гробу...

Вас. Регининъ.

II.

Это было въ первой Думѣ.

Дебатировался аграрный вопросъ и спокойная, убѣжденная и убѣдительная рѣчь гр. Гейдена вызвала страстную, горячую реплику одного изъ лѣвыхъ лидеров; не обошлось и безъ личныхъ нападковъ.

Въ думской залѣ еще не остыло впечатлѣніе рѣзкой коллизіи, которую вызвали эти обѣ рѣчи, какъ проходившіе кулуарами увидѣли графа, дружески бесѣдующимъ со своимъ оппонентомъ, Аладьинымъ.

Было странно видѣть рядомъ этихъ двухъ непримиримыхъ антагонистовъ.

Потомъ въ группѣ журналистовъ Аладьинъ сказалъ:

— Мы всегда будемъ спорить съ Гейденомъ, но мы уважаемъ его больше многихъ изъ тѣхъ, кто съ нами соглашается.

Графъ Гейденъ не любилъ обмана даже въ ораторскихъ метафорахъ.

Однажды, говоря объ одномъ изъ извѣстныхъ ка-детскихъ ораторовъ, онъ сказалъ:

— Знаете, послѣ его рѣчи я всегда сержусь на самого себя. Слышишь „красные призраки рѣютъ въ этой залѣ“ и невольно поддаешься впечатлѣнію. Кончатъ онъ говорить и видишь, что въ залѣ висятъ не красные призраки, а обыкновенныя люстры. По моему не хорошо обманывать слушателя.

Покойный графъ поражалъ всегда своимъ удивительно добросовѣстнымъ отношеніемъ къ политическимъ противникамъ. Прежде чѣмъ спорить съ ними, онъ изучалъ всѣ ихъ труды, ознакамливался со всей литературой по данному вопросу.

— Окажите мнѣ услугу,—попросилъ разъ одного изъ журналистовъ графъ. Составьте полный списокъ всего, что имѣется въ печати о Ленинѣ и всѣхъ произведеній Ленина. Я хочу имѣть право возражать ему.

Это было въ началѣ выступленій графа противъ думской с.-д. фракціи.

„Новое Время“.

Изъ Москвы получено извѣстіе о смерти извѣстнаго общественнаго дѣятеля, графа Петра Александровича Гейдена.

П. А. пріѣхалъ въ Москву для того, чтобы принять участіе въ работахъ земскаго съѣзда, простудился, занемогъ воспаленіемъ легкихъ; тяжелая болѣзнь не могла не сказаться въ преклонные годы графа, и не прошло недѣли, какъ болѣзнь свела въ могилу одного изъ выдающихся общественныхъ дѣятелей, горячаго, прямого и искренняго поборника свободы въ лучшемъ ея смыслѣ, отстаивавшаго ее еще тогда, когда нынѣшніе „освободители“ не рѣшались раскрыть и рта. Общественная дѣятельность гр. Гейдена начинается въ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ, гдѣ онъ сперва въ качествѣ члена, затѣмъ предсѣдателя выдвинулся въ лучшую пору жизни Общества, когда оно занято было между прочимъ продовольственной помощью въ неурожайные годы. Съ 1904 года П. А., какъ опочецкій уѣздный предводитель дворянства и псковскій губернской гласный, принимаетъ участіе въ работахъ земскихъ съѣздовъ, имя его фигурируетъ въ первыхъ рядахъ земскихъ дѣятелей. Въ началѣ Гейденъ здѣсь какъ будто на сторонѣ большинства, но на послѣднемъ съѣздѣ, когда рѣзко ставится вопросъ объ автономіи Польши, онъ съ Шиповымъ, Гучковымъ и Стаховичемъ группируетъ вокругъ себя меньшинство, которое послѣ манифеста, возвѣстившаго свободы, объединяется въ союзъ 17 октября. 6 июля 1905 г. мы видимъ гр. Гейдена въ составѣ знаменитой депутаціи у Государя.

Съ момента реформы для гр. Гейдена открывается широкое поле дѣятельности, онъ не щадитъ ни здоровья, ни преклоннаго возраста, всецѣло отдается общественной работѣ, — организуетъ провинціальныя отдѣленія союза, вербуетъ членовъ, выступаетъ въ предвыборныхъ собраніяхъ и наконецъ избирается въ своей Псковской губерніи, Опочецкомъ уѣздѣ, въ первую Государственную Думу.

Въ самой Думѣ на П. А. выпала тяжелая доля. Явившись въ качествѣ лидера умѣреннаго меньшинства, онъ принужденъ отбивать постоянныя нападки лѣвыхъ, бороться съ ихъ крайностями, удерживая часто и кадетовъ отъ увлеченій. И несмотря на такую невыгодную позицію, не взвѣвая на постоянную пикировку съ представителями большинства, Гейденъ пользуется въ Думѣ общей симпатіей, съ его мнѣніемъ считаются, часто къ нему прислушиваются и лѣвые никогда не осмѣливаются отзываться о немъ сколько нибудь оскорбительно.

— Честный и умный человѣкъ, — вотъ какъ называли тѣ-же трудовики Гейдена.

Кто не помнитъ Гейдена въ первой Думѣ и кто, особенно изъ парламентскихъ журналистовъ, не жалѣлъ о томъ, что его не было во второй.

Остроумныя, мѣткія замѣчанія депутата Гейдена производили впечатлѣніе и на членовъ Думы, и на журналистовъ. Гейденъ никогда не оскорблялся на грубыя выходки лѣвыхъ. Выходитъ какъ-то Рамишвили или Михайличенко и начинаетъ честить „всѣхъ этихъ графовъ Гейденовъ“. Муромцевъ его останавливаетъ. П. А. на мгновеніе отрывается отъ „Новаго Времени“, которое онъ читалъ, и хладнокровно замѣчаетъ: — Пожалуйста продолжайте, я васъ все равно не слушаю“...

И залъ, который только-что апплодировалъ Рамишвили, апплодируетъ гр. Гейдену за одну остроумную фразу.

Въ другой разъ тоже кто-то изъ лѣвыхъ начинаетъ бранить Гейдена, упрекать его, затѣмъ сидитъ направо, близко отъ министерскихъ скамей... Выходкъ лѣваго апплодируютъ: гр. Гейденъ поднимаетъ голову отъ газеты и тоже начинаетъ

усиленно хлопать оратору. Настроеніе мгновенно мѣняется: находчивость П. А. вызываетъ общій смѣхъ, и сочувствіе снова на его сторонѣ.

Стоило упрекнуть въ чемънибудь правыхъ, Гейденъ поднимался, просилъ слова и часто съ достоинствомъ заявлялъ:

— Вы ошибаетесь, правая сторона Думы всегда будетъ стоять за справедливое дѣло.

Вотъ нѣкоторыя изъ мнѣній покойнаго, разбросанныя въ его думскихъ рѣчахъ.

— Я лично придерживаюсь того, что вопросъ о принудительномъ отчужденіи есть крайняя мѣра, къ которой слѣдуетъ приступить, когда другого исхода не будетъ. Я думаю, что частная собственность священна и неприкосновенна, но она должна уступить государственной потребности.

— Я всегда былъ противникомъ смертной казни, основываясь на томъ простомъ соображеніи, что крайне нежелательно заставлять другихъ осуществлять то, чего мы не желаемъ осуществлять сами...

— Я проникнуть убѣжденіемъ, что амнистія необходима для внесенія успокоенія въ страну, но мы вмѣстѣ со своими товарищами внесли поправку: если мы обращаемся съ ходатайствомъ объ амнистіи вверху, къ Монарху, то мы съ той же просьбой объ амнистіи обратимся внизъ и попросимъ ихъ не примѣнять смертной казни, которая такой же позоръ для страны, какъ и смертная казнь сверху...

Помню, какъ послѣ роспуска первой Думы гр. Гейденъ при одномъ изъ свиданій со мною снова возвратился къ этому ужасному вопросу.

— Вы не повѣрите, какъ пагубно отзывается терроръ въ провинціи: онъ обрушивается на неповинныхъ обывателей и тѣ подъ вліяніемъ всѣхъ ужасовъ могутъ броситься въ противоположную крайность...

Въ послѣдніе дни существованія первой Думы Гейденъ началъ организовывать новую партію—мирнаго обновленія, въ которую затѣмъ и вошли нѣкоторые октябристы, разошедшіеся во взглядахъ съ А. И. Гучковымъ. Партія эта, какъ извѣстно, оказалась мертворожденной и только сдѣлала то, что такой опытный и видный дѣятель, какъ Гейденъ, не попалъ во вторую Думу.

Несмотря на свои годы, покойный П. А. до послѣдняго времени принималъ самое горячее, живое участіе и въ земской работѣ и вообще въ общественной дѣятельности, отзываясь на всѣ выдвигавшіеся жизнью вопросы, съ рѣдкой энергіей пропагандировалъ свои заветныя идеи. Всѣ, кто зналъ П. А., сохраняютъ о немъ свѣтлое, хорошее воспоминаніе, съ глубокой грустью отзываются на печальное извѣстіе о его смерти и съ уваженіемъ вспомнить о его дѣятельности.

Онъ любилъ народъ, болѣлъ его нуждами, радовался его радостями и память о немъ не заглохнетъ.

Ал. Ксюнинъ.

Сборникъ: „Партія Мирнаго Обновленія, ея образованіе и дѣятельность въ первой Государственной Думѣ“:

I.

Friends, contrymen! Lend me your ears. I came to bury Caesar, not to praise him. *Shakespeare.*

Настоящее изданіе является выполненіемъ предсмертнаго начинанія покойнаго основателя партіи Мирнаго Обновленія графа Петра Александровича Гейдена.

Поэтому совершенно естественно помѣстить на первомъ же мѣстѣ его портретъ, и является невольная потребность посвятить его памяти первыя страницы книжки.

Но задача этихъ страницъ не биографія.

Графу Гейдену не суждено было сыграть роль исторической личности: онъ не вызывалъ рѣшающихъ народныхъ движеній и не руководилъ ими; онъ ихъ только переживалъ, но глубоко, сознательно, и объяснялъ другимъ.

Событія его жизни, какъ таковыя, не будутъ занесены на страницы исторіи, но она не забудетъ его имени, разбирая современные ему историческія событія.

Съ другой стороны участіе его въ нихъ еще такъ близко, что не нуждается въ напоминаніяхъ. Оно было такъ ярко, что не можетъ быть уже забыто.

Въ огромномъ количествѣ статей газетъ всевозможныхъ направленій, сопровождавшихъ, какъ унылый перезвонъ тысячи колоколовъ, его кончину и похороны, не было ни одного укора, ни одного умолчанія.

Знаменитая латинская поговорка „De mortuis nihil nisi bene“ явилась здѣсь не наставленіемъ, а выводомъ: никто не нашелъ ничего сказать кромѣ хорошаго. „Вотъ была хорошая, почтенная жизнь безъ одного пятна или паденія“—таковъ былъ единогласный приговоръ.

Казалось бы, что же прибавлять къ единомыслию?

Но мы, его товарищи по дѣятельности и партіи, его политическіе единомышленники, считаемъ нужнымъ не описывать подробно или оцѣнивать хвалебно его достойную жизнь, а считаемъ политическимъ долгомъ указать ея значеніе. На насъ лежитъ обязанность удостовѣрить, что графъ Петръ Александровичъ Гейденъ былъ именно такимъ, какими должны быть для пользы страны политическіе дѣятели и подтвердить сказанное ссылками на его собственныя рѣчи, печатаемая ниже ¹⁾.

Какъ политическій дѣятель гр. П. А. Гейденъ былъ твердъ, былъ смѣлъ, былъ безкорыстенъ и—что встрѣчается рѣже всего—былъ безпристрастенъ.

Потому что онъ былъ твердъ, его поступки, говоря житейскимъ языкомъ, не расходились съ принципами; его тактика, выражаясь по политической терминологіи, всегда соответствовала его программѣ.

Онъ не только не скрывалъ своихъ политическихъ убѣжденій, онъ всегда выставлялъ ихъ, независимо отъ занимаемаго имъ служебнаго положенія—крупнаго чиновника, или предводителя дворянства, и независимо отъ времени (задолго до освободительнаго движенія) и независимо отъ противника. Съ тою-же непоколебимой твердостью онъ долгіе годы спорилъ и стыдилъ направо, какъ пришлось ему потомъ спорить и стыдить налѣво. Онъ сохранилъ эту благородную черту спорить противъ большинства, которое такъ переменчиво, что часто, опьяненное численностью, не заботится о правотѣ и свысока даже пренебрегаетъ ею.

Съ тою же твердостью, съ которою онъ публично и много лѣтъ въ спорѣ не отступалъ передъ властью, гр. Гейденъ въ день соглашенія и въ тиши кабинета не отступилъ и ради власти, предложенной ему, какъ члену образуемаго въ іюлѣ 1906 г. министерства.

Такъ же какъ онъ осуждалъ реакцію въ лицо ея послушнымъ слугамъ, такъ же прямо и смѣло онъ съ Думской кафедры кидалъ упреки и сарказмы слушателямъ смуты, дѣятельнымъ и пассивнымъ служителямъ революціи.

Внимательный читатель этой книжки замѣтитъ его настойчивое противоположеніе разума, какъ двигателя въ государственной работѣ, пылкому чувству, ко-

¹⁾ Въ названномъ выше Сборникѣ помѣщены рѣчи, сказанныя гр. П. А. Гейденомъ въ 1-ой Госуд. Думѣ, Ред.

торымъ стремились его замѣнить, чтобы оправдывать отвѣтныя беззаконія и насилія. Парируя выпады Аладына, онъ не отступалъ передъ самыми категорическими заявленіями. Восторженнымъ революціонерамъ онъ заявлялъ о долгѣ Думы не революціонизировать страну, а успокоить ее. Онъ громко высказалъ, что пришелъ дѣлать спокойную планомѣрную работу и не пойдетъ за депутатомъ Аладынымъ на революціонный путь.

Рядомъ съ твердостью его рѣчей нельзя не отмѣтить той удивительной простоты здраваго смысла, съ которою онъ подходилъ къ самымъ щекотливымъ вопросамъ и высказывался съ безусловной категоричностью. Чтобы убѣдиться, прочтите его рѣчь по законопроекту о равноправіи.

Перечтя его другія рѣчи въ первой Думѣ, нельзя не увидѣть, что рядомъ со свойствомъ его убѣжденности—съ твердостью, надо поставить и свойство его политическаго темперамента—смѣлость. Онъ не только не отступалъ передъ силой и большинствомъ, онъ бралъ инициативу ихъ неправоты и смѣло наступалъ на нихъ во имя того, что считалъ правдой.

Его рѣчи по поводу реформы Государственнаго Совѣта, по поводу помѣстныхъ комитетовъ и проекта 33-хъ о социализаціи земли, его отвѣды зарвавшемуся и ликующему Щенкину, такъ пророчески подернутая дымкой грусти, при ссылкѣ на будущія Думы, м. б. уже недоступныя его старчеству, надолго останутся среди русскаго парламентарнаго краснорѣчія образцомъ находчивости, нарядной строгости, достоинства и ума, въ нихъ сознающаго свое превосходство.

Среди крупныхъ политическихъ дѣятелей твердость и сила встрѣчаются часто, и не онѣ отличили бы такъ наглядно гр. Гейдена отъ другихъ его единомышленниковъ и противниковъ. Съ этой твердостью и силой въ немъ соединилось еще безкорыстіе. Мы, конечно, говоримъ не о матеріальномъ безкорыстіи: упоминаніе о немъ здѣсь было-бы просто неумѣстно. Нѣтъ, мы говоримъ о томъ безкорыстіи, при которомъ въ политической жизни неизбѣжно и самоотверженіе. О томъ безкорыстіи, которое подчиняетъ личность выигрышу для партіи, подчиняетъ личный успѣхъ и успѣхъ своей партіи пользѣ дѣла и выгодѣ для страны.

Это рѣдкое безкорыстіе было у гр. Гейдена постояннымъ. Не первую, а единственною цѣлью всякихъ политическихъ комбинацій и переговоровъ являлась польза дѣла.

Онъ никогда не выговаривалъ доли или части для себя или для партіи, потому что даже не вспоминалъ о нихъ, хлопоча о дѣлѣ.

И такимъ онъ былъ всю жизнь: на казенной службѣ, въ своей долгой земской дѣятельности, на земскихъ сѣздахъ, въ партійныхъ распорядкахъ, въ коммисіяхъ и хлопотахъ Думскихъ переговоровъ. И это всемъ замѣтное свойство больше всего послужило его повсемѣтной популярности и всеобщему уваженію къ почтенному старику.

При такой преданности дѣлу и увлеченіи имъ гр. П. А. Гейденъ, будучи политическимъ дѣятелемъ, не только всегда стремился, но и смогъ быть безпристрастнымъ.

Вотъ это рѣдко и прямо удивительно.

Онъ не только никогда не повторялъ уродливыхъ пересказовъ, извращенныхъ толковъ, съ такой щедростью передаваемыхъ ему и справа, и слѣва, т. е. не только былъ пассивно безпристрастенъ и не вредилъ соперникамъ исподтишка; нѣтъ, онъ служилъ безпристрастію и положительно.

Онъ съ каедрой открыто и старательно отдавалъ справедливость врагамъ и оппонентамъ, онъ отмѣчалъ и даже хвалилъ въ нихъ достойное. Онъ это дѣлалъ въ отзывкахъ и оцѣнкахъ соперничающихъ съ его партіей; онъ это дѣлалъ,

обсуждая въ Думѣ взаимныя отношенія и недоразумѣнія между ней и министерствомъ. Мы въ правѣ повторить, что гр. Гейденъ былъ не только твердый безкорыстный политическій дѣятель, но былъ еще безпристрастнымъ, т. е. именно такимъ, какими для пользы страны должны быть выдающіеся политическіе дѣятели.

Прочтя изложенное и убѣдясь въ рѣдкихъ качествахъ этого государственнаго человѣка, припомня, что онъ выражалъ ихъ въ дѣятельности, не считавшейся съ годами и не знавшей усталости, до конца жизни оставался свѣжимъ, бодрымъ, энергичнымъ, не добивался популярности и не боялся ею рисковать, всякій читатель въ правѣ поставить себѣ и намъ два естественныхъ вопроса:

Во 1-хъ, почему же вокругъ гр. Гейдена не собралась многочисленная партія, почему за нимъ не пошло большинство?

Во 2-хъ, какъ же могло случиться, что при поразительной бѣдности государственныхъ людей въ Россіи, лучшіе изъ которыхъ (за столь немногими исключеніями!) только безцвѣтны и вредять не по корысти и не по злой волѣ, какъ же могло случиться, что этотъ выдающійся и несомнѣнно благонамѣренный человѣкъ не былъ призванъ къ власти?

Причина первой неудачи лежитъ во времени, переживаемомъ Россіей. Вторая ошибка, увы! гораздо глубже и лежитъ въ самой основѣ русскаго управленія.

За гр. Гейденомъ не пошло большинство, потому что политическая дѣятельность его совпала со смутнымъ, революціоннымъ періодомъ. По существу большинство съ нимъ соглашалось, но не имѣло смѣлости быть благоразумнымъ и умѣреннымъ. Кромѣ того оно ставило уничтоженіе стараго впереди всѣхъ реформъ, считало смѣну правительства первымъ залогомъ возможности обновленія и исцѣленія Россіи. Истрадавшаяся отъ произвола и бездарности своихъ правителей, опозоренная, униженная, разоренная и обезсиленная страна видѣла и бѣду свою, и виновниковъ ея все въ томъ же преемственномъ чиновничьемъ правительствѣ; въ немъ же видѣла и помѣху возрожденія мирнымъ путемъ, потому что законная власть продолжала оставаться въ тѣхъ же вражескихъ рукахъ. И потому страна охотѣе шла за тѣми, кто энергично склалъ на ближайшую задачу—сломить ненавистныхъ виновниковъ разоренія и несчастія, хотя бы насильнымъ же революціоннымъ путемъ. Извѣрившись послѣ многихъ лѣтъ въ добросовѣстность обѣщаній, соблазнились предложенной попыткой потягаться съ насильниками силою же. И подъ влияніемъ острой, давно накопленной ненависти большинство поддерживало не строителей будущаго, какъ гр. Гейденъ, а непримиримыхъ разрушителей прошлаго, демогоговъ.

Изъ за этого опаснаго для цѣлости государства и близорукаго свойства массы, государственная власть и не должна никогда переходить въ руки толпы. Но не меньшее горе для страны, если правительство во духовному своему уровню и политическимъ приемамъ не подымается выше близорукой толпы, а возводитъ въ систему то, что въ массахъ — психическое отклоненіе.

И потому на второй вопросъ, какъ же при недостаткѣ государственныхъ людей могъ быть не использованъ такой человѣкъ, какъ гр. Гейденъ? Если среди прежняго безправія онъ былъ тѣнимъ и осуждаемъ чиновничествомъ, то какъ же онъ вознесся, когда палъ осужденный режимъ, когда объявлены были новыя живыя начала государственной жизни и работы? мы съ тяжелымъ чувствомъ принуждены отвѣтить, что возвѣщенное обновленіе Россіи не только не осуществлено, не начато даже. Самое провозглашеніе его многими назойливо и безпрепятственно отвергается; единственнымъ же подтвержденіемъ этихъ торжественныхъ обѣщаній является, увы! оговорка при ихъ нарушеніи.

Режимъ остался старый, всѣми кромѣ его дѣятелей осужденный и потому

онъ продолжаетъ обслуживаться такими людьми, которые по своимъ умственнымъ и духовнымъ качествамъ являются прямою противоположностью гр. Гейдену.

Если его свѣтлая жизнь прошла съ малой для Россіи производительностью, то въ этомъ укоръ не ему, а его времени; оно не унижаетъ его, а подчеркиваетъ его достоинство. Обладая такими большими силами, онъ не захотѣлъ приложить ихъ съ пользою для себя на то, что не служило пользѣ Россіи. Онъ понесъ ихъ на неравную борьбу съ правящимъ зломъ, не уставалъ и не слабѣлъ въ этой борьбѣ. Не его вина, если, не умаля своихъ способностей и труда, онъ вмѣсто широкой и плодотворной государственной дѣятельности долженъ былъ ограничиться общественной, и польза Россіи отъ этого конечно потерпѣла.

Нельзя забывать, что если общественные дѣятели по природѣ своей работы должны примѣнять однородныя съ государственными познанія, силы и способности, то наглядная плодотворность ихъ трудовъ и польза страны остаются несомнѣнными.

Въ движеніи государственной колесницы государственные дѣятели — это кучера. У нихъ въ рукахъ возжи, потому что въ ихъ рукахъ власть управленія.

Общественные дѣятели при одинакихъ усиліяхъ и способностяхъ играютъ скромную роль кнута или тормазы не больше. Поэтому безъ явной предвзятости нельзя приравнивать тѣхъ и другихъ по успѣхамъ и условіямъ ихъ дѣятельности.

Распредѣленіе тѣхъ и другихъ по пригодности въ волѣ и на отвѣтственности руководящей власти, а оцѣнка этого распредѣленія въ успѣхъ государственной жизни, т. е. въ ростъ и благоденствіи страны.

Для послѣдней хуже всего, когда это неправильное распредѣленіе дѣлается не только безъ доброжелательства къ ея нуждамъ, или наперекоръ ея пользамъ, а даже послѣ нагляднаго и жестокаго обличенія остается неисправимымъ.

Мих. Стаховичъ.

Августъ 1907 г.
с. Пальна.

II.

Когда заканчивался наборъ настоящаго изданія парламентскихъ рѣчей группы членовъ Первой Государственной Думы, сошелъ въ могилу графъ Петръ Александровичъ Гейденъ, объединившій эту группу и руководившій образовавшейся изъ нея партіей Мирнаго Обновленія.

Значительное большинство собранныхъ здѣсь рѣчей принадлежитъ самому гр. Гейдену, который высказывалъ свой взглядъ по каждому, сколько-нибудь крупному вопросу, разсматривавшемуся Государственной Думой. Въ этихъ рѣчахъ, въ короткихъ замѣчаніяхъ и репликахъ другимъ ораторамъ, ясно выступаютъ чистый конституціонализмъ, глубокой культъ права, полное достоинства уваженіе къ чужому мнѣнію и стремленіе подчинить мелкія разногласія объединяющей важности главнаго, общаго дѣла, — характерныя черты высоко культурнаго человѣка, какимъ былъ усопшій. Это изданіе является такимъ образомъ первымъ памятникомъ на могилу выдающагося общественнаго дѣятеля, который былъ особенно нуженъ родинѣ именно теперь, въ переживаемый ею переходный періодъ броженія и переоцѣнки вѣковыхъ устоевъ политической и общественной жизни, когда неуклонная и просвѣщенная защита идеи права и законности такъ важна; въ періодъ уясненія и усвоенія народомъ конституціонныхъ началъ и закрѣпленія ихъ въ законодательствѣ, когда такъ необходима выдержанная, закономѣрная, но твердая и непрерывная борьба съ противниками конституціи права и слѣва, а также

объединеніе съ этой цѣлью всѣхъ конституціоналистовъ, независимо отъ деталей различій въ ихъ взглядахъ.

Графъ Петръ Александровичъ Гейденъ обладалъ въ высокой степени всѣми качествами, нужными для такой дѣятельности. Будучи президентомъ Вольнаго-Экономическаго Общества въ мрачный періодъ господства Плеве, онъ проявилъ уже замѣчательную стойкость и высокое умѣніе отстаивать законныя права Общества на просвѣтительную дѣятельность, удерживать его на строго законномъ пути и направлять въ духъ назрѣвавшаго освободительнаго движенія. Въ памятную эпоху земскихъ съѣздовъ, гр. Гейденъ былъ постояннымъ и дѣятельнымъ ихъ участникомъ и часто избирался ихъ предсѣдателемъ. Предсѣдательствуя на июньскомъ съѣздѣ 1905 года, онъ сумѣлъ примирить всѣ разномыслія и добиться единодушія съѣзда, закончившагося извѣстной депутаціей къ Государю Императору, участникомъ которой былъ и гр. Петръ Александровичъ Гейденъ.

Въ Первой Государственной Думѣ онъ сразу оцѣнилъ ошибочность пути, по которому шло большинство, и, оставаясь непримиримымъ противникомъ Министерства Горемыкина, онъ повелъ энергичную борьбу противъ крайнихъ лѣвыхъ и рѣшительно возражалъ противъ каждаго шага, не опиравшагося на законную почву. При этомъ онъ исходилъ изъ того положенія, что воспитывать въ народѣ духъ законности и утверждать ее въ практикѣ жизни нельзя нарушеніемъ законовъ и произволомъ, хотя бы и благожелательнымъ. Это же осужденіе произвола и насилія, отъ кого бы они ни исходили, легло въ основу партіи Мирнаго Обновленія, первымъ предсѣдателемъ которой былъ гр. Гейденъ.

Замѣчательное спокойствіе, выдержка и ровность характера отличали покойнаго дѣятеля, привлекавшаго къ себѣ всѣхъ знавшихъ его простотою своего обращенія, своимъ неизмѣннымъ уваженіемъ къ чужому мнѣнію и человѣческой личности вообще, своей добротою, своимъ неизсякаемымъ юморомъ и своей чисто юношеской свѣжестью и отзывчивостію. Среди близкихъ къ графу Гейдену людей, среди его друзей, большинство было много моложе его, годилось ему въ сыновья; но, будучи старше ихъ годами, онъ не былъ старѣе ихъ духомъ; въ немъ они имѣли не только убѣленнаго сѣдинами руководителя, но и живого, бодрого товарища, поражавшаго и увлекавшаго своей работоспособностью.

Я помню конецъ посвященнаго отвѣтному адресу засѣданія Первой Государственной Думы, когда въ два часа ночи былъ объявленъ перерывъ для составленія комиссіей окончательной редакціи адреса, и мы расходились по кулуарамъ утомленные долгимъ и страстнымъ засѣданіемъ, а гр. Гейденъ бодро спѣшилъ въ засѣдающую во время перерыва комиссію.

Гр. Гейденъ отличался большой отзывчивостію къ чужой нуждѣ и его часто можно было встрѣтить хлопочущимъ по дѣламъ общественныхъ учреждений или частныхъ лицъ. Онъ не былъ ни эгоистиченъ, ни честолюбивъ или властолюбивъ; онъ отстаивалъ свои взгляды не изъ упрямства, а по глубокому убѣжденію. Ему было дорого не торжество его мнѣнія, потому что оно его, а торжество правды и успѣхъ того дѣла мирнаго обновленія и культурнаго воспитанія Россіи, которому онъ служилъ. Его авторитетъ и вліяніе зиждились исключительно на его нравственной и политической чистотѣ, на искренности и стойкости его убѣжденій.

Можно было не соглашаться съ мнѣніемъ графа Гейдена, можно было имѣть противоположныя убѣжденія, но не уважать его было бы нельзя; у него были политическіе противники, но не было враговъ, даже политическихъ.

Графъ Петръ Александровичъ Гейденъ былъ не только политическимъ дѣвателемъ, онъ былъ еще живымъ символомъ необходимости объединенія всѣхъ

дѣйствительно культурныхъ, просвѣщенныхъ русскихъ гражданъ, видящихъ въ торжествѣ права и справедливости вѣрный залогъ возрожденія Россіи. Наилучшей данью уваженія къ его свѣтлой памяти было бы такое ихъ объединеніе въ дружной борьбѣ съ темными силами реакціи и съ разрушительными силами дикаго бунта, одинаково опасными для культуры и прогресса.

Надъ свѣжей могилой этого рѣдкаго, чистаго дѣятеля всѣмъ искреннимъ поборникамъ конституціонныхъ началъ надо забыть частичныя разногласія и открыто протянуть другъ другу руки для совмѣстной работы на общемъ всѣмъ имъ дѣлѣ.

Ив. Ефремовъ.

Іюнь 1907 г.

„Вѣстникъ партіи народной свободы“.

Съ глубокой печалью прочли мы вѣсть о кончинѣ графа П. А. Гейдена. Его общественная дѣятельность создала ему извѣстность человѣка исключительнаго ума, рѣдкаго благородства и безупречной прямоты. Она по достоинству оцѣнена печатью, и къ сказанному мы ничего не могли бы прибавить. Но въ лицѣ гр. Гейдена мы прощаемся съ однимъ изъ доблестныхъ нашихъ товарищей по Первой Думѣ, и въ эти первые дни послѣ понесенной потери въ памяти нашей встаетъ рядъ воспоминаній о пережитомъ, объ этой Думѣ, въ которой покойный игралъ такую исключительно выдающуюся роль, объ его выступленіяхъ въ ней, всегда отмѣченныхъ печатью неподдѣльной искренности, убѣжденностью и убѣдительностью, всегда своеобразныхъ, талантливыхъ, интересныхъ. Покойный былъ бы безъ сомнѣнія на одномъ изъ первыхъ мѣстъ въ любомъ парламентѣ Европы. Не смотря на странный и досадный вѣшній недостатокъ рѣчи, сильно ему мѣшавшій, онъ былъ замѣчательнымъ, первокласснымъ парламентскимъ ораторомъ. Рѣчь его всегда лишена была общихъ мѣстъ, — при томъ, она не имѣла ни малѣйшей склонности къ пафосу, не старалась потрясти слушателей, подѣйствовать на ихъ чувства. Напротивъ, она всегда, съ начала и до конца, апеллировала къ логикѣ, къ строгимъ велѣніямъ разсудка. Юморомъ, ироніей гр. Гейденъ владѣлъ въ совершенствѣ. Во всѣхъ его рѣчахъ чувствовалась его сильная выдающаяся индивидуальность. Его всегда слушали съ вѣжливымъ и почтительнымъ вниманіемъ даже тогда, когда онъ говорилъ противъ несокрушимаго убѣжденія огромнаго большинства палаты.

Пишущій эти строки имѣлъ случай принимать участіе въ рядѣ засѣданій комиссіи о неприкосновенности личности подъ предѣлательствомъ гр. Гейдена, и это частое общеніе, въ болѣе тѣсномъ кругу, только способствовало укрѣпленію тѣхъ чувствъ симпатіи и уваженія, которыя возбудилъ къ себѣ покойный еще со времени тѣхъ незабвенныхъ земскихъ съѣздовъ, на которые только что была сдѣлана такая печальная и злобѣщая пародія. Незамѣнно проникнутый уваженіемъ къ чужому мнѣнію, какъ бы оно ни противорѣчило его собственному, гр. Гейденъ никогда не сдавался, пока оставалась возможность отстаивать собственный взглядъ. Такъ какъ этотъ взглядъ былъ почти всегда результатомъ вдумчиваго и внимательнаго мышленія, то естественно, что покойнаго не легко бывало переубѣдить. Убѣжденность его отнюдь не была упрямствомъ, хотя поверхностному наблюдателю это могло иногда казаться.

Гр. П. А. Гейденъ скончался въ тяжелую минуту. Условія роспуска Думы какъ будто нарочно были придуманы для того, чтобы воочію показать всю ошибочность, всю нищету той деклараціи, которою въ прошломъ году открылась дѣятельность партіи Мирнаго Обновленія. Сама партія оказалась мертворожденной.

Кромѣ М. А. Стаховича, никто изъ ея лидеровъ во вторую Думу избранъ не былъ. Наконецъ, послѣдніе дни покойнаго были отравлены тѣмъ съѣздомъ, въ подготовкѣ котораго онъ участвовалъ, едва ли ожидая, что на немъ такъ побѣдоносно и открыто подниметь голову реакція, что этотъ съѣздъ такъ злобно и со скрежетомъ зубовнымъ отречется отъ всякой солидарности съ тѣми другими съѣздами, съ которыми связалъ свое имя гр. Гейденъ...

Вѣчная память нашему маститому товарищу, нашему рыцарскому противнику, и да будетъ ему легка родная земля, на благо которой онъ до послѣднихъ дней самоотверженно отдавалъ всѣ свои силы...

Влад. Набоковъ.

Списокъ членовъ Совѣта и прочихъ должностныхъ лицъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества.

(къ 1 сентября 1908 г.).

С о в ѣ т ь:

Президентъ — Андрей Сергѣевичъ Фаминцынъ.
Вице-Президентъ — Николай Федоровичъ Анненскій.
Секретарь — Василій Васильевичъ Хижняковъ.
Казначей — Николай Григорьевичъ Кулябко-Корецкій.

Предсѣдатели Отдѣленій:

I-го — вакансія.
II-го — Людвигъ Юльевичъ Явейнъ.
III-го — Алексѣй Васильевичъ Пысехоновъ.

Товарищи предсѣдателей Отдѣленій:

I-го — Павелъ Владиміровичъ Отоцкій.
II-го — Леонидъ Ивановичъ Лутугинъ.
III-го — Сергѣй Николаевичъ Прокоповичъ.

Члены Совѣта отъ Общаго Собранія:

1) Николай Николаевичъ Кутлеръ.
2) вакансія.
3) Гейнрихъ Адольфовичъ Фальборкъ.

Другія должностныя лица:

Секретари Отдѣленій:

I-го — вакансія.
II-го — вакансія.
III-го — Андрей Михайловичъ Рыкачевъ.

Редакторы періодическихъ изданій Общества:

„Трудовъ И. В. Э. О.“ — Секретарь Общества.
„Русскаго Пчеловоднаго Листка“ — Николай Михайловичъ Кулагинъ.
„Почвовѣдникъ“ — Павелъ Владиміровичъ Отоцкій; онъ же и За-
вѣдывающій Почвеннымъ музеемъ.

Библіотекарь — Павелъ Михайловичъ Богдановъ; онъ же и
Кассиръ.

Бухгалтеръ — Петръ Егоровичъ Левыкинъ; онъ же и С мо-
тритель дома.

Телефонъ № 21-19.

Періодическія изданія Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества въ 1908 г.

„Труды Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества“ (издаются съ 1766 года). Журналъ сельско-хозяйственный и экономическій, заключаетъ въ себѣ полныя свѣдѣнія о дѣятельности Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества и обзоры сельскохозяйственной и экономической жизни и литературы; выходитъ книжками 6 разъ въ годъ. Цѣна съ доставкой и пересылкой 3 рубля въ годъ.

Редакторъ — Секретарь Общества *В. В. Хижняковъ*.

„Русскій Пчеловодный Листокъ“ (основанъ А. М. Бутлевымъ въ 1886 г.) — ежемѣсячное періодическое изданіе русскихъ пчеловодовъ. Цѣна съ доставкой и пересылкой 2 рубля, для подписчиковъ на „Труды И. В. Э. О.“ — 1 руб. 50 к. въ годъ.

Редакторъ — проф. *Н. М. Кулагинъ*.

Адресъ редактора: Москва, Петровское-Разумовское, Сельско-Хозяйственный Институтъ.

„Почвовѣдѣніе“ (издается съ 1899 года) подъ руков. Почвенной Комиссіи И. В. Э. О.; посвящено разработкѣ научныхъ вопросовъ почвовѣдѣнія и ближайшихъ къ ней отдѣловъ естествознанія, а также почвенно-оцѣночному дѣлу; выходитъ книжками 4 раза въ годъ. Цѣна съ доставкой и пересылкой 6 руб. въ годъ.

Редакторъ — дѣйствит. членъ Общества *Д. В. Отоцкий*.

Подписка на періодическія изданія И. В. Э. О. принимается въ помѣщеніи Общества: С.-Петербургъ, Забалканскій проспектъ, 33.

Редакторъ *В. В. Хижняковъ*.